

МИНИСТЕРСТВО НАУКИ И ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ РФ

**ФГБОУ ВО
МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
УНИВЕРСИТЕТ ТЕХНОЛОГИЙ И УПРАВЛЕНИЯ
ИМЕНИ К.Г. РАЗУМОВСКОГО
(ПЕРВЫЙ КАЗАЧИЙ УНИВЕРСИТЕТ)**

ВЕСТНИК МГУТУ

СЕРИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАУК:

**ИСТОРИЯ
ЖУРНАЛИСТИКА
ПЕДАГОГИКА**

2025 / № 4

МОСКВА

Учредитель научного журнала
**«Вестник Московского государственного университета
технологий и управления имени К.Г. Разумовского
(Первый казачий университет). Серия общественных наук»**

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования «Московский государственный университет техноло-
гий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет)»

Выходит 4 раза в год
ISSN 2949-3846

Тираж 500 экз.

Главная редакция

Главный редактор: *Володихин Д.М.*, доктор исторических наук, проректор по научной работе МГУТУ.
Ответственный секретарь: *Чернова А.Е.*, кандидат филологических наук, член Союза писателей России.
Редактор-корректор: *Ипатько Н.В.*, член Союза писателей России.

Редакционная коллегия

ИСТОРИЯ

Алексеев С.В., доктор исторических наук
Володихин Д.М., доктор исторических наук
Хандорин В.Г., доктор исторических наук
ЖУРНАЛИСТИКА
Миронов А.С., доктор философских наук
Андреев А.Н., доктор филологических наук
Шафажинская Н.Е., доктор культурологии
Иртенина Н.В., член Союза писателей России, лауреат премии РПЦ «Новая библиотека»
ПЕДАГОГИКА
Кубрушко П.Ф., доктор педагогических наук, член-корреспондент РАО
Рыжаков М.В., доктор педагогических наук, академик РАО
Шишов С.Е., доктор педагогических наук
Юлина Г.Н., кандидат педагогических наук
ПИЩЕВЫЕ СИСТЕМЫ
Восканян О.С., доктор технических наук
Грибкова В.А., кандидат технических наук
Славянский А.А., доктор технических наук

Казарцев Д.А., доктор технических наук
Хайруллин М.Ф., кандидат технических наук
БИОЛОГИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ И РЫБНОЕ ХОЗЯЙСТВО
Бахарева А.А., доктор сельскохозяйственных наук
Гусева Ю.А., доктор сельскохозяйственных наук
Никифоров-Никишин А.Л., доктор биологических наук
ЭКОНОМИКА
Аношина Ю.Ф., доктор экономических наук
Бурланков С.П., доктор экономических наук
Кулагина Н.А., доктор экономических наук
Маламуд Д.Б., доктор экономических наук
ПСИХОЛОГИЯ
Овсяник О.А., доктор психологических наук
Панюкова Ю.Г., доктор психологических наук
Сокольская М.В., доктор психологических наук

Вестник Московского государственного университета технологий и управления имени К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). Серия общественных наук. 2025. №4. 142 с.
Свидетельство о регистрации печатного издания СМИ ПИ № ФС77-85724 от 28.07.2023. Издание распространяется на территории Российской Федерации.
© ФГБОУ ВО «МГУТУ им. К.Г. Разумовского (ПКУ)», 2025
© «Снежный ком» (ИП Штепин Д.В.), 2025
Адрес редакции: 109004 г. Москва, ул. Земляной Вал, д. 73, тел. 8 (495) 915-03-40. E-mail: vestnik-mguty@mail.ru

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ

DOI 10.69540/2949-3846.2025.25.32.001

УДК 94(47) + 281.93

*Д.М. Володихин**D.M. Volodikhin*

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОСТРОМЕ

ABOUT THE TIME OF THE IPATIEVSKY MONASTERY IN KOSTROMA

Аннотация:

Дискуссия вокруг даты основания Ипатьевского монастыря в Костроме ведется давно. Она обострена политическим обстоятельством, а именно близостью истории двух династий к исторической судьбе обители — Годуновых и особенно Романовых. Внимательное прочтение современной литературы и новая интерпретация хорошо известных, давно опубликованных источников позволили автору статьи сделать вывод: традиционная дата основания монастыря (1330 г.) в целом подтверждается. Это особенно важно акцентировать в канун столь крупного исторического юбилея, как 700-летие костромской Ипатьевской обители, который будет отмечаться в 2030 г.

Ключевые слова: история России, церковная история, летописные источники, Иван Калита, хан Узбек, Годуновы, Кострома, Ипатьевский монастырь, дата основания.

Abstract:

The discussion around the founding date of the Ipatievsky Monastery in Kostroma has been going on for a long time. It is aggravated by a political circumstance, namely, the proximity of the history of the two dynasties to the historical fate of the monastery — the Godunovs and especially the Romanovs. A careful reading of modern literature and a new interpretation of well-known, long-published sources allowed the author of the article to conclude that the traditional date of the monastery's foundation (1330) is generally confirmed. This is especially important on the eve of such a major historical date as the 700th anniversary of the Kostroma Ipatiev Monastery, which will be celebrated in 2030.

Keywords: history of Russia, church history, chronicle sources, Ivan Kalita, Khan Uzbek, Godunovs, Kostroma, Ipatievsky monastery, date of foundation.

Ближащийся юбилей — 700-летие Ипатьевского монастыря в Костроме, а также особое значение этой обители для истории династии Романовых стали плодотворной почвой для новых дискуссий об обстоятельствах и хронологии возникновения обители.

Позднее родословное предание, относящееся к генеалогии семейств Сабуровых, Годуновых и Вельяминовых, связывает появление монастыря с выездом из Орды на службу великому князю владимирскому легендарного прародителя названных родов, ордынского мурзы Чета, принявшего в крещении имя Захария. Это событие традиционно датируется 1330 г., к нему оказалось привязано и возникновение Ипатьевского костромского монастыря¹.

С.Б. Веселовский доказал следующее: Захария действительно числится в родословии названных семейств наиболее ранним предком, но он никак не мог выехать из Орды в 1330 г., поскольку в 1304 г. его сын Александр Зерно, уже пребывавший в зрелом возрасте, был убит вечниками, восставшими против представителей московского князя, присланных для контроля над Костромой². В обстоятельствах борьбы между Москвой и Тверью Кострома явно встала на сторону последней.

Для истории Ипатьевского монастыря совершенно не важно, при каких обстоятельствах жил Чет, существовал ли он вообще и произошло ли его крещение, а если произошло, то из какой веры. Важно другое: 1330-е гг. — время жизни внука костромского вотчинника Захарии, Дмитрия Александровича Зерно. А род Зерна и Зерновых, т. е. предков Годуновых, действительно имел богатые земельные владения в регионе³.

В 1328 г. хан Узбек передал половину земель, составлявших великое княжение, под контроль Ивана Калиты⁴. Стоит заметить, что до этого момента Москва не контролировала Кострому. А двумя годами позднее, в 1330-м, Кострома стала местом проведения большого церковного собора, прошедшего на землях Ивана Калиты под духовным водитель-

¹ Павел (Подлипский), еп. Описание костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством московским на Царство Русское. Составлено из подлинных монастырских бумаг 1832 года. М., 1832. С. 1—2.

² Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007. С. 86; Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910. С. 96. Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 162, 483.

³ Веселовский С.Б. Исследования по истории класса служилых землевладельцев. М., 1969. С. 178—180, 487.

⁴ ПСРЛ. Т. 3. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000. С. 469.

ством митрополита Феогноста⁵. Еще через два года все великое княжение перешло под контроль Ивана Калиты.

В своем завещании Иван Калита написал, что приобрел в Костроме монастырь «Святого Александра»⁶, а это могло произойти лишь между 1328 и 1332 гг. Раньше у великого князя московского и владимирского не было к тому возможностей, а после — причин для подобного приобретения. Позднее из всех источников Александровский монастырь исчезнет, останется лишь Александро-Антониновский храм, о котором нет никаких известий, что он имеет какое-либо касательство к обители.

Между тем упоминания Ипатьевского монастыря появляются на страницах источников в первой половине XV столетия. О нем говорят как об уже существующей обители, и притом довольно крупной, но не приводят известий о его создании⁷. Очевидно, основание его произошло намного раньше. А единственный монастырь в Костроме, упомянутый в источниках до этого момента, — тот самый «Святой Александр», о приобретении которого сообщает в духовной грамоте Иван Калита. Весьма вероятно, монастырь сменил имя, как это бывало неоднократно в истории Русской Церкви. Тот же знаменитый собор Василия Блаженного в старину был Покровским, а еще раньше — Троицким.

Но почему и когда Александровская обитель превратилась в Ипатьевскую?

Престольный праздник святого Ипатия Гангрского отмечается 14 ноября, т. е. тогда же, когда произошла земная кончина князя Александра Невского.

В трудах современных специалистов высказывалась идея, согласно которой Иван Калита пытался создать центр почитания Александра Невского, альтернативный Рождественскому монастырю во Владимире, тогда находившемуся под властью великого князя Александра Васильевича. В частности, выдвигалась гипотеза о Федоровской иконе Божией Матери, которая рассматривалась как святыня, связанная с Александром Невским. Сам Александр Ярославич в ту пору уже удостоился по-

⁵ ПСРЛ. Т. 10. Никоновская летопись. СПб., 1885. С. 203; Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908. Стб. 171—172; *Введенский С.Н.* Церковный собор в Костроме при митрополите Всероссийском Феогносте // Христианское чтение. 1914. № 2. С. 235—245.

⁶ Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л., 1950. С. 10.

⁷ Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. Т. 3. М., 1964. № 228. С. 248—249; ПСРЛ. Т. 8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859. С. 99; ПСРЛ. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949. С. 252.

читания как местный святой, но до общерусской канонизации дело еще не дошло⁸.

Гипотеза эта не имеет значения для решения вопроса о времени возникновения Ипатьевского монастыря. Достаточно гораздо более простого и ясного факта: в 1330 г. митрополит Феогност, до конца не соглашавшийся пока «осесть» в стольных градах Ивана Калиты и Александра Васильевича, решил провести церковный собор в Костроме. Иван Калита стремился привлечь митрополита Феогноста на свою сторону за счет крупных храмовых построек, в частности, соборов Святого Петра, Святого Иоанна Лествичника и Всемилоственного Спаса в Москве. Эта архитектурная программа возымела действие лишь частично, во всяком случае изначально. Феогност сохранил очень значительную самостоятельность, ездил по огромной митрополичьей области и не столь уж много времени проводил в Москве (да и в целом во владениях Ивана Калиты)⁹. Для великого князя в вопросе о том, как «привязать» Феогноста к своим владениям, Кострома — шанс двоякий. С одной стороны, митрополита можно туда привлечь перспективой освящения и открытия нового монастыря; с другой стороны, пребывание в Костроме Феогноста — инструмент для того, чтобы сдвинуть с мертвой точки дело общерусской канонизации князя Александра Невского, родного деда Ивана Калиты. Стоит заметить, что именно в 1330 г. глава Русской Церкви принимает участие в создании московского великокняжеского Спасского монастыря. Иначе говоря, вопрос основания новых обителей его живо интересует¹⁰.

Поэтому Иван Калита приобретает землю под обустройство нового монастыря, и на ней возникает «Святой Александр». Возможно, на этой земле находилась вотчинная церковь, жившая на деньги Дмитрия Александровича Зерно. А возможно, и нет. Место изначального погребения Александра Захарьевича Зерно и самого прародителя Захария — вопрос, на который источники четкого ответа не дают.

Тут возможны два варианта:

1. Дмитрий Александрович Зерно продал по выгодной цене великому князю пустующую землю, получив за это право выезда на московскую службу и, таким образом, сам «зацепился» за государев двор и потомкам своим «завещал» место при московских правителях. Созданному на его бывшей земле волею Ивана Калиты монастырю Сабуровы,

⁸ *Ферапонт (Кашин), митр.* К вопросу о времени и обстоятельствах основания Ипатьевского монастыря // Ипатьевский вестник. 2024. № 1 (25). С. 60—64.

⁹ *Борисов Н.С.* Иван Калита. М.: «Молодая гвардия», 1995. Глава «Храмоздательство». [Электронный ресурс]: https://royallib.com/read/borisov_nikolay/ivan_kalita.html#807507 (дата обращения: 02.04.2025).

¹⁰ ПСРЛ. Т. 10. Никоновская летопись. С. 203.

Годуновы и Вельяминовы впоследствии покровительствовали, обретя тем самым право использовать его как родовую усыпальницу.

2. На родовой вотчинной земле, принадлежавшей Дмитрию Александровичу Зерно, уже стоял храм, где, возможно, покоились останки его предков. Связано ли как-то освящение храма с именем его отца, А.З. Зерно, и передалось ли оно монастырю, вопрос, который невозможно решить на нынешнем уровне источниковой базы. Надо оставить его и не фантазировать. В остальном можно предполагать то же развитие событий, что и в пункте первом.

Отсюда ясно, что родословная легенда Годуновых и иных связанных с ними семейств имеет под собой историческую почву: Дмитрий Александрович Зерно действительно в 1330 г. выехал на службу к великому государю — не Захария, а именно его внук Дмитрий; а монастырь возник действительно на земле прародителей Годуновых, отсюда их связь с обителью, внимание к ней, покровительство и — как отдаленное следствие — включение в родословную легенду.

Что же касается планов Ивана Калиты на митрополита Феогноста, то они осуществились лишь частично. С одной стороны, канонизации Александра Невского в общерусском масштабе в 1330 г. не произошло. Отсюда — постепенная утрата обителью имени Александровской и переход к имени Ипатьевской, от святого Ипатия Гангрского, память которого отмечается также 14 ноября. С другой стороны, отношения великого князя с митрополитом пусть и не быстро, но наладились. Следовательно, логичной выглядит и смена имени, которое изначально носила обитель. Для Ивана Калиты, с его грандиозными планами, это все еще «Святой Александр», а для его преемников, и, видимо, достаточно быстро, монастырь становится уже «Святым Ипатием».

Сумма фактов, связанных с ранней историей Ипатьевского монастыря, достаточно полно объясняет обстоятельства его возникновения в 1330 г. и не дает почвы для сомнений в сути известия, которое содержится в родословном источнике, связанном с семейством Годуновых.

Архивные источники

1. Акты социально-экономической истории Северо-Восточной Руси конца XIV — начала XVI в. В 3 т. Т. 3. М.: Изд-во АН СССР, 1964.
2. Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV—XVI вв. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 587 с.
3. Полное собрание русских летописей. Т. III. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М., 2000.
4. Полное собрание русских летописей. Т. 8. VII. Продолжение летописи по Воскресенскому списку. СПб., 1859.

5. Полное собрание русских летописей. Т. 10. Никоновская летопись. СПб., 1885.

6. Полное собрание русских летописей. Т. XXIII. Ермолинская летопись. СПб., 1910.

7. Полное собрание русских летописей. Т. XXV. Московский летописный свод конца XV века. М.; Л., 1949.

8. Полное собрание русских летописей. Т. XVIII. Симеоновская летопись. М., 2007.

9. Русская историческая библиотека. Т. 6. Памятники древнерусского канонического права. Ч. 1. СПб., 1908.

Список литературы

1. *Введенский С.Н.* Церковный собор в Костроме при митрополите Всероссийском Феофане // Христианское чтение. 1914. № 2. С. 235—245.

2. *Веселовский С.Б.* Исследования по истории класса служилых землевладельцев / АН СССР. М.: «Наука», 1969. 582 с.

3. *Борисов Н.С.* Иван Калита. М.: «Молодая гвардия», 1995. 299 с. («Жизнь замечательных людей»).

4. *Павел (Подлипский), еп.* Описание костромского Ипатьевского монастыря, в коем юный Михаил Феодорович Романов умолен знаменитым посольством московским на Царство Русское. Составлено из подлинных монастырских бумаг 1832 года. М.: Синод. тип., 1832. 127 с.

5. *Ферапонт (Кашин), митр.* К вопросу о времени и обстоятельствах основания Ипатьевского монастыря // Ипатьевский вестник. 2024. № 1 (25). С. 48—70.

Сведения об авторе

Володихин Дмитрий Михайлович, доктор исторических наук, доцент, профессор исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, проректор по научной работе Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет). E-mail: volodih@mail.ru

Information about the author

Volodikhin Dmitry Mikhailovich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Professor of the Faculty of History of M.V. Lomonosov Moscow State University, Vice-Rector for Research at the K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University). E-mail: volodih@mail.ru

**УЧАСТИЕ КАЗАКОВ-КУБАНЦЕВ
В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ
PARTICIPATION OF KUBAN COSSACKS
IN THE FIRST WORLD WAR**

Аннотация:

Цель исследования заключается в выявлении роли кубанского казачества в Первой Мировой войне. Казачьи части чаще всего использовались в разведке, прорывах и арьергардных боях. Кубанские казаки принимали участие в большинстве крупных операций ПМВ на кавказском и восточно-европейском театрах боевых действий. Они прикрывали как развертывание, так и отступление основных сил русской армии, проводили разведывательные и диверсионные рейды. Участие кубанских казаков в ПМВ дало множество примеров мужества и героизма. К различным наградам были представлены около 30,5 тыс. кубанцев. Высокие потери, характерные для казачьих частей, в том числе кубанцев, а также малое число казаков, сдававшихся в плен, свидетельствуют о высоком уровне их стойкости и самоотверженности. В то же время не всегда командование крупными соединениями умело использовало казачьи части. Иногда это было следствием недостаточной теоретической подготовки высшего офицерского состава, иногда причиной являлось отсутствие современной доктрины использования кавалерии. Недооценка значимости казачьих частей определяла и их слабое обеспечение современными видами оружия и артиллерией. Анализ участия кубанских казаков в ПМВ позволяет сделать вывод, что кубанцы внесли значительный вклад в ход военных операций и кампаний, проводившихся российской армией на восточно-европейском и кавказском театрах военных действий.

Ключевые слова: казачество, Первая Мировая война, Великая война, Кубанское казачье войско, Кубань.

Abstract:

The purpose of the study is to identify the role of the Kuban Cossacks in the First World War. Cossack units were most often used in reconnaissance, breakthroughs and rearguard battles. Kuban Cossacks took part in most of

the major WWI operations in the Caucasian and Eastern European theaters of operations. They covered both the deployment and the retreat of the main forces of the Russian army, conducted reconnaissance and sabotage raids. The participation of the Kuban Cossacks in the WWI provided many examples of courage and heroism. About 30,5 thousand Cubans were presented with various awards. The high losses typical of Cossack units, including the Kuban, as well as the small number of Cossacks who surrendered, indicate a high level of their resilience and dedication. At the same time, the command of large formations did not always skillfully use Cossack units. Sometimes this was the result of insufficient theoretical training of senior officers, sometimes the reason was the lack of a modern doctrine of the use of cavalry. Underestimating the importance of the Cossack units also determined their poor supply of modern weapons and artillery. An analysis of the participation of the Kuban Cossacks in the First World War allows us to conclude that the Kuban made a significant contribution to the course of military operations and campaigns conducted by the Russian army in the Eastern European and Caucasian theaters of military operations.

Keywords: Cossacks, First World War, Great War, Kuban Cossack Army, Kuban.

Современные события с пугающей быстротой приблизили конфронтацию России и Запада к той красной черте, переступив которую мир окажется в условиях ядерного конфликта, где победителей, как, к сожалению, многие забыли, не будет. Подобная ситуация неизбежно порождает поиск ответов на вопросы, связанные с проблемой урегулирования конфликтов, а в значительной степени и их истоков, причин, предпосылок. В этом плане Первая Мировая война, или, как называли ее современники, Великая война дает богатую пищу для размышлений. Ведь когда прозвучал выстрел в Сараево, никто не думал, что это приведет к четырехлетней бойне с невиданными до тех пор людскими потерями. Первая Мировая война породила также немало примеров мужества и героизма простых людей, которые на себе вынесли все ее тяготы и невзгоды. Эта сторона войны не менее актуальна и значима, в том числе и в плане воспитания патриотизма подрастающего поколения.

Отметим, что тема участия кубанских казаков и вообще жителей Кубани в Великой войне не является новой в исторических исследованиях. Специалистами, в первую очередь кубанскими историками и краеведами проанализированы различные аспекты, связанные с участием кубанского казачества в Первой Мировой войне.

Уже в годы войны появились первые работы о ней и ее участниках¹¹. Многие из этих работ были наполнены сведениями о мужестве и героизме кубанских казаков¹². В советской историографии исследований, посвященных участию кубанских казаков в Первой Мировой войне, было крайне мало, сведения по этой теме крайне отрывочны. Процесс возрождения казачества, начавшийся в конце 1980-х гг., обусловил возросший интерес к казачьей проблематике, в том числе и к изучению участия казаков в Первой Мировой войне. При этом появляются как общие работы, посвященные участию казаков¹³, так и исследования по отдельным аспектам данной темы. Среди них выделим работы, посвященные непосредственно участию кубанских казаков в отдельных операциях¹⁴, анализу боевых и морально-нравственных качеств, проявленных казаками в годы войны¹⁵, судьбе военнопленных казаков¹⁶, персоналиям¹⁷.

¹¹ Баранов Е.З. Наши казаки: рассказы о казаках и казачьем войске. М., 1915. 32 с.; Наши чудо-богатыри в войне 1914 года. Пг., 1915. 160 с.; Отечественная война 1914. М., 1915. 16 с.

¹² Мировая война в рассказах и иллюстрациях. М., 1915. 93 с.; Сборник славы кубанцев (Кубанцы в Великую войну 1914—15—16 гг.): Повести, рассказы, стихотворения, статьи, письма и заметки / Ред.-изд. И.И. Борец. Екатеринодар, 1916. 226 с.

¹³ Бузун Ю.Г. «Во славу и защиту Отечества...». Кубанские казаки на фронтах Первой Мировой войны. Краснодар, 2014. 272 с.; Шкуро В.И. О кубанцах, воевавших в Первую Мировую войну до дня победы // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития. Мат-лы всерос. заочной науч.-практ. конф., октябрь 2011 г. Краснодар, 2012. С. 266—273.

¹⁴ Емельянов А.Г. Казаки на персидском фронте (1915—1918). М.: «Вече», 2007. 444 с.; Слободенюк В.В. Участие кубанских казаков в боевых действиях на западном фронте русской армии 1915 г. // Первая Мировая война: великая и неизвестная. Мат-лы междунар. науч.-просвет. конф., 23—27 мая 2014 г. Краснодар, 2014. С. 213—217; Стрелянов П.Н. Кубанские офицеры в Луцком прорыве и летнем наступлении юго-западного фронта 1916 года // Кубанский сборник: Сб. науч. статей по истории края. Т. 2 (23). Краснодар, 2007. С. 206—222; Федосов П.С. Сарыкамышская операция — образец героического подвига казаков // Первая Мировая война: великая и неизвестная. С. 243—248.

¹⁵ Трут В.П. Казаки в Первой Мировой войне: характеристика боевых и морально-нравственных качеств // Первая Мировая война: великая и неизвестная. Мат-лы междунар. науч.-просвет. конф., 23—27 мая 2014 г. Краснодар, 2014. С. 229—232.

¹⁶ Ратушняк О.В. Военнопленные и интернированные казаки в Германии после Первой Мировой и Советско-польской войн // Первая Мировая война: великая и неизвестная. Мат-лы междунар. науч.-просвет. конф., 23—27 мая 2014 г. Краснодар, 2014. С. 195—198.

¹⁷ Матвеев О.В. Георгиевский кавалер из станицы Ханской // Кубанское казачество: историко-культурное наследие, судьбы, грани народной памяти.

Главная цель данного исследования — показать основные аспекты участия кубанского казачества в Первой Мировой войне, в том числе примеры личного мужества и героизма.

С первых же дней войны на Кубани началась мобилизация населения. В кубанских газетах было опубликовано воззвание наказного атамана Кубанского казачьего войска М.П. Бабыча, в котором он призвал казаков встать на защиту родины: «В тяжелую годину великих испытаний, ниспосланных России, все верные ее сыны должны дружно и самоотверженно стать на защиту, каждый по мере своих сил и способностей»¹⁸. К августу 1915 г. на всех фронтах насчитывалось более 97 тыс. кубанцев, а к концу войны — более 107 тыс., что составляло около 12 % казачьего населения Кубанской области.

За годы войны Кубанское казачье войско выставило на фронт 37 конных полков, 24 пластунских батальона, 1 отдельный конный дивизион, 1 отдельный пластунский батальон, 51 сотню, 6 артиллерийских батарей¹⁹. Кубанцы, не относящиеся к казачьему сословию, служили преимущественно в составе армейских подразделений, а горцы — в полках Кавказской конной туземной дивизии, воевавшей на Западном фронте. В общем числе казачьих частей, принимавших участие в Первой Мировой войне, кубанские казаки составляли примерно одну треть. По численности отправленных на фронт людей Кубанское казачье войско даже опередило Всевеликое Войско Донское.

Кубанцы, в первую очередь представители кубанского казачества с первых же дней войны приняли активное участие в военных операциях. Первоначально бои велись в Польше, Восточной Пруссии и на Карпатах. Только за август 1914 г. к наградам были представлены около 500 чинов Кубанского казачьего войска. Первым георгиевским кавалером на Кубани стал подхорунжий Савенко²⁰. Кубанская казачка Матвеева стала первым георгиевским кавалером среди женщин: во время тяжелого сражения она вынесла с поля боя около 30 раненых²¹. Участвовали женщины-казачки и в боевых операциях. Так, знаменитая Елена Чоба к лету 1915 г. имела уже две Георгиевские медали (II и III

Краснодар, 2019. С. 228—232; *Бурмагин А.Г., Бузун Ю.Г.* Гамалий Василий Данилович (1884—1956) // Кубанское казачество на рубеже веков (1860—1917 гг.). К 150-летию Кубанского казачьего войска. Краснодар, 2010. С. 402—403.

¹⁸ Цит. по: *Летопись Кубанского казачьего войска: 1696—2006* / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар, 2006. С. 208.

¹⁹ Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2007. Оп. 1. Д. 30. Л. 22—30.

²⁰ Листок войны. 1914. № 11.

²¹ Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Ч. 1. Краснодар, 1994. С. 206.

степени) и Георгиевский крест IV степени, который она получила за спасение двух русских батарей, выведя их из окружения²².

В течение двух недель после начала войны с Турцией на Кавказском фронте находилось уже более 35 тыс. казаков. Всего от Кубанского казачьего войска в состав Кавказской армии были включены 16 конных полков (96 сотен), 18 пластунских батальонов и 4 конно-артиллерийские батареи (24 орудия). Фактически казаки составляли основу кавалерии Кавказской армии²³. Большинство казаков входило в состав Сарыкамышского и Ольгинского отрядов. Казаки отличились в боях у села Омракомы, в сражениях за Кирыхские и Азап-Кейские высоты и Клыч-Гядукский перевал. Только за 1914 г. по Сарыкамышскому и Ольгинскому отрядам было награждено свыше 1420 кубанцев.

Казачьи части чаще всего использовались в разведке, прорывах и арьергардных боях. Из трудных ситуаций казаков часто выручали находчивость и смекалка. Еще в ходе первых августовских сражений 1914 г. австрийцы и немцы были поражены ловкостью, военной хитростью и отвагой казаков. Своими активными действиями казаки в значительной степени способствовали успешному наступлению русских войск. Так, 10 августа 1914 г. благодаря инициативе и решительным действиям войскового старшины Чумаченко русским войскам удалось захватить мост через реку Сереть. Позже в ходе боя у села Хухлива сотня кубанцев обратила в бегство около двух батальонов противника, захватив 4 орудия и много пленных²⁴. Не случайно австрийцы и немцы считали, что лучше сразиться с 10 солдатами, чем с одним казаком: «Это не люди, а дьяволы на лошадях. Во время боя казак подобен колдуну и драться с ним одно наказание. Лучше сразиться с десятью русскими солдатами, чем с одним этим чертом»²⁵.

В районе р. Сенявы разъезд казаков Хоперского полка, состоявший из 17 человек, вступил в схватку с эскадроном гвардейских гусар. В результате боя противник был рассеян, а казаки захватили в плен двух офицеров, 48 гусар и два пулемета противника. Командир разъезда А.Г. Шкуро за этот бой был представлен к ордену Св. Анны IV степени²⁶.

Точная разведка кубанских казаков часто становилась причиной успешных действий русских войск и провала операций противни-

²² Летопись Кубанского казачьего войска. С. 218.

²³ Бузун Ю.Г. Участие кубанских казачьих подразделений в Первой Мировой войне: Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. С. 83.

²⁴ Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Ч. 1. С. 206.

²⁵ Цит. по: Летопись Кубанского казачьего войска. С. 208.

²⁶ Бузун Ю.Г. Участие кубанских казачьих подразделений в Первой Мировой войне. С. 83.

ка. Особо отличились в этом пластуны. Их часто посылали на самые опасные и ответственные участки фронта. В 1915 г. над двумя кубанскими пластунскими батальонами приняли шефство император Николай II и великий князь Георгий Михайлович. Как отмечалось в царской телеграмме, пластуны удостоились такой чести «за их беззаветную службу и геройские подвиги»²⁷. Весной 1915 г. пластуны, отлично зарекомендовавшие себя на Кавказском театре военных действий, были переброшены в Галицию, где также отличились в сражениях с австрийскими войсками.

В неблагоприятной военной обстановке, которая сложилась к 1915 г., казаки часто прикрывали отступление русских частей. Особенно известен подвиг 5-го Кубанского пластунского батальона и его командира полковника Ветинского, совершенный в мае 1915 г. у с. Корженицы. За проявленные мужество и героизм командир батальона был награжден Георгиевским оружием²⁸.

В связи с тяжелой ситуацией на Западном фронте правительство приняло решение о формировании из казаков партизанских отрядов. Два партизанских отряда из кубанских казаков успешно действовали на румынском направлении. Один из партизанских отрядов — Кубанский конный отряд особого назначения — возглавлял А.Г. Шкуро. Отряд совершал успешные рейды в тыл врага, нарушая систему коммуникаций (портил железные дороги, телеграфные и телефонные столбы, мосты) и взрывая склады противника. По словам А.Г. Шкуро, в одном из таких рейдов ему удалось, уничтожив германскую охранную роту, захватить в плен штаб дивизии и важные документы²⁹.

Можно также вспомнить рейд конного отряда под командованием генерала К.Р. Шарпантье общей численностью 36 эскадронов и сотен при 22 орудиях и 8 пулеметах. В течение месяца (май 1915 г.) отряд прошел расстояние в 800 верст, продемонстрировав силу и мощь русской армии курдскому населению, обеспечив надолго спокойствие в данном регионе (район Азербайджанского отряда).

Кубанцы принимали активное участие и в крупномасштабных стратегических операциях, таких, например, как Варшавско-Ивангородская и Лодзинская. Значительный вклад внесли кубанские казаки и в Брусиловское наступление 1916 г. Значительную роль сыграли казаки 1-й и 2-й Кубанских пластунских бригад в ходе Трапезундской десантной операции.

²⁷ Кубанские областные ведомости. 1915. № 53.

²⁸ Бузун Ю.Г. Участие кубанских казачьих подразделений в Первой Мировой войне. С. 103.

²⁹ Матвеев О.В. Слово о кубанском казачестве. Краснодар, 1995. С. 148.

Отличились кубанцы и в воздушных сражениях. Благодаря кубанскому казаку В.М. Ткачеву в Луцке была сформирована первая русская истребительная авиационная группа из 20 аэропланов. В результате упорных боев российские летчики смогли переломить ход воздушных сражений в свою пользу. И в этом также была большая заслуга В.М. Ткачева, мужество которого отмечено пятью боевыми наградами, в том числе орденом Св. Георгия IV степени и Георгиевским оружием³⁰.

Одним из ярких примеров активных действий кубанцев в годы войны был рейд сотни есаула В.Д. Гамалия на соединение с английскими войсками под Багдадом. Казаки прошли 400 верст по безводной пустыне через контролируемые турецкими войсками районы. С точки зрения боевых действий значение данного рейда было невелико, но он имел важный моральный эффект, вызвав значительное воодушевление в рядах и русских, и английских войск. Все казаки сотни были награждены Георгиевскими крестами, а есаул В.Д. Гамалий — английским военным крестом³¹. Наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал М.П. Бабыч так оценил данный рейд: «Этот блестящий подвиг доблестных уманцев, в глазах всего мира стяжавших громкую славу нашему родному войску, по достоинству оцененный с высоты монаршего престола и со стороны Его Королевского Величества короля английского дарованием участникам подвига высоких боевых наград, дает право справедливо гордиться деяниями наших братьев, украсивших новыми боевыми завидными лаврами страницы истории нашего отечества и родной Кубани»³². Оценили подвиг В.Д. Гамалия и его земляки в станице Переяславской: «Мы, нижеподписавшиеся, выборные и должностные лица, составляющие станичный сбор станицы Переяславской Кавказского отдела Кубанской области, сего числа на своем станичном сборе в числе 45 (сорока пяти) человек, составляющих более двух третей из общего числа 62 (шестидесяти двух) человек всех выборных, имеющих право голоса на станичном сборе, под председательством станичного атамана С. Самсыки имели суждение о том, что есаул нашей станицы Василий Данилович Гамалий, находящийся на службе в 1-м Уманском полку, будучи сотником, с врученной ему сотней казаков, совершил геройский рейд через местность, наполненную противником, соединившись с английскими войсками на реке Тигре, в Месопотамии. Обсудив это и принимая во внимание, что Василий Данилович Гамалий есть коренной житель нашей станицы, сын казака, вырос среди нас, учился и получил

³⁰ Бузун Ю.Г. «Во славу и защиту Отечества...» С. 158.

³¹ Кубанский казачий вестник. 1916. 5 июня.

³² Герои уманцы // Сборник славы кубанцев (Кубанцы в Великую войну 1914—15—16 гг.). С. 105.

образование на свои скудные средства, достиг чина офицера и вот совершил перед царем и Родиной блестяще храбро-геройский подвиг, который является творчеством сынов Кубани, воспевающим доблесть родного казачества, о каковой величественности богатырского духа его, мощи и необычайно талантливости свидетельствует вся литературная печать. Да будет Василий Данилович Гамалий примером всему нашему казачеству и всему русскому воинству. Гордимся мы, что наша станица выдвинула из среды себя такого героя. Мы благодарим родителей, давших нашей Родине храброго героя. Мы, благодарные и признательные станичники, для сохранения памяти о храбро-геройском подвиге Василия Даниловича желаем иметь в зале станичного правления и в школах портрет его, для чего просить Василия Даниловича выслать нам свой портрет для увеличения такового и помещения в зале станичного правления и школах»³³.

Кубанские казаки принимали участие в большинстве крупных операций Первой Мировой войны как на кавказском, так и на восточно-европейском театрах боевых действий. Они прикрывали и развертывание, и отступление основных сил русской армии, проводили разведывательные и диверсионные рейды. При этом особую роль в боевых действиях русских вооруженных сил сыграли кубанские пластунские батальоны. Отметим, что если первоначально они формировались преимущественно из хорошо подготовленных физически и обученных военному делу казаков, то в последующем большинство пластунских батальонов пополнялось малоимущими казаками, которые не имели возможности приобрести строевого коня и соответствующее вооружение и обмундирование³⁴. Однако этот факт не сказался на ценности данных частей благодаря мужеству и подвигам казаков-пластунов. Как отметил О.В. Матвеев, «в Первую Мировую войну благодаря героизму пластунских батальонов происходит частичная реставрация элитарного образа пластунов, утраченного во второй половине XIX в.»³⁵

В то же время исследование, проведенное кубанским историком Ю.Г. Бузуном, раскрывает и печальные факты в вопросе участия кубанских казаков в Первой Мировой войне. Так, исследователь отмечает, что «недостаточно высокий уровень военно-теоретической подготовки казачьих офицеров, отсутствие у высшего военного руководства четкой кавалерийской доктрины, слабое обеспечение казачьих дивизий и бри-

³³ Летопись Кубанского казачьего войска. С. 236.

³⁴ Ратушняк В.Н. Из исторического прошлого кубанских пластунов // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 28.

³⁵ Цит. по: Матвеев О.В., Фролов Б.Е. Боевая слава кубанского казачества. Краснодар, 2012. С. 434.

гад автоматическим оружием и артиллерией значительно ослабляли возможности стратегического применения кубанских подразделений». Ю.Г. Бузун также отмечает «неумение верховного командования разумно распорядиться кавалерией в новых условиях войны», приводившее к тому, «что казачья конница не всегда находила достойное применение на полях сражений»³⁶.

За участие в Первой Мировой войне кубанцы заплатили высокую цену — около 4 тыс. убитых, 23886 раненых и более 2,5 тыс. пропавших без вести или попавших в плен. Потери кубанских казаков составили около половины потерь всех казачьих войск. При этом очень высоким был процент потерь от общего числа кубанских казаков, принявших участие в боевых действиях. По людским потерям казачьи части имели самый высокий показатель среди всех частей и родов войск — 91 %. В то же время процент пленных среди казаков был самым низким — 6 %³⁷.

Подвиги и самоотверженность казаков были высоко оценены командованием. К различным наградам были представлены около 30,5 тыс. казаков (почти каждый третий участвовавший в боевых действиях), из них орденом Св. Георгия, высшей военной наградой Российской империи, награждено 39 кубанских казачьих офицеров, золотым Георгиевским оружием — 65 казаков, Георгиевскими крестами — 17289 кубанских казаков и Георгиевскими медалями — 13327 кубанцев³⁸.

Таким образом, кубанские казаки внесли значительный вклад в победы российской армии в годы Первой Мировой войны, который, к сожалению, был обесценен начавшимися революционными событиями, вынудившими Россию выйти из войны.

Список литературы

1. Баранов Е.З. Наши казаки: Рассказы о казаках и казачьем войске. М., 1915. 32 с.
2. Бузун Ю.Г. «Во славу и защиту Отечества...». Кубанские казаки на фронтах Первой Мировой войны. Краснодар: «Традиция», 2014. 272 с.
3. Бузун Ю.Г. Участие кубанских казачьих подразделений в Первой Мировой войне: Дисс. ... канд. ист. наук. Краснодар, 1999. 203 с.
4. Бурмагин А.Г., Бузун Ю.Г. Гамалий Василий Данилович (1884—1956) // Кубанское казачество на рубеже веков (1860—1917 гг.).

³⁶ Бузун Ю.Г. Участие кубанских казачьих подразделений в Первой Мировой войне. С. 163.

³⁷ Бузун Ю.Г. Участие кубанских казачьих подразделений в Первой Мировой войне. С. 157—158.

³⁸ Ратушняк В.Н. История кубанского казачества. Краснодар, 2013. С. 200.

К 150-летию Кубанского казачьего войска. Краснодар: «Палитра-С», 2010. С. 402—403.

5. *Емельянов А.Г.* Казаки на персидском фронте (1915—1918). М.: «Вече», 2007. 444 с.

6. Кубанские областные ведомости. 1915. № 53.

7. Кубанский казачий вестник. 1916. 5 июня.

8. Летопись Кубанского казачьего войска: 1696—2006 / Под общ. ред. В.Н. Ратушняка. Краснодар: «Перспективы образования», 2006. 440 с.

9. Листок войны. 1914. № 11.

10. *Матвеев О.В.* Георгиевский кавалер из станицы Ханской // Кубанское казачество: историко-культурное наследие, судьбы, грани народной памяти. Краснодар: «Традиция», 2019. С. 228—232.

11. *Матвеев О.В.* Слово о кубанском казачестве. Краснодар: «Советская Кубань», 1995. 460 с.

12. *Матвеев О.В., Фролов Б.Е.* Боевая слава кубанского казачества. Краснодар: «Традиция», 2012. 456 с.

13. Мировая война в рассказах и иллюстрациях. М.: Издание Т-ва И.Д. Сытина, 1915. 93 с.

14. Наши чудо-богатыри в войне 1914 года. Пг.: Тип. «Грамотность», 1915. 160 с.

15. Отечественная война 1914. М.: Тип. А.П. Петцмана, 1915. 16 с.

16. Прошлое и настоящее Кубани в курсе отечественной истории. Ч. 1. Краснодар: Изд-во КЭЦРО, 1994. 272 с.

17. *Ратушняк В.Н.* Из исторического прошлого кубанских пластунов // Из дореволюционного прошлого кубанского казачества. Краснодар, 1993. С. 21—30.

18. *Ратушняк В.Н.* История кубанского казачества. Краснодар: «Традиция», 2013. 416 с.

19. *Ратушняк О.В.* Военнопленные и интернированные казаки в Германии после Первой Мировой и Советско-польской войн // Первая Мировая война: великая и неизвестная. Мат-лы междунар. науч.-просвет. конф., 23—27 мая 2014 г. Краснодар: «Традиция», 2014. С. 195—198.

20. Сборник славы кубанцев (Кубанцы в Великую войну 1914—15—16 гг.): Повести, рассказы, стихотворения, статьи, письма и заметки / Ред.-изд. И.И. Борец. Екатеринодар: Тип. Кубан. обл. правл., 1916. 226 с.

21. *Слободенюк В.В.* Участие кубанских казаков в боевых действиях на западном фронте русской армии 1915 г. // Первая Мировая война: великая и неизвестная. Мат-лы междунар. науч.-просвет. конф., 23—27 мая 2014 г. Краснодар: «Традиция», 2014. С. 213—217.

22. *Стрелянов П.Н.* Кубанские офицеры в луцком прорыве и летнем наступлении юго-западного фронта 1916 года // Кубанский сбор-

ник: Сб. науч. статей по истории края / Под ред. О.В. Матвеева. Т. 2 (23). Краснодар: «Книга», 2007. С. 206—222.

23. *Трут В.П.* Казаки в Первой Мировой войне: характеристика боевых и морально-нравственных качеств // Первая Мировая война: великая и неизвестная. Мат-лы междунар. науч.-просвет. конф., 23—27 мая 2014 г. Краснодар: «Традиция», 2014. С. 229—232.

24. *Федосов П.С.* Сарыкамышская операция — образец героического подвига казаков // Первая Мировая война: великая и неизвестная. Мат-лы междунар. науч.-просвет. конф., 23—27 мая 2014 г. Краснодар: «Традиция», 2014. С. 243—248.

25. *Шкуро В.И.* О кубанцах, воевавших в Первую Мировую войну до дня победы // Российское казачество: история, проблемы возрождения и перспективы развития. Мат-лы всерос. заочной науч.-практ. конф., октябрь 2011 г. Краснодар: «Традиция», 2012. С. 266—273.

Сведения об авторе

Ратушняк Олег Валерьевич, доктор исторических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Научного центра истории казачества Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Information about the author

Ratushnyak Oleg Valerievich, Doctor of Historical Sciences, Associate Professor, Leading Researcher of the Scientific Center of the History of the Cossacks, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University).

**КАЗАКИ В ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО
ФРОНТА 1916 Г. (БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ)**

**COSSACKS DURING THE OFFENSIVE OF THE SOUTHWESTERN
FRONT IN 1916 (BRUSILOVSKY BREAKTHROUGH)**

Аннотация:

Показывается, какое участие казаки приняли в знаменитом наступлении Юго-Западного фронта в 1916 г. Отмечается, как командование учло опыт начального этапа войны и стало наращивать кавалерийские части, концентрировать их. Акцентируется, что в планировании наступления русской армии в 1916 г. важная роль отводилась конному прорыву австрийского фронта. Этот прорыв с расположения Юго-Западного фронта на северо-запад должен был облегчить наступление Западного фронта. На примере наступления 7-й армии показано, что такой прорыв был возможен. Там после мощной артиллерийской подготовки массовый удар конницы привел к прорыву обороны противника. Но операция на болотистой местности не была достаточно обеспечена пехотными частями, в частности, в полосе наступления 8-й армии, которая добилась лучших результатов, конный прорыв не удался именно из-за условий местности и слабости приданных коннице пехотных частей. Казаки показали, что могут результативно сражаться в конном и пешем строю и в ходе наступления решать любые задачи.

Ключевые слова: Первая Мировая война, наступление Юго-Западного фронта 1916 г., Брусиловский прорыв, казаки, кавалерийский корпус.

Abstract:

The article shows how the Cossacks took part in the famous offensive of the Southwestern Front in 1916. It is noted how the command took into account the experience of the initial stage of the war and began to build up cavalry units and concentrate them. It is emphasized that in planning the offensive of the Russian army in 1916, an important role was assigned to the cavalry breakthrough of the Austrian front. This breakthrough from the location of the Southwestern Front to the northwest was supposed to facilitate the offensive of the Western Front. The example of the 7th Army's offensive shows that such a breakthrough was possible. There, after heavy artillery preparation, a massive cavalry strike led to a breakthrough in the enemy's defenses. But the operation in the swampy area was not sufficiently supported

by infantry units, in particular, in the offensive zone of the 8th Army, which achieved the best results, the cavalry breakthrough failed precisely because of the terrain conditions and the weakness of the infantry units attached to the cavalry. The Cossacks have shown that they can effectively fight on horseback and on foot and solve any tasks during the offensive.

Keywords: First World War, the offensive of the Southwestern Front in 1916, Brusilovsky breakthrough, Cossacks, cavalry corps.

Опираясь на опыт боев 1914—1915 гг., русское командование в 1916 г. увеличило количество кавалерийских дивизий. Уланский Его Величества и лейб-гвардии Гродненский гусарский полки были объединены с гвардейскими казачьими полками в 3-ю гвардейскую кавалерийскую дивизию; архангелогородских драгун и иркутских гусар объединили с пограничниками из 1-й Заамурской бригады в Сводную кавалерийскую дивизию; из других Заамурских полков создали Заамурскую конную дивизию; четыре разрозненных полка донских казаков — один первоочередной, два третьеочередных и один сводный, предназначенный ранее для отправки в Англию, — свели в 6-ю Донскую казачью дивизию³⁹. Последнюю возглавил бывший начальник Терской казачьей дивизии генерал Г.Л. Пономарев, а штаб ее принял подполковник Б.М. Шапошников, впоследствии видный советский военачальник. Также путем сведения воедино имевшихся формирований была развернута 2-я Туркестанская казачья дивизия на базе Туркестанской казачьей бригады (2-й Уральский и 5-й Оренбургский атамана Могутова казачьи полки) с добавлением 1-го Астраханского и 52-го Донского (2-я очередь гвардейских) казачьих полков. Пост начальника дивизии занял донской казак генерал Ф.Ф. Абрамов⁴⁰.

Но и без указанных соединений части Юго-Западного фронта были насыщены конницей. Кавалерия 8-й армии состояла из 5-го кавалерийского корпуса (Оренбургская казачья дивизия, 7-я, 11-я и 12-я кавалерийские дивизии). Позже, перед самым наступлением 8-й армии был передан 4-й кавалерийский корпус в составе 16-й кавалерийской, 2-й Сводно-казачьей и 3-й Кавказской казачьей дивизий. В 11-ю армию входила одна только что созданная Заамурская конная дивизия. В 7-й армии в составе 2-го кавалерийского корпуса были собраны также недавно сформированные дивизии — Сводная кавалерийская и 6-я Донская,

³⁹ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. 1915—1917. М.: «Голос», 1994. С. 8.

⁴⁰ Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой Мировой войне. 1914—1918 гг. М.: Изд-во Рос. киновидеокомпании, 1994. С. 76—77.

здесь же находилась кадровая 9-я кавалерийская дивизия. Конница 9-й армии состояла из казаков (1-я Донская и 1-я Терская казачьи дивизии), 10-й кавалерийской дивизии (регулярной) и горцев Кавказа, собранных в Кавказскую конную Туземную дивизию; все эти части были сведены в 3-й кавалерийский корпус.

Кроме того, 11 казачьих полков были приданы армейским корпусам в качестве войсковой конницы. Это полки 2-й и 3-й очередей — 4 донских, 3 кубанских, 2 уральских и 2 оренбургских. Каждая дивизия регулярной кавалерии также имела казачий полк в качестве своего 4-го полка. 7-я и 11-я кавалерийские дивизии имели по одному Донскому полку (№ 11 и 12). 9-я кавалерийская дивизия своим 4-м полком имела 1-й Уральский, следующая за ней 10-я дивизия включала 1-й Оренбургский казачий полк, а 12-я — 3-й Уфимо-Самарский. В целом в составе Юго-Западного фронта пребывало 40 казачьих полков. Регулярная кавалерия здесь была представлена 32 полками.

Далеко не все казачьи части приняли участие в Брусиловском прорыве. Северо-Западный и Западный фронты практически не поддерживали весеннее и летнее наступление Юго-Западного фронта. Собранные для возможного ввода в прорыв и развития наступления две Донские дивизии, 4-я и 5-я, весь 1916 г. простояли на Двине и пинских болотах без какого-либо движения.

Все русские фронты готовились наступать в июне 1916 г. Однако в мае австрийцы начали наступление на итальянском фронте, и союзники потребовали, чтобы русская армия приступила к проведению операции раньше назначенного срока. Чтобы помочь итальянцам, началось преждевременное наступление Юго-Западного фронта под командованием генерала А.А. Брусилова.

Позднее военный атташе Британии в России А. Нокс писал, что командующий фронтом Брусилов лично объяснил ему причину успеха: удар одновременно нанесли все армии Юго-Западного фронта, возникло сразу несколько участков, где австрийцам угрожал прорыв, противник не рисковал перебрасывать подкрепления с участка на участок, беспокоясь за свой центр. «Находившиеся соответственно на правом и левом фланге 8-я и 9-я армии добились наиболее быстрых и впечатляющих успехов»⁴¹. Правофланговой 8-й армией командовал донской казак генерал А.М. Каледин. Кроме того, русские армии Юго-Западного фронта имели превосходство в пехоте, кавалерии и легкой артиллерии. На участках прорыва генерал Брусилов создал превосходство в пехоте в 2—2,5 раза и в артиллерии — в 1,5—1,7 раза.

⁴¹ Нокс А. Вместе с русской армией. Дневник военного атташе. 1914—1917. М.: «Центрполиграф», 2014. С. 390.

Согласно первоначальному плану, Юго-Западный фронт своим наступлением должен был лишь отвлечь внимание противника. Главная роль отводилась Западному фронту генерала Эверта. Именно он должен был нанести решающий удар. А.А. Брусилов вспоминал, что ему была поставлена задача своим наступлением сковать австрийцев и не дать им послать подкрепления против наступающих войск Эверта⁴². Он считал, что правофланговая армия Каледина действительно может помочь войскам Западного фронта, а если она займет в тылу австрийцев такой железнодорожный узел, как Ковель, то «при настоящем расположении войск противник легко будет захвачен в клещи, и тогда все войска противника, расположенные у Пинска и севернее, должны будут без боя очистить эти места»⁴³.

От успехов правофланговой 8-й армии в значительной мере зависело, насколько успешно пойдет наступление соседнего Западного фронта. То есть удар 8-й армии предполагался даже не в западном, а скорее в северо-западном направлении. Каледин должен был захватить Ковель и тем самым обрушить значительную часть австро-германского фронта, а затем ему предписывалось содействие Западному фронту. Западный вместе с Северным фронтом должны были разбить противостоящих немцев и нанести общий удар на Вильно. Следовательно, захват Ковеля рассматривался как промежуточный, тактический успех, который способствовал бы решению оперативной задачи — вступлению русских войск в Польшу⁴⁴.

Перед самым наступлением и на его первом этапе задачи конницы менялись. Изначально на ковельском направлении должны были действовать 30-й армейский и 5-й кавалерийский корпуса. Они были объединены в группу генерала А.М. Зайончковского. 30-й корпус, считавшийся одним из лучших, должен был прорвать оборону австрийцев, а 5-й кавалерийский — войти в прорыв и идти по австрийским тылам на Ковель⁴⁵. Предназначавшиеся для ввода в прорыв 7-я и 12-я кавалерийские дивизии этого корпуса 17 мая получили приказ к рассвету 19 мая приблизиться к линии фронта⁴⁶.

Штаб Западного фронта также был заинтересован в прорыве на Ковель, что подрезало бы австро-венгерский фронт перед левым

⁴² Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: «Вече», 2013. С. 213—214.

⁴³ Брусилов А.А. Мои воспоминания. С. 214.

⁴⁴ Оськин М. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой Мировой войне. М., 2009. С. 287.

⁴⁵ Оськин М. Крах конного блицкрига. С. 287—288.

⁴⁶ Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 3786. Л. 27.

флангом Западного фронта. Поэтому еще до начала наступления из состава Западного фронта Юго-Западному был передан 4-й кавалерийский корпус генерала Я.Ф. фон Гилленшмидта, который вместе с 46-м армейским корпусом генерала Н.М. Истомина составил Сарненскую группу⁴⁷. Кроме того, от Западного фронта Юго-Западному был передан 60-километровый участок, продливший правый (северный) фланг 8-й армии генерала А.М. Каледина.

Сарненская группа также имела своей целью взятие Ковеля. Более того, для большей внезапности удара прорыв планировалось совершить через болота. Пехота должна была прорвать фронт, а конница войти в прорыв и наступать на ковельский железнодорожный узел. Для большей мощности рейдирующей группы решено было усилить ее еще одним кавалерийским корпусом — 5-м. И Брусилов, начинавший свою службу в кавалерии, и Каледин одинаково верили в результативность конных рейдов.

Позиции противника, которые предстояло прорвать, располагались на болотистой местности и были сильно укреплены. Разведчики 2-й Сводно-казачьей дивизии дошли до проволочных заграждений противника и выяснили, что линия заграждений выстроена в четыре ряда высотой до двух аршин (около 1,5 м). Впереди заграждений австрийцы вырубали лес, создав открытое пространство, в промежутках между линиями проволоки заложили фугасы, а позади были выставлены посты⁴⁸. В качестве доказательства казаки сняли и принесли 14 фугасов с бикфордовым шнуром. Как выяснилось впоследствии, австрийские укрепления состояли из трех линий траншей с тремя полосами проволочных заграждений — по четыре ряда с фугасами каждая. На опасных участках траншей были дополнительно усилены бетонными капонирами⁴⁹.

Позиции неприятеля занимали спешенные 1-я, 9-я и 11-я австрийские кавалерийские дивизии и Польский легион. Это обнадеживало русское командование: А.А. Брусилов питал уверенность в отношении своего 4-го кавалерийского корпуса, что «при помощи части 77-й пехотной дивизии он имеет возможность прорвать тонкие линии спешенной австрийской конницы»⁵⁰. Что касается поляков, то их вообще не считали серьезным противником.

При подготовке к наступлению соблюдалась строгая секретность. Даже в письмах родным и близким о ней не сообщалось. А.М. Каледин написал жене лишь 24 мая, что был очень занят и не мог со-

⁴⁷ Оськин М. Крах конного блицкрига. С. 289.

⁴⁸ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3786 а. Л. 176—176 об.

⁴⁹ Оськин М. Крах конного блицкрига. С. 293.

⁵⁰ Оськин М. Крах конного блицкрига. С. 296—297.

общить ей, что со времени его вступления в командование армией шла подготовка к наступлению. 22 мая началась артиллерийская обработка вражеских позиций, а утром 23-го — общее наступление. «Ожесточенный бой шел весь день вчера и сегодня». Далее Каледин сообщал жене, что его войска прорвали австрийские позиции и подходят к Луцку⁵¹.

Однако атака Сарненской группы сразу же застопорилась. 46-й корпус генерала Н.М. Истомина оказался недостаточно сильным. В него входили второочередная 77-я пехотная дивизия генерала В.Г. Леонтьева, много потерявшая в боях 1915 г., и только что сформированная из ополченцев и новобранцев 100-я пехотная дивизия генерала С.И. Гаврилова, причем численно эта дивизия в реальности представляла собой только бригаду⁵².

В ночь с 24 на 25 мая 77-я пехотная дивизия должна была прорвать неприятельские позиции на участке Галузия — Костюхновка. 100-я пехотная из-за своей численности и неподготовленности в бой вообще не посылалась. Чтобы усилить атаку, кавалерийские дивизии передали пехоте свою артиллерию.

Конница — 4-й и 5-й кавалерийские корпуса — ждала, готовая броситься в прорыв, но пехота в ту ночь австрийский фронт так и не прорвала. 25 мая штабные офицеры кавалерийских дивизий забеспокоились, что противник разгадает замысел конного рейда и прикроет свои позиции дополнительными частями⁵³.

Именно в этот день, 25 мая, Луцк был занят наступающими войсками 8-й армии. В плен попали до 45 тыс. солдат противника, были захвачены 66 орудий, 50 бомбометов, 21 миномет и 150 пулеметов⁵⁴. 4-я австрийская армия эрцгерцога Иосифа-Фердинанда была рассеяна. Нужна была конница, чтобы не дать разбитому врагу оторваться и уйти. Здесь как раз и пригодился бы 5-й кавалерийский корпус, отправленный в Сарненскую группу. Но преследовать противника были посланы лишь наличные части 11-й кавалерийской дивизии. Так, 12-й Донской полк в составе трех с половиной сотен, взвода конной батареи и 4-х пулеметов под командой полковника А.Н. Дронова 25 мая перешел реку Рудка и в пешем строю повел наступление на позиции противника с проволочными заграждениями, довольно легко преодолел их и атаковал арьергардные части противника, преследовал их в пешем и конном

⁵¹ Каледин А.М. Фронтовые письма. 1915—1917. Ростов-на-Дону: «Альтаир», 2011. С. 98.

⁵² Оськин М. Крах конного блицкрига. С. 288.

⁵³ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3788. Л. 5—6 об.

⁵⁴ Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов-на-Дону, 2003. С. 180.

строю, взял в плен 79 австрийцев, 86 винтовок и один пулемет. В ночь на 26 мая 12-й Донской полк, почти не встречая сопротивления, вышел на линию р. Стыри ниже Луцка⁵⁵.

В 5 часов утра 26 мая А.М. Каледин телеграфировал командующему 4-м кавалерийским корпусом Гилленшмидту, чтобы тот прорывался сам, не ожидая прорыва пехоты — «не выжидая результата боя 46-го корпуса»⁵⁶. В это же время, увидев, что запланированный удар с первого раза не удался, Каледин без согласования с фронтовым штабом приказал вывести часть собранной в лесах и на болотах конницы, чтобы она участвовала в преследовании противника там, где фронт будет реально прорван.

Брусилов тоже настаивал на необходимости осуществить силами 4-го кавалерийского корпуса прорыв и уповал на то, что действия прорывающейся конницы будут «нахальны и дерзки»⁵⁷. Директивой от 26 мая он требовал, чтобы кавалерия (и особенно 4-й кавалерийский корпус) пробилась в тыл австрийцам, «невзирая ни на какие потери»⁵⁸.

Прорывать австрийский фронт по болотам были посланы казачьи части. 1-й Волжский и 17-й Донской полки должны были в 23 часа ночи штурмовать укрепления, а 1-й Линейный, 11-й и 16-й Донские полки — в конном строю войти в прорыв. Но и на этот раз штурм не удался.

В ночь с 27 на 28 мая в атаку по болотам пошел Гребенский полк из 3-й Кавказской казачьей дивизии. И опять неудачно.

28 мая Каледин приказал вывести из Сарненской группы 7-ю кавалерийскую дивизию и перебросить ее под Луцк.

31 мая 3-я Кавказская казачья дивизия прекратила наступательные действия.

Наступление исчерпавшей свои резервы армии А.М. Каледина застопорилось в лесах северо-западнее Луцка, около г. Киселин. Момент для того, чтобы окончательно уничтожить противостоящих 8-й армии австрийцев, был упущен. Что касается Западного фронта, ради которого и готовился удар на Ковель, то он какого-либо мощного наступления вообще не произвел.

Не только 8-я армия в те дни успешно прорвала австрийский фронт. На направлении главного удара 7-й русской армии действовала недавно сформированная 6-я Донская казачья дивизия под командо-

⁵⁵ Венков А.В. 12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк в годы Первой Мировой войны. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. С. 62.

⁵⁶ ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3786. Л. 46.

⁵⁷ Оськин М. Крах конного блицкрига. С. 304.

⁵⁸ Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. М.: «АИРО-XXI», 2010. С. 337.

ванием генерал-лейтенанта Г.Л. Пономарева. Сильного сопротивления врага командование 7-й армии не ожидало: против нее на одном из участков стояла 36-я австрийская дивизия, состоявшая на 80 % из славян⁵⁹.

В прорыве неприятельской боевой линии приняли непосредственное участие спешенные части 6-й Донской дивизии. Особенно отличился 53-й Донской казачий полк (355 казаков при 4 пулеметах). Казаки-разведчики заранее изучили возможные подступы к укреплениям противника и разрезали в ряде мест колючую проволоку⁶⁰.

25 мая, когда австрийский фронт был прорван, 7-й Донской казачий полк, опережая пехоту, переправился через реку Язловец, захватил деревни Пшедмесце, Бровары, Новоселку-Язловецку и в конном строю бросился к переправам через реку Стрыпа (левый приток Днестра). Там в тылу противника казаки захватили 8 мостов. Часть неприятельской пехоты из-за этого не сумела переправиться на другой берег и оказалась в окружении. В результате этого 7-я армия форсировала р. Стрыпа тремя армейскими корпусами — 2-м, 16-м и 22-м, и с утра 26 мая в прорыв был введен армейский резерв — 2-й конный корпус. В состав этого корпуса входили 6-я Донская казачья и 9-я кавалерийская дивизии. Но австрийцы все же успели перебросить к месту прорыва свою кавалерию, спешили ее и создали новую линию обороны.

27 мая в 3 часа утра 2-я бригада 9-й кавалерийской дивизии в составе 9-го Киевского гусарского и 1-го Уральского казачьего полков выступила через городок Язловец к австрийским позициям. Весь день шел бой. Подошедшая пехота при поддержке горных и полевых орудий пыталась сбить австрийцев и их артиллерию. 9-я кавалерийская дивизия расположилась в лесу, выслав вперед разведывательные эскадроны. Около 7 часов вечера разведчики дали знать, что австрийцы покинули первую линию окопов и в беспорядке отходят.

Атака 9-й кавалерийской дивизии была описана в армейской прессе того времени: «Наступил момент кавалерийского удара, и вся... дивизия идет в атаку — полк за полком, справа налево, поэшелонно. Местность, сильно пересеченная канавами, высокими кустарниками, поваленными деревьями. Несколько дальше тянутся поля ржи, скрывающей человека. Вот из узкого дефиле вырываются казаки, их ведет командующий бригадой гусар генерал. Он скачет с передовой сотней, вместе со своим адъютантом. Но навстречу вдруг перекрестный артиллерийский, пулеметный и ружейный огонь из окопов и ржи... Оказывается, не отступили еще австрийцы, — это спешенная венгерская конница, упорно и стойко обороняющаяся, метко стреляет их артиллерия. На полном карьере перестраиваются под ураган-

⁵⁹ Нокс А. Вместе с русской армией. С. 392.

⁶⁰ Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. С. 186.

ным огнем казаки и мчатся вперед, открывая атаку. Остановить натиск кавалерии теперь и весьма сложно, и трудно; редуют ряды всадников. Велятся люди и лошади. Но все мчатся вперед и вперед. Надо доскакать. Нет времени оглядываться. И сотня за сотней, эскадрон за эскадроном, развернутые в одну линию, то развертываются, то смыкаются и мчатся под лучами заходящего солнца... Доскакали до орудий тяжелой артиллерии казаки, пройдя все линии окопов; захватили гаубицы и пулеметы гусары; гонят пленных навстречу подходящей пехоте, сдают их — и снова в бой. Понимая надвигающийся разгром, австрийцы (их было 8 спешенных кавалерийских полков при артиллерии) отделили от своих сил 2 батальона, чтобы зайти в тыл уносящейся коннице. Таким маневром можно иногда погубить удачную атаку, но на фланг уже выдвинуты пулеметы драгун под командой корнета Н. Австрийцы выбежали из леса густыми массами, попали под сплошной дождь пуль и были отброшены назад, устлав свой путь трупами. А кавалерия уже разорвала неприятеля на отдельные группы. В окопах, во ржи, у орудий еще кипит ожесточенный бой, храбро обороняются венгры, предпочитая плену верную смерть. Терпит урон один из эскадронов гусар, налетев на пулеметы, теряет много людей, но остальные смыкаются, рубят направо и налево и захватывают дорого доставшийся им трофей — гаубицы. Дрогнули перед этим натиском венгры, бросают оружие или отступают в беспорядке. Темнеет... Играют сбор, и всадники то группами, то в одиночку подтягиваются к своим частям»⁶¹.

Как видим, отличились уральские казаки. Историк-эмигрант А.А. Керсновский писал: «Эта атака — на мощную позицию и 15 рядов колючей проволоки довершила разгром 13-го [австрийского] корпуса... За Порховское дело командир 9-го уланского Бугского полка полковник Савельев награжден орденом Святого Георгия 3-й степени...»⁶².

Виктор Савельев — командир 9-го Бугского уланского полка, получивший за этот бой орден Св. Георгия, был донским казаком, выпускником Новочеркасского кадетского корпуса. В 1915 г. его назначили начальником штаба 1-й Донской дивизии и и. о. начальника штаба 3-го конного корпуса. За бои 10-12 марта 1915 г. у Залещики (прикрывали переправу через Днестр) он был награжден Георгиевским оружием, за рекогносцировку и составление плана атаки 25 апреля на деревни Ржавенцы и Баламутовка — орденом Св. Георгия 4-й степени. Таким образом, казаки умело командовали не только казачьими, но и регулярными частями русской армии.

Подводя итог, можно сказать, что казаки, невзирая на просчеты командования, умело воевали в конном и пешем строю и внесли нема-

⁶¹ Из битв в Галиции. Кавалерийское дело // Вестник гвардейских войск. 1916. № 120, 24 августа. С. 2.

⁶² Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. С. 47.

лый вклад в прорыв неприятельского фронта, известный как Брусиловский прорыв.

Список источников и литературы

1. Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: «Вече», 2013. 347 с.
2. Венков А.В. 12-й Донской казачий генерал-фельдмаршала князя Потемкина-Таврического полк в годы Первой Мировой войны. Ростов-на-Дону: Изд-во ЮНЦ РАН, 2014. 136 с.
3. Венков А.В. «Тихий Дон»: источниковая база и проблема авторства. М.: «АИРО-XXI», 2010. 881 с.
4. Воскобойников Г.Л. Казачество в Первой Мировой войне. 1914—1918 гг. М.: Изд-во Рос. киновидеокомпании, 1994. 174 с.
5. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). Ф. 344. Оп. 1. Д. 3786.
6. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3786 а.
7. ГАРО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 3788.
8. Из битв в Галиции. Кавалерийское дело // Вестник гвардейских войск. 1916. № 120, 24 августа.
9. Каледин А.М. Фронтовые письма. 1915—1917. Ростов-на-Дону: «Альтаир», 2011. 287 с.
10. Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. 1915—1917. М.: «Голос», 1994. 362 с.
11. Оськин М. Крах конного блицкрига. Кавалерия в Первой Мировой войне. М.: «Яуза»; «Эксмо», 2009. 448 с.
12. Рыжкова Н.В. Донские казаки в войнах России начала XX века. Ростов-на-Дону: Изд-во Ростовского гос. ун-та, 2003. 319 с.

Сведения об авторе

Венков Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научного центра истории казачества Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Information about the author

Venkov Andrey Vadimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Scientific Center of the History of the Cossacks, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University).

**ПОТЕРИ СТОРОН В ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ 1916 Г.
НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ
THE LOSSES IN THE SUMMER CAMPAIGN 1916 ON THE
RUSSIAN BATTLEFIELD OF THE FIRST WORLD WAR**

Аннотация:

Летняя кампания 1916 г. на восточно-европейском (русском) театре военных действий является значимой частью вооруженной борьбы между блоком Антанты и Четверным союзом во время Первой Мировой войны. Главным ее событием стало генеральное наступление русских армий, начавшееся знаменитым Брусиловским прорывом армий Юго-Западного фронта, но не завершенное, а перешедшее в новую фазу после вступления в войну Румынии — в осенне-зимней кампании 1916 г. Так как до сих пор вопрос о понесенных сторонами потерях окончательно не решен, предпринята попытка на основе архивных источников установить либо уточнить потери противоборствующих сторон в летней кампании 1916 г. Потери русских войск в июне — августе 1916 г. установлены впервые (1 млн 128 тыс. чел.); также уточнены потери германских (114 тыс. чел.) и австро-венгерских (546 тыс. чел.) войск.

Ключевые слова: Первая Мировая война, Россия, Германия, Австро-Венгрия, русская армия, Брусиловский прорыв, боевые потери.

Abstract:

The Summer Campaign of 1916 in Eastern European (Russian) Theater of War is a significant part of the armed struggle between the Entente bloc and the Quadruple Alliance during the First World War. The main event is the general offensive of the Russian armies, which began with the famous Brusilov breakthrough of the armies of the Southwestern Front, but was not completed, but passed into a new phase after Romania entered the war — in the autumn-winter campaign of 1916. Since the issue of losses incurred by the parties has not yet been definitively resolved, an attempt has been made on the basis of archival sources to establish or clarify the losses of the warring parties in the summer campaign of 1916. The losses of Russian troops in June — August 1916 were established for the first time (1,128,000 men); the losses of German (114,000 men) and Austro-Hungarian troops (546,000 men) were also clarified.

Keywords: First World War, Russia, Germany, Austria-Hungary, Russian army, Brusilovsky breakthrough, combat losses.

Оценка тех или иных усилий в войне определяется в первую очередь тем, насколько выполненными оказываются поставленные войскам задачи и (или) насколько соответствуют эти усилия достигнутым результатам. Летняя кампания 1916 г. продолжалась с начала наступления армий Юго-Западного фронта (22 мая / 4 июня) до вступления в войну Румынии (15/28 августа). Главным ее событием стало генеральное наступление русских войск — совокупность операций и сражений армий Юго-Западного (Брусиловский прорыв — Луцкая, Сопановская, Язловецкая, Окненская, Бродская, Стоходская (Ковельская) и последующие операции), Западного и Северного фронтов (Барановичская операция, сражения у Червище и Эккау-Кеккау). При этом наступательные операции Юго-Западного фронта не были завершены и продолжались в следующей кампании.

Хотя русское летнее наступление 1916 г. оказало значительное влияние на развитие стратегической ситуации и на общий ход войны, оставило большой след в историографии, как отечественной, так и зарубежной, вопрос о потерях сторон в этих боях по-прежнему остается дискуссионным.

В.Н. Клембовский впервые обнародовал официальные данные потерь русской армии в этом наступлении, но только по 30 июня / 13 июля — 500 тыс. человек⁶³. В дальнейшем именно эти цифры приводились и продолжают приводиться не только в популярных, но и в справочных изданиях. Потери войск противника определяются чаще всего «на глазок» — приводится оценка их из мемуаров А.А. Брусилова на 1/14 ноября 1916 г. — 2 млн человек⁶⁴. При этом фактор разницы временных отрезков (не говоря уже о достоверности) попросту игнорируется.

Действия 9-й армии в Буковине летом 1916 г. были рассмотрены А.И. Литвиновым и А.Х. Базаревским. Оба автора указывали суммарные потери армии в мае — июне 1916 г. и пытались определить общий урон противника, считая его потери убитыми и ранеными как 25 % от числа пленных⁶⁵. В рамках изучения тактики соединений в Брусиловском прорыве выходили работы Д.Н. Надежного, А.Н. Редкина-Рымашевского и К.Л. Гильчевского о действиях дивизий как довоенного формирования (10-й пехотной), так и ополченских (3-й очереди — 101-й и 105-й пехот-

⁶³ Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом / Сост. В.Н. Клембовский. М., 1920. С. 73.

⁶⁴ Брусилов А.А. Мои воспоминания. М.: «ОЛМА-Пресс», 2004. С. 178. Первое издание вышло в 1929 г.

⁶⁵ Литвинов А.И. Майский прорыв IX армии в 1916 году. Пг., 1923. С. 51, 62—63, 77; Базаревский А.Х. Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. М., 1937. С. 138.

ных); приводились потери этих соединений, их тяжестью объяснялось затухание наступления⁶⁶.

В 1940 г. было осуществлено издание оперативных документов фронтового и частично армейского звена о летнем наступлении Юго-Западного фронта 1916 г.⁶⁷ Одновременно вышла и построенная на архивных материалах монография Л.В. Ветошникова «Брусиловский прорыв» (М., 1940). Он уделил существенное внимание уточнению сил противников, в частности, присылке на Юго-Западный фронт подкреплений для развития наступления (39 дивизий к началу сентября 1916 г.). Проведя подсчеты до осени 1916 г., автор указал потери русской стороны только до 13 июля (н. ст.), используя данные В.Н. Клембовского⁶⁸. Наступление войск Западного фронта на Барановичи летом 1916 г. стало объектом исследования В.И. Оберюхтина. Потери сторон оценивались в 120 тыс. с русской и 40 тыс. с германской стороны (в обоих случаях больше, чем считал противник)⁶⁹.

А.А. Строков в труде «Вооруженные силы и военное искусство в Первой Мировой войне» впервые за несколько десятков лет рассматривал Брусиловский прорыв до начала сентября 1916 г., хотя и не до полного его завершения. Но в вопросе о размере понесенных сторонами потерь он повторил данные на начало июля, приведенные ранее В.Н. Клембовским и Л.В. Ветошниковым⁷⁰. Издание «История Первой Мировой войны 1914—1918» под редакцией И.И. Ростунова, а затем и монография самого И.И. Ростунова, посвященная именно русскому фронту, в вопросе установления и уточнения потерь сторон в кампаниях 1916 г. не продвинулись. Более того, в этих работах содержались оценки потерь противника, не подтверждаемые уже давно приведенными в источниках и исторических исследованиях данными: якобы за 40 дней Брусиловского прорыва — 1,5 млн человек⁷¹.

⁶⁶ Гильчевский К.Л. Боевые действия второочередных частей в мировую войну. М.; Л., 1928; *Надежный Д.Н.* Бой 10-й пехотной дивизии под Луцком в июле 1916 года. М., 1926; *Редкин-Рымашевский А.Н.* Действия Тридцать второго корпуса в Луцком прорыве. Май — июнь 1916 г. М.; Л., 1926.

⁶⁷ Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года. Сборник документов империалистической войны. М., 1940.

⁶⁸ *Ветошников Л.В.* Брусиловский прорыв. М., 1940. С. 3—4, 23—24, 67, 154. Стало впоследствии распространяться на всю продолжительность действий Юго-Западного фронта.

⁶⁹ *Оберюхтин В.И.* Барановичи, 1916 год: Военно-исторический очерк. М., 1935. С. 3—5, 126—128.

⁷⁰ *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой Мировой войне. М., 1974. С. 305—307, 414—416.

⁷¹ История Первой Мировой войны. В 2-х т. / Под ред. И.И. Ростунова. М.,

Как ни кажется странным, но ни одной специальной работы по операциям 1916 г. на русском фронте не создали эмигрантские историки, возможно, по причине отсутствия доступа к документальным источникам. Из общих работ, в которых получили отражение военные действия 1916 г., следует назвать труд Н.Н. Головина «Военные усилия России в мировой войне». Автор посвятил потерям России отдельную главу, основанную на анализе опубликованных сведений — в том числе доклада военного министра за 1916 г. Но выбранная автором периодизация не учитывала конкретных временных рамок боевых операций. Потери русской армии в мае — октябре 1916 г. он оценивал в 1,2 млн убитых и раненых и 212 тыс. пленных. При этом соотношение числа погибших и раненых он определял по образцу французского Генштаба как 1:3⁷².

Автор «Истории русской армии» А.А. Керсновский, видимо, использовал наработки Н.Н. Головина и других авторов, приводя потери русских войск в Брусиловском прорыве (по октябрь — 750 тыс.), под Барановичами (88 тыс.), у Бауска (15 тыс.). Потери противника приводились только по категории пленных, за редким исключением (так, общие потери в июне 1916 г. оценивались в 400 тыс., под Барановичами — в 13 тыс. человек). В истреблении «лучших сил» русской армии в кампаниях 1916 г. Керсновский видел одну из причин грядущего политического кризиса страны и развала ее вооруженных сил⁷³.

Очерк В. Фогеля «Бои за Барановичи. Лето 1916», вышедший в 1918 г., в 1921 г. уже был переведен на русский язык⁷⁴. В 1926 г. появилось 2-е немецкое издание в серии «Сражения Мировой войны». Работа В. Фогеля отличалась добротностью и давала представление об организации обороны германской армии Р. фон Войршем⁷⁵. Дополняет эту работу глава о боях под Барановичами в монографии В. Хайе о Ландверном корпусе⁷⁶. Оба автора, рассматривая бои под Барановичами в июне — июле 1916 г., указывали потери германских войск — 7,6 тыс. (с разделением

1975; Ростунов И.И. Русский фронт Первой Мировой войны. М., 1976. С. 326. В монографии использовались многие некорректные, а то и ложные положения из воспоминаний А.А. Брусилова, во многом события войны подаются с его точки зрения.

⁷² Головин Н.Н. Военные усилия России в мировой войне. Т. 2. Париж, 1939. С. 179—183.

⁷³ Керсновский А.А. История русской армии. Т. 4. Белград, 1938. С. 30—31, 57, 64, 67, 69, 96, 107—108.

⁷⁴ Фогель В. Барановичи 1916. Пг., 1921.

⁷⁵ Vogel W. Die Kämpfe um Baranowitschi Sommer 1916. Oldenburg; Berlin, 1926.

⁷⁶ Heye W. Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkrieg 1914/1918. Bd. 2. Breslau, 1937.

на категории) и русских — 105,5 тыс. человек (в том числе 40 тыс. убитых и 5,5 тыс. пленных)⁷⁷. Потери австро-венгерских войск не приводились.

В общем труде «Последняя война Австро-Венгрии 1914—1918», подготовленном архивистами и военными историками Австрии, потери во время Брусиловского прорыва и Барановичской операции определялись в 403 тыс. человек, русские потери за это же время оценивались в 370 тыс. человек⁷⁸. К сентябрю 1916 г. урон австро-венгерских Северных армий уже составил 511,6 тыс. человек, в том числе 327 тыс. пропавших без вести. Но о потерях русских войск в августе — ноябре 1916 г. сообщения отрывочны, главным образом они касаются отдельных боев⁷⁹.

В Германии операции 1916 г. получили освещение в общем труде, подготовленном Имперским архивом — «Мировая война 1914—1918. Операции на суше» (т. 10-й и 11-й). Приводились сведения о потерях войск летом 1916 г. в нескольких сражениях против армий А.А. Брусилова, а также под Барановичами (16 тыс. человек, включая австро-венгерские войска, 80 тыс. — с русской стороны). Всего же потери в июне — августе определялись в 511 тыс. с австро-венгерской стороны, 148 тыс. с германской стороны (из них 85 тыс. в боях с армиями Юго-Западного фронта) и 500 орудий; русские потери оценивались в 1 млн человек. Попало в плен, по данным и оценкам авторов, 358 тыс. австро-венгерских, 20 тыс. германских и 50 тыс. русских солдат и офицеров⁸⁰.

Если работы русской военной эмиграции историкам в СССР и России были неизвестны вплоть до последнего десятилетия XX в., то труды бывших противников в определенный период не только были известны, но и активно использовались отечественной исторической наукой. Правда, это не касалось вопроса о потерях армий центральных держав. Общей чертой подхода к вопросу о потерях было определение урона «своих» войск на основе пусть ограниченной, но документальной базы и оценочные суждения о потерях противника.

С 1990-х гг. в отечественной историографии наблюдается всплеск интереса к проблемам Первой Мировой войны, историкам становятся доступными зарубежные издания и архивы. Однако не столь часто и в современных работах поднимается тема боевых потерь.

⁷⁷ *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkriege... Bd. 2. S. 301, 307, 344; *Vogel W.* Die Kämpfe um Baranowitschi Sommer 1916. S. 30, 59, 74.

⁷⁸ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914—1918. Bd. IV. Wien, 1933. S. 568, 663; Beilage 4.

⁷⁹ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914—1918. Bd. V. Wien, 1934. S. 218, 625—626; Bd. VI. Wien, 1936. Beilage 2.

⁸⁰ Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärische Operationen zu Lande. Bd. 10. Berlin, 1936. S. 437, 522, 566—567.

В 1996 г. автор этой статьи привел оценку потерь русских армий по октябрь 1916 г. на основе донесений в Ставку — 1,65 млн человек⁸¹. Исследования вопроса потерь в Брусиловском прорыве были продолжены. В 2000 г. автор обобщил данные о потерях армий Германии и Австро-Венгрии на русском ТВД, в том числе в 1916 г., содержащиеся в опубликованном сборнике документов медицинской службы и официальных трудах⁸². Затем вышла статья о борьбе резервов во время летней операции 1916 г. Там же приведены по опубликованным и архивным источникам данные о потерях сторон летом и осенью 1916 г.: в летней кампании — более 1,35 млн с русской стороны (из них 885 тыс. в армиях Юго-Западного фронта), 511 тыс. в войсках Австро-Венгрии, 148 тыс. со стороны Германии. Летне-осеннее наступление рассматривалось как единая операция всей русской действующей армии⁸³. В 2006 г. статья была развернута в монографию. Были подтверждены выводы о причинах высокого уровня потерь и об их первоочередном влиянии на затухание наступления к зиме 1916/17 г.⁸⁴

Большое внимание потерям сторон в Брусиловском прорыве уделит и М.В. Оськин. Он рассмотрел большинство приводимых сведений — как в отечественной, так и в зарубежной исторической и справочной литературе. Критическое отношение этого автора не всегда носит объективный характер; в итоге он не склоняется окончательно ни к одному числу. Тем не менее М.В. Оськин видит в потерях 1916 г. одну из причин развала русской армии после Февральской революции⁸⁵.

А.В. Олейников в своей монографии и в ряде интернет-публикаций пытался оценить урон войск противника исходя из сообщений прессы и иногда — сведений из наградных документов русской армии. Он собрал воедино все опубликованные данные о взятых русскими войсками трофеях, в том числе в сражениях 1916 г., но не сравнивал эти сообщения с известиями противника⁸⁶. В двух статьях о потерях русской армии и ее противников в энциклопедическом издании «Россия в Первой Мировой войне 1914—1918» А.В. Олейников указывает следующий

⁸¹ *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая Мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М., 1998. С. 632—634.

⁸² *Нелипович С.Г.* Россия мертвой хваткой держала своих врагов // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 46—55.

⁸³ *Нелипович С.Г.* Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года (Брусиловский прорыв): борьба резервов // Военно-исторические исследования в Поволжье. Сб. научных трудов. Вып. 5. Саратов, 2003. С. 178—227.

⁸⁴ *Нелипович С.Г.* «Брусиловский прорыв». Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М., 2006.

⁸⁵ *Оськин М.С.* Брусиловский прорыв. М., 2010. С. 371—393.

⁸⁶ *Олейников А.В.* Захвачены в бою: трофеи русской армии в Первой Мировой. М., 2015. С. 183, 307, 317.

размер потерь сторон в операциях 1916 г.: 400 тыс. человек в германских войсках, 686 тыс. в австро-венгерских (с учетом боев против Румынии), 1,7 млн в русской армии⁸⁷.

В подготовленном коллективом НИИ военной истории Военной академии Генерального штаба двухтомнике «Вооруженные силы России в Первой Мировой войне (1914—1917)» Брусиловский прорыв рассматривается как фронтовая наступательная операция июня — декабря 1916 г., тесно связанная с действиями на других фронтах. В труде приводятся числа потерь сторон: 1 млн 423 тыс. человек с русской стороны и 849 тыс. у противника⁸⁸. Но о потерях в других операциях лета 1916 г. в этой работе не говорится.

Неполны и приводимые данные о потерях сторон в монографии О.Р. Айрапетова. Если для армий Северного и Западного фронтов он указывает урон в личном составе во время летнего наступлений 1916 г. (120 тыс. человек), то сведения о потерях в главном событии летней и осенней кампаний — Брусиловском прорыве — отрывочны, особенно относительно русской стороны. При этом сами военные действия на русском фронте автор все больше использует как фон для рассмотрения политической борьбы, а не как явление внешней политики, вызвавшее внутренний кризис и обострение борьбы за власть⁸⁹.

Необходимо упомянуть и о недавней статье ивановского архивиста Д.Ю. Листопада, непосредственно посвященной потерям русских армий в Брусиловском прорыве. Он использовал только два архивных документа — цифровые копии, размещенные на портале gwar.mil.ru, хотя этот электронный ресурс содержит гораздо больше копий документов, отражающих потери русских войск, и не только за май — июль 1916 г., но и за более поздний период, начиная с ежедневных донесений о потерях в Ставку (автор статьи, однако, утверждает, что больше документов нет). Необоснованным представляется и метод определения хронологических рамок операции — путем экстраполирования сведений об операциях Великой Отечественной войны⁹⁰.

⁸⁷ Олейников А.В. Потери неприятельских армий на русском фронте 1914—17 // Россия в Первой Мировой войне 1914—1918: Энциклопедия. В 3-х т. Т. 2. М., 2014. С. 805—820; *Он же*. Потери русской армии 1914—17 // Там же. Т. 2. С. 820—834.

⁸⁸ Вооруженные силы России в Первой Мировой войне (1914—1917). В 2-х т. / Под ред. В.В. Герасимова. М., 2014. Т. 2. С. 194.

⁸⁹ Айрапетов О.Р. Участие Российской империи в Первой Мировой войне. Т. 3. 1916 год. Сверхнапряжение. М., 2015. С. 42, 94 и далее.

⁹⁰ Листопад Д.Ю. К вопросу о потерях русской армии в ходе Брусиловского прорыва // Государство, общество, Церковь в истории России XX—XXI веков: Материалы XXI Международной научной конференции, Иваново, 30—31 марта

Особенностью развития зарубежной историографии во второй половине XX — начале XXI в. стал частичный или полный отказ от исследования количественных характеристик боевых действий. Вопрос о понесенных сторонами потерях стал уделом справочных изданий, составители которых обычно цитируют наиболее тиражируемых авторов, не задаваясь вопросами полноты и объективности приводимых сведений. В обширной по содержанию «Энциклопедии военной истории» Р. и Т. Дюпюи события 1916 г. на русском фронте представлены очень скромно. Авторы обходят молчанием вопрос о потерях в Брусиловском наступлении — главном событии этого фронта в 1916 г.⁹¹

Количественные оценки потерь Центральных держав за лето 1916 г. дает Н. Стоун, считающийся крупнейшим зарубежным специалистом по Первой Мировой войне: 150 тыс. человек с германской и 617 тыс. человек с австро-венгерской стороны, — но обходит молчанием потери русской армии⁹².

Работа американца Т. Доулинга о Брусиловском прорыве носит общий характер. Наступление Юго-Западного фронта этот автор рассматривает вплоть до завершения боев к зиме 1916 г. и разгрома вступившей в войну Румынии, что в целом верно. Но исчисления потерь русских войск (2 млн человек, из них 50 % убитыми), которые он называет «катастрофическими», совершенно не соответствуют действительности. Потери Центральных держав Доулинг определяет в 900 тыс. человек, из них 400 тыс. пленными⁹³.

Тем не менее многие зарубежные историки приводят число в 2 млн русских потерь в Брусиловском прорыве, в том числе 1 млн погибших — например, авторы последнего немецкого популярного труда о Первой Мировой войне М. Пёльман и Т. Фогель. Одновременно они повышают уровень потерь Центральных держав до миллиона человек, включая 250 тыс. со стороны Германии⁹⁴.

Нерешенность до сегодняшнего дня вопроса о потерях в кампаниях 1916 г. на восточно-европейском ТВД во многом связана с ограниченным привлечением источников. Статистические издания, предпринятые в СССР, не содержали отдельных сведений о потерях лета 1916 г. Един-

2022 г. Иваново, 2022. С. 400—405.

⁹¹ Dupuy R.E., Dupuy T.N. The Encyclopedia of military History. London, 1979. P. 962—963.

⁹² Stone N. The Eastern Front 1914—1917. London, 2018. P. 228, 231, 266, 280. Первое издание книги вышло в 1975 г.

⁹³ Dowling T.C. The Brusilov Offensive. Indianapolis, 2008. P. 160, 167—168.

⁹⁴ Poelmann M., Potempa H., Vogel T. Der Erste Weltkrieg 1914—1918: Der deutsche Aufmarsch in ein kriegserische Jahrhundert. Muenchen, 2014. S. 146.

ственная публикация документов о потерях германской армии была осуществлена военно-медицинской службой Германии в 1934—1938 гг. Первый вышедший из трех томов (3-й) «Санитарного отчета о германской армии в мировой войне» включал таблицы динамики личного состава на всех фронтах, месячных потерь на Западном и Восточном фронтах (в составе последнего учитывались также потери на Балканах, в Палестине, Румынии и Италии), видов потерь по характеру ранения или заболевания (по месяцам и по армиям). Данные в таблицах были суммированы на основе 10-дневных рапортов о санитарном состоянии, которые подавались штабами объединений (армий, корпусов)⁹⁵. Если по некоторым операциям в сборнике приводились данные о потерях, то ни Брусиловский прорыв, ни Барановичская операция не нашли в нем отражения: приводятся общие данные по убитым и пропавшим без вести всего Восточного фронта и лишь по раненым — с разбивкой по армиям.

Автор этих строк предпринял попытку обратиться к спискам потерь германской армии, ежедневно выходившим во время Первой Мировой войны. Военное министерство публиковало эти списки в специальном издании «Официальный листок» (Verordnungsblatt), который выходил до 1920 г.⁹⁶ До 7 декабря 1916 г. в них указывалась воинская часть, что позволяет установить потери в конкретных операциях, включая летнюю кампанию 1916 г. В списках за 1916 г. уже не указывались место и дата боя, но их можно восстановить по изданиям «полковых историй» германских войск и по сохранившимся архивным фондам. Баварское Военное министерство продолжало указывать в списках номера частей и публиковало даты умерших от ран.

Решение вопроса о потерях в летней кампании 1916 г., как и в других сражениях Великой войны, невозможно без детального изучения архивных документов. Сведения о потерях русских войск отложились в различных фондах Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА). Они содержатся:

— в именных списках потерь, представленных в Особое делопроизводство Главного штаба по сбору сведений об убитых, раненых, пропавших без вести и взятых в плен офицерах и нижних чинах действующей армии;

— в приказах частей и приложенных к ним списках офицеров и нижних чинов, снятых с довольствия и исключенных из списков (наи-

⁹⁵ Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. Berlin, 1934. Tafel 11, 148—149.

⁹⁶ Сведения о потерях за 1916 год содержатся в выпусках: Verordnungsblaetter. Deutsche Verlustlisten № 846 (Jaenner 3, 1916) — № 1297 (Dezember 6, 1916). Berlin, 1916.

более полный и достоверный источник, в особенности учитывая последние исправления допущенных ошибок и неточностей);

- в ежедневных, недельных, 10- и 15-дневных и месячных донесениях о потерях соединений и объединений в штабы армий и фронтов;

- в экстраординарных донесениях о потерях в отдельных операциях (мартовской 1916 г., генеральном наступлении летом 1916 г. — за май — июль), представленных фронтовыми штабами по запросам Штаба Верховного главнокомандующего;

- в справках казачьих частей, представленных в Штаб полевого атамана казачьих войск (за 1916 г.);

- в боевых донесениях, описаниях боев, журналах военных действий.

Сопоставление этих сведений позволяет установить размеры потерь русской действующей армии в боях лета 1916 г. Ведомости списочного, действительного и боевого состава действующей армии позволяют уточнить меру участия различных дивизий и полков в боях, выявить рост или снижение некомплекта в войсках, закрыть лакуны в случае полного отсутствия иной информации о потерях путем сравнения наличных сил в начале и в конце операции, с учетом влитого пополнения.

Порядок и очередность представления отчетов в русской действующей армии были установлены еще в июле — августе 1915 г.⁹⁷ После начала генерального наступления стало ясно, что штабы армий перегружены формами отчетности. Поэтому с июля 1916 г. в Ставку было приказано присылать ежедневные сводки потерь по службе генерал-квартирмейстеров, а дежурным генералам отчеты больше не направлять⁹⁸. Категорию «пропавшие без вести» переименовали в «оставшихся на поле сражения».

Наиболее полными являются сведения о потерях в приказах по строевой части пехотных, кавалерийских и казачьих полков, артиллерийских бригад, отдельных батальонов, дивизионов, рот и сотен. Именно там можно найти информацию об умерших от ран или об ошибочно включенных в списки потерь. Но сохранились строевые приказы далеко не полностью и не по всем частям, поэтому необходимо использовать и другие документы, в частности, срочные и внесрочные донесения.

Хорошо сохранились документы Баварской армии, находящиеся в Главном государственном архиве земли Бавария (Мюнхен), в 4-м (военном) отделе⁹⁹. В фондах полков отложились практически все виды доку-

⁹⁷ РГВИА. Ф. 2122. Оп. 1. Д. 594. Л. 322. Цит. из дела генерал-квартирмейстера штаба 5-й армии; Ф. 2106. Оп. 2. Д. 48. Л. 1. Цит. из дела дежурного генерала штаба 1-й армии.

⁹⁸ РГВИА. Ф. 2003. Оп. 1. Д. 613. Л. 51—52.

⁹⁹ Bayerisches Hauptstaatsarchiv (далее — BayHSA). Abt. IV Kriegsarchiv.

ментов, которые вела часть во время войны. Это и журналы военных действий, и обязательные приложения к ним формы В-2, где за каждый день заносились сведения о потерях полка. Сопоставление этих записей с датами публикаций списков потерь позволяет установить, что для 1916 г. разница между временем боя и временем публикации списка потерь составляет примерно месяц, а осенью и зимой — от полутора до двух месяцев. Поскольку в списках упоминаются все роты, эскадроны или батареи части, можно примерно определить дату боя и соотнести данные о потерях с фактом участия в бою той или иной части или ее подразделения. Для данного исследования временная разница между боем и публикацией списка (лаг) принята за один месяц с коррекцией полноты по указанному в нем подразделению.

Сохранились документы Южной армии, в том числе 10-дневные санитарные рапорты и составленные на их основе 10-дневные сведения о потерях. Рапорты включают сведения об убитых, пропавших без вести, раненых, больных, умерших от ран и болезней и о вернувшихся в строй военнослужащих по каждому входившему в состав армии соединению и отдельной части. В фонде содержатся и ежедневные донесения о понесенных потерях.

Фонды Военного архива Австрийского государственного архива¹⁰⁰ сохранились гораздо лучше, чем фонды Федерального архива Германии. В вооруженных силах Австро-Венгрии также была отлаженная система учета потерь, которой занимались несколько служб — Военно-статистическое бюро, X отдел Генерального штаба и квартирмейстерское отделение Армейского главнокомандования с системой подчиненных органов в штабах армий. Наибольшей полнотой отличаются поступавшие в Военное министерство именные списки потерь частей (отложились в фонде «Списки потерь») — на них имеются и пометы о судьбе раненых и пропавших без вести, что позволяет учесть умерших от ран или в плену, а также вернувшихся в часть, обнаруженных среди мертвых или раненых и больных ранее учтенных как пропавшие без вести. Но сами списки сохранились не по всем частям.

Квартирмейстерское отделение Армейского главнокомандования с марта 1915 г. собирало от штабов квартирмейстерских армейских командований (отвечали за вопросы боевого и тылового обеспечения действующих армий) полумесячные, а с сентября 1916 г. — месячные «Отчеты о материальной ситуации» (отложились в фонде Армейского главнокомандования). Они являются чрезвычайно ценным источником, отражая наличный и боевой состав войск, перемены в боевом составе (включая указание числа убитых, раненых, больных, пропавших без ве-

¹⁰⁰ Oesterreichische Staatsarchiv — Kriegsarchiv (далее — OeStA-KA).

сти и попавших в плен по каждому соединению и объединению), расход снарядов, пополнение потерь в вооружении, трофеи, провиантское довольствие войск, наличие в армиях военнопленных и их использование. Дополняют эти сведения реляции соединений и частей.

Оперативные и хозяйственные документы управлений армий, корпусов и дивизий — утренние рапорты, донесения о боевых действиях, сводки потерь от подчиненных соединений и частей, ситуационные донесения (направлялись в штабы трижды в день) — содержат и сведения о потерях входивших в состав австро-венгерских армий германских дивизий.

Отсутствующие в Военном архиве Государственного архива Австрии документы находятся в фондах Военно-исторического архива Министерства обороны Венгрии¹⁰¹. Там же хранятся фонды частей и соединений хонведа — территориальных частей, комплектовавшихся на территории Венгерского королевства (аналог австрийского ландвера), венгерского ополчения (аналог австрийского ландштурма), территориального ополчения и этапных батальонов (аналог запасных батальонов в Австрии), — содержащие как строевые документы, так и рапорты, реляции о боях, справки и донесения о потерях.

Уточненные данные о потерях русской действующей армии в летней кампании 1916 г. (с 22 мая ст. ст.) представлены в Табл. 1. Максимум потерь приходится, конечно, на армии Юго-Западного фронта и 4-ю армию Западного фронта, которые вели бои от румынской границы до устья р. Сервечь, — 87 %. Хотя летнее наступление задумывалось как всеобщее, степень участия фронтов оказалась разной. Без учета продолжительных оперативных пауз армии Юго-Западного фронта вели наступление 85 дней, армии Западного фронта — 56 дней (только левое крыло), 12-я армия Северного фронта — 10 дней. 10-я армия Западного фронта серьезно пострадала от германских газовых атак, что сорвало ее наступление: почти каждый третий из выбывших из строя пострадал от отравляющих веществ.

Табл. 1. Потери русской действующей армии в летней кампании 1916 г.

Армия	Убиты (умерли от газов)		Пропали без вести		Ранены (отравлены газами)		Всего	
	офицеры	нижн. чины	офицеры	нижн. чины	офицеры	нижн. чины	офицеры	нижн. чины
Северный фронт								
12-я армия	142 (1)	5911	7	2284	660	31009 (11)	810	39215

¹⁰¹ (Magyar) Hadtörténelmi Levéltár.

5-я армия	25	1250		81	69	6245 (1)	94	7577
1-я армия	10	465	1	48	62	2410 (2)	73	2925
Итого	177 (1)	7626	8	2413	791	39664 (14)	977	49717
Западный фронт								
2-я армия	31	2525 (19)	4	1909	142 (3)	11873 (212)	180	16538
10-я армия	47 (12)	3342 (1598)	15	1748	300 (77)	19582 (7876)	461	34146
4-я армия	285	14781	95	18534	1578 (4)	87368 (203)	1972	120886
3-я армия	88	5431	37	8814	430 (7)	28479 (14)	562	39738
армия Безобразова	3	583		99	35	2531 (21)	40	3234
Итого	454 (12)	26662 (1617)	151	28104	2485 (91)	149833 (8326)	3193	214542
Юго-Западный фронт								
3-я армия	190	8622	49	11156	800	53899 (2)	1039	73679
армия Безобразова	97	8505	24	8094	533 (2)	43152 (46)	656	59797
8-я армия	520	28912	206	32859	2144	161257 (58)	2870	223086
11-я армия	598	24837	131	24004	1737	133223	2466	182064
7-я армия	367	17220	108	19015	1613	96106 (5)	2088	132346
9-я армия	378	29094 (1)	61	17065	1748	131404 (1)	2187	177565
Итого	2150	117190 (1)	579	112193	8575 (2)	619041 (112)	11306	848537
Всего¹⁰²	2781 (13)	151478 (1618)	738	142710	11851 (93)	808538 (8452)	15476	1112796

¹⁰² Подсчитано по: РГВИА. Ф. 2007. Оп. 1. Д. 34. Л. 233—234; Д. 39. Л. 49, 94, 169—170; Д. 57. Л. 187; Д. 59. Л. 277; Д. 62. Л. 62—66; Д. 65. Л. 194; Ф. 2048. Оп. 1. Д. 94. Л. 77—371; Д. 95. Л. 3—464; Д. 96. Л. 5—145; Д. 160. Л. 1—6; Д. 161. Л. 1—42; Д. 162. Л. 1—39; Д. 163. Л. 9—28; Д. 164. Л. 1, 26; Ф. 2106. Оп. 1. Д. 430. Л. 373—436; Д. 431. Л. 1—80; Оп. 2. Д. 62. Л. 35—141; Ф. 2118. Оп. 2. Д. 58. Л. 172—304; Ф. 2122. Оп. 1. Д. 595. Л. 228—277; Д. 601. Л. 208—566; Д. 602. Л. 5—354; Ф. 2134. Оп. 1. Д. 425. Л. 9—363; Оп. 2. Д. 308. Л. 44—238; Ф. 2139. Оп. 2. Д. 102. Л. 295—332; Д. 103. Л. 1—586; Ф. 2144. Оп. 1. Д. 117. Л. 2—189; Оп. 2. Д. 130. Л. 1—261; Ф. 2148. Оп. 1. Д. 375. Л. 2—128; Д. 376. Л. 1—297; Оп. 2. Д. 94. Л. 92—126; Д. 95. Л. 1—120; Ф. 2152. Оп. 1. Д. 540. Л. 213, 284—439; Д. 541. Л. 1—585; Оп. 2. Д. 201. Л. 5—10; Ф. 2158. Оп. 1. Д. 192. Л. 10—89; Д. 207. Л. 1—21; Оп. 2. Д. 109. Л. 123; Ф. 2181. Оп. 1. Д. 877. Л.

122—165; Ф. 2183. Оп. 1. Д. 641. Л. 143—287; Ф. 2185. Оп. 1. Д. 340. Л. 362—440; Ф. 2189. Оп. 1. Д. 454. Л. 76; Д. 455. Л. 41—112; Ф. 2208. Оп. 1. Д. 442. Л. 30—53; Д. 449. Л. 1—24, 39—65; Ф. 2210. Оп. 1. Д. 627. Л. 16—140; Ф. 2214. Оп. 1. Д. 546. Л. 71—145; Д. 550. Л. 107—151; Ф. 2222. Оп. 1. Д. 1093. Л. 2—4, 89—96; Ф. 2232. Оп. 1. Д. 302. Л. 8—11; Д. 303. Л. 4—94; 144—120; Ф. 2248. Оп. 1. Д. 306. Ч. 1. Л. 284, 310—365; Ч. 2. Л. 27—29; Ф. 2256. Оп. 1. Д. 280. Л. 344—514; Ф. 2258. Оп. 1. Д. 475. Л. 733—849; Ф. 2260. Оп. 1. Д. 176. Л. 132—250, 381; Ф. 2266. Оп. 1. Д. 264. Л. 311—482; Ф. 2288. Оп. 1. Д. 540. Л. 1—79; Д. 541. Л. 127—144; Ф. 2296. Оп. 1. Д. 1046. Л. 36—75; Ф. 2335. Оп. 1. Д. 159. Л. 55—73; Ф. 2339. Оп. 1. Д. 232. Л. 179—187; Ф. 2343. Оп. 1. Д. 184. Л. 43—66; Д. 185. Л. 3—16; Д. 186. Л. 2—39; Ф. 2344. Оп. 2. Д. 124. Л. 95, 109, 111; Ф. 2357. Оп. 1. Д. 291. Л. 4—53; Ф. 2361. Оп. 1. Д. 164. Л. 203—265, 272—285; Ф. 2367. Оп. 2. Д. 330. Л. 77—119; Ф. 2372. Оп. 2. Д. 138. Л. 5—9; Д. 490. Л. 61—168; Д. 491. Л. 3—27, 38—107; Ф. 2379. Оп. 2. Д. 378. Л. 353—358; Д. 379. Л. 2—341; Д. 380. Л. 3—435; Д. 381. Л. 6—226; Ф. 2405. Оп. 1. Д. 300. Л. 263—283; Ф. 2410. Оп. 1. Д. 632. Ч. 1. Л. 331—420; Ф. 2419. Оп. 2. Д. 37. Л. 127—143; Д. 38. Л. 24—122; Д. 39. Л. 1—31; Ф. 2428. Оп. 1. Д. 53. Л. 15—199; Д. 167. Л. 177—228; Ф. 2450. Оп. 1. Д. 371. Л. 1—78; Д. 372. Л. 6—82; Д. 374. Л. 67—189; Ф. 2506. Оп. 2. Д. 369. Л. 97; Д. 370. Л. 66—104; Д. 371. Л. 1—68; Д. 372. Л. 3—96; Д. 373. Л. 4—49; Д. 374. Л. 66; Ф. 2538. Оп. 2. Д. 519. Л. 12, 13; Ф. 2552. Оп. 1. Д. 2. Л. 7—45; Ф. 2591. Оп. 2. Д. 156. Л. 1—411; Ф. 2592. Оп. 1. Д. 135. Л. 495—1104; Ф. 2593. Оп. 2. Д. 404. Л. 279—462; Д. 410. Л. 4—431; Ф. 2594. Оп. 1. Д. 188. Л. 1—97; Д. 189. Л. 3—194; Д. 190. Л. 4—91; Д. 191. Л. 5—7, 29, 69; Ф. 2595. Оп. 2. Д. 217. Л. 137—293; Д. 218. Л. 2—90; Д. 219. Л. 1—187; Ф. 2596. Оп. 2. Д. 133. Л. 2—7; Д. 196. Л. 456—527; Ф. 2597. Оп. 2. Д. 225. Л. 86—404; Ф. 2598. Оп. 2. Д. 828. Л. 229—702; Ф. 2599. Оп. 2. Д. 386. Л. 10—158; Ф. 2600. Оп. 2. Д. 80. Л. 70—122; Ф. 2601. Оп. 2. Д. 634. Л. 541—658; Ф. 2623. Оп. 2. Д. 301. Л. 124—184; Д. 302. Л. 6—515; Ф. 2624. Оп. 2. Д. 130. Л. 604—766; Д. 135. Л. 13—668; Ф. 2625. Оп. 1. Д. 628. Л. 4—151; Д. 629. Л. 4—132; Д. 630. Л. 1—132; Д. 631. Л. 4—130; Д. 633. Л. 4—155; Ф. 2626. Оп. 2. Д. 1224. Л. 483—619; Д. 1228. Л. 11—645; Ф. 2627. Оп. 1. Д. 55. Л. 7—228; Д. 56. Л. 3—21; Ф. 2628. Оп. 1. Д. 78. Л. 4—279; Д. 79. Л. 13—157; Д. 80. Л. 7—153; Ф. 2629. Оп. 2. Д. 322. Л. 6—108; Д. 315. Л. 3—194; Д. 318. Л. 2—143; Ф. 2630. Оп. 2. Д. 45. Л. 1, 17—303; Д. 46. Л. 7—241; Д. 50. Л. 30—39; Д. 127. Л. 2—5; Ф. 2631. Оп. 1. Д. 238. Л. 628—629; Д. 239. Л. 8—420; Ф. 2632. Оп. 1. Д. 133. Л. 81—343; Ф. 2633. Оп. 1. Д. 263. Л. 264—371; Д. 264. Л. 16—464; Д. 265. Л. 12, 28—444; Ф. 2634. Оп. 1. Д. 225. Л. 643—721; Д. 226. Л. 198—473; Ф. 2640. Оп. 1. Д. 141. Л. 1—7; Д. 142. Л. 2—15; Д. 143. Л. 1—2; Ф. 2641. Оп. 2. Д. 155. Л. 19; Д. 156. Л. 5—21; Д. 157. Л. 2—4; Ф. 2647. Оп. 1. Д. 81. Л. 3—41; Д. 82. Л. 1—222; Д. 83. Л. 1—316; Д. 84. Л. 166; Ф. 2648. Оп. 2. Д. 88. Л. 1—461; Ф. 2649. Оп. 1. Д. 36. Л. 11—18; Д. 83. Л. 4—351; Ф. 2650. Оп. 1. Д. 28. Л. 8—45; Д. 58. Л. 1—302; Ф. 2651. Оп. 2. Д. 431. Л. 6—8; Д. 432. Л. 2—9; Ф. 2652. Оп. 2. Д. 787. Л. 11—24; Д. 786. Л. 2—3; Ф. 2653. Оп. 2. Д. 239. Л. 32—36; Д. 240. Л. 5—16; Ф. 2654. Оп. 2. Д. 159. Л. 1—13; Д. 160. Л. 4—5; Ф. 2663. Оп. 2. Д. 236. Л. 23—463; Ф. 2664. Оп. 1. Д. 67. Л. 487—576; Д. 68. Л. 3—136; Д. 69. Л. 29—61; Ф. 2665. Оп. 2. Д. 109. Л. 83—137; Д. 110. Л. 5—138; Д. 111. Л. 5—82; Д. 112. Л. 2, 7, 33, 49; Ф. 2667. Оп. 2. Д. 171. Л. 461—467; Ф. 2669. Оп. 1. Д. 41. Л. 10, 12; Ф. 2671. Оп. 1. Д. 73. Л. 8; Д. 136. Л. 629; Ф. 2674. Оп. 2. Д. 141. Л. 11; Ф. 2675. Оп. 1. Д. 129. Л. 1—127; Д. 130. Л. 38—141; Д. 131.

Л. 2—85; Ф. 2676. Оп. 1. Д. 520. Л. 1—65; Д. 522. Л. 1—89; Д. 524. Л. 1—105; Ф. 2677. Оп. 1. Д. 286. Л. 59—179; Д. 287. Л. 7—160; Д. 288. Л. 7—129; Ф. 2678. Оп. 1. Д. 237. Л. 3—59; Д. 239. Л. 1—71; Д. 241. Л. 6—53; Ф. 2687. Оп. 1. Д. 54. Л. 137—209; Д. 64. Л. 20, 53, 188, 205, 213, 288, 294; Ф. 2691. Оп. 1. Д. 277. Л. 5—66; Ф. 2692. Оп. 1. Д. 162. Л. 37—79; Д. 164. Л. 1—79; Д. 282. Л. 3—126; Д. 285. Л. 2—57; Ф. 2693. Оп. 1. Д. 47. Л. 23—97; Д. 48. Л. 16—131; Д. 49. Л. 2—66; Ф. 2694. Оп. 1. Д. 119. Л. 12—52; Д. 121. Л. 6—87; Д. 122. Л. 1—77; Ф. 2695. Оп. 2. Д. 46. Л. 9—18; Д. 142. Л. 143—160; Д. 145. Л. 6—264; Ф. 2696. Оп. 1. Д. 32. Л. 34—57; Д. 33. Л. 7—78; Ф. 2697. Оп. 1. Д. 42. Л. 6—12; Д. 43. Л. 1—5, 13; Д. 44. Л. 2—10; Д. 45. Л. 1—12; Ф. 2698. Оп. 1. Д. 23. Л. 13—29, 49—59; Д. 24. Л. 3—32; Ф. 2699. Оп. 1. Д. 129. Л. 4—48; Д. 130. Л. 1—67; Д. 131. Л. 1—53; Д. 132. Л. 9—54; Ф. 2700. Оп. 1. Д. 112. Л. 100—102; Д. 113. Л. 10—104; Д. 114. Л. 5; Ф. 2701. Оп. 1. Д. 223. Л. 37, 41, 55—70; Д. 224. Л. 1—93; Д. 225. Л. 1—99; Д. 226. Л. 2—66; Ф. 2702. Оп. 2. Д. 154. Л. 119—160; Д. 155. Л. 1—162; Ф. 2703. Оп. 2. Д. 127. Л. 403—500; Д. 133. Л. 4—121; Ф. 2704. Оп. 1. Д. 34. Л. 68—74; Д. 35. Л. 1в—179; Д. 36. Л. 3—87; Д. 37. Л. 1—38; Ф. 2705. Оп. 2. Д. 102. Л. 200—243; Ф. 2706. Оп. 2. Д. 228. Л. 53; Д. 230. Л. 8—55; Д. 232. Л. 1—57; Д. 235. Л. 1—25; Ф. 2707. Оп. 1. Д. 444. Л. 69—114; Д. 445. Л. 2—112; Д. 446. Л. 4—132; Д. 448. Л. 12—100; Ф. 2708. Оп. 1. Д. 86. Л. 6—24; Д. 87. Л. 1—5; Д. 252. Л. 377, 383; Ф. 2709. Оп. 1. Д. 121. Л. 16—55; Д. 122. Л. 2—76; Д. 123. Л. 1—56; Д. 124. Л. 33, 61, 78; Ф. 2710. Оп. 2. Д. 300. Л. 1—52; Д. 304. Л. 1—43; Ф. 2711. Оп. 2. Д. 31. Л. 32—52; Ф. 2712. Оп. 2. Д. 479. Л. 134—140; Ф. 2713. Оп. 2. Д. 73. Л. 6—15; Д. 74. Л. 12—37; Ф. 2714. Оп. 2. Д. 486. Л. 1—3; Д. 487. Л. 2—9; Ф. 2719. Оп. 1. Д. 35. Л. 4—41; Д. 36. Л. 1; Ф. 2720. Оп. 1. Д. 34. Л. 4—14; Д. 35. Л. 1—9; Ф. 2721. Оп. 1. Д. 100. Л. 27—61; Ф. 2722. Оп. 1. Д. 562. Л. 3—7; Ф. 2723. Оп. 1. Д. 320. Л. 21—28; Д. 321. Л. 4—14; Ф. 2724. Оп. 2. Д. 301. Л. 10—19; Д. 302. Л. 2—11; Ф. 2725. Оп. 1. Д. 149. Л. 4—9; Д. 150. Л. 2—3; Ф. 2726. Оп. 1. Д. 271. Л. 4—9; Д. 272. Л. 2—6; Ф. 2727. Оп. 1. Д. 56. Л. 14—18; Д. 58. Л. 1—14; Ф. 2728. Оп. 1. Д. 85. Л. 9—10; Д. 86. Л. 4—8; Д. 87. Л. 1—8; Д. 88. Л. 2—4; Ф. 2729. Оп. 1. Д. 59. Л. 7—12; Д. 60. Л. 3; Ф. 2730. Оп. 1. Д. 61. Л. 2—3; Д. 62. Л. 1—3; Ф. 2731. Оп. 2. Д. 123. Л. 65—145; Д. 124. Л. 4—156, 181—186; Д. 125. Л. 5, 36; Ф. 2732. Оп. 2. Д. 147. Л. 101—275; Д. 152. Л. 2—289; Ф. 2733. Оп. 1. Д. 106. Л. 160—396; Д. 107. Л. 3—263; Ф. 2734. Оп. 2. Д. 75. Л. 83—156; Д. 81. Л. 2—170; Ф. 2735. Оп. 1. Д. 39. Л. 15—30; Ф. 2736. Оп. 1. Д. 23. Л. 11—13; Ф. 2737. Оп. 1. Д. 57. Л. 13—26; Д. 78. Л. 125—138; Д. 79. Л. 35—126; Д. 80. Л. 2—96; Д. 81. Л. 2—91; Д. 82. Л. 10—103; Ф. 2738. Оп. 1. Д. 22. Л. 24—80; Д. 90. Л. 1а—133; Д. 92. Л. 21—75; Ф. 2747. Оп. 1. Д. 180. Л. 78—96; Д. 181. Л. 1—80; Д. 183. Л. 1—334; Ф. 2748. Оп. 1. Д. 44. Л. 15—27; Д. 45. Л. 3—50; Ф. 2749. Оп. 2. Д. 391. Л. 52—278; Д. 392. Л. 1—223; Ф. 2750. Оп. 1. Д. 371. Л. 1—78; Д. 372. Л. 6—82; Д. 374. Л. 67—189; Ф. 2759. Оп. 2. Д. 1320. Л. 183—230; Д. 1322. Л. 59—134; Ф. 2762. Оп. 1. Д. 6. Л. 1—4; Ф. 2771. Оп. 2. Д. 142. Л. 62—120; Д. 143. Л. 16—108; Д. 144. Л. 5—8, 82, 83; Ф. 2772. Оп. 2. Д. 292. Л. 66—191; Д. 294. Л. 2—149; Ф. 2773. Оп. 2. Д. 60. Л. 2—3; Ф. 2774. Оп. 2. Д. 41. Л. 25—73; Д. 42. Л. 1—5; Ф. 2775. Оп. 1. Д. 38. Л. 179—235; Ф. 2776. Оп. 1. Д. 100. Л. 38—70; Ф. 2777. Оп. 1. Д. 51. Л. 48—51; Д. 52. Л. 2—42; Ф. 2778. Оп. 2. Д. 81. Л. 78—134; Д. 82. Л. 6—48; Ф. 2779. Оп. 2. Д. 37. Л. 7—18; Ф. 2780. Оп. 1. Д. 105. Л. 11—14; Д. 265. Л. 37—38; Д. 266. Л. 10—61; Д. 267. Л. 2—10, 16—98; Д. 268. Л. 1—114; Д. 270. Л. 5—86; Д. 272. Л. 10—115; Д. 274. Л. 1; Ф. 2781. Оп. 2. Д. 31. Л. 6—8; Д. 32. Л. 4; Ф. 2782. Оп. 1. Д. 32. Л.

5—15; Д. 33. Л. 2—6; Ф. 2796. Оп. 2. Д. 409. Л. 172—408; Ф. 2797. Оп. 1. Д. 523. Л. 76—160; Ф. 2798. Оп. 2. Д. 337. Л. 1—39; Ф. 2799. Оп. 2. Д. 164. Л. 123—301; Д. 167. Л. 177—228; Ф. 2800. Оп. 1. Д. 116. Л. 284—341; Д. 120. Л. 3—120; Д. 122. Л. 27—31, 82; Ф. 2801. Оп. 1. Д. 57. Л. 43—57; Д. 58. Л. 1—53; Д. 59. Л. 5—73; Д. 61. Л. 2—79; Ф. 2802. Оп. 1. Д. 92. Л. 83—85; Д. 93. Л. 1—52; Д. 95. Л. 5—68; Д. 96. Л. 4—46; Ф. 2803. Оп. 2. Д. 100. Л. 7—30; Д. 102. Л. 1—6; Ф. 2804. Оп. 2. Д. 65. Л. 29—73; Ф. 2805. Оп. 2. Д. 192. Л. 36—95; Ф. 2806. Оп. 1. Д. 102. Л. 38—71; Д. 103. Л. 1—35; Ф. 2807. Оп. 2. Д. 50. Л. 20—41; Ф. 2819. Оп. 1. Д. 50. Л. 19, 38—62; Д. 51. Л. 1—78; Д. 52. Л. 3—67; Ф. 2820. Оп. 1. Д. 55. Л. 11—15; Д. 56. Л. 1; Д. 120. Л. 58; Ф. 2821. Оп. 1. Д. 103. Л. 45—94; Д. 105. Л. 6—63; Ф. 2822. Оп. 1. Д. 22. Л. 59—60, 68—99; Ф. 2834. Оп. 1. Д. 43. Л. 13—27; Ф. 2835. Оп. 2. Д. 23. Л. 20—32; Ф. 2836. Оп. 1. Д. 42. Л. 9—17; Д. 43. Л. 7, 14; Ф. 2837. Оп. 1. Д. 27. Л. 5—9; Ф. 2838. Оп. 1. Д. 141. Л. 5—22; Д. 141. Л. 2—20; Ф. 2839. Оп. 1. Д. 31. Л. 4—11; Д. 32. Л. 1—5; Ф. 2841. Оп. 1. Д. 171. Л. 8; Ф. 2858. Оп. 1. Д. 19. Л. 9—16; Д. 20. Л. 3—16; Ф. 2859. Оп. 1. Д. 29. Л. 29—84; Ф. 2860. Оп. 1. Д. 11. Л. 6—9; Д. 12. Л. 2—11; Ф. 2865. Оп. 1. Д. 30. Л. 7—27; Д. 31. Л. 13—20; Ф. 2866. Оп. 1. Д. 92. Л. 11—20; Ф. 2867. Оп. 1. Д. 40. Л. 7—26; Ф. 2868. Оп. 1. Д. 64. Л. 14; Ф. 2869. Оп. 2. Д. 30. Л. 5—8; Д. 31. Л. 6—25; Д. 32. Л. 5—6; Ф. 2870. Оп. 2. Д. 33. Л. 9—24; Д. 34. Л. 2—12; Ф. 2871. Оп. 2. Д. 38. Л. 30—41; Д. 39. Л. 5—57; Д. 40. Л. 3—14; Ф. 2880. Оп. 1. Д. 65. Л. 6—23; Д. 66. Л. 4—43; Ф. 2881. Оп. 1. Д. 55. Л. 4—8; Д. 56. Л. 1—8; Ф. 2882. Оп. 1. Д. 151. Л. 21—28; Д. 152. Л. 2—10, 14—22; Ф. 2883. Оп. 1. Д. 121. Л. 15—70; Д. 122. Л. 1—20, 40—57; Ф. 2884. Оп. 1. Д. 82. Л. 32—64; Ф. 2885. Оп. 1. Д. 62. Л. 6—14; Ф. 2886. Оп. 1. Д. 140. Л. 9—18; Д. 141. Л. 4—6; Ф. 2887. Оп. 1. Д. 21. Л. 13—22; Ф. 2898. Оп. 1. Д. 50. Л. 62—64; Д. 52. Л. 1—84; Д. 56. Л. 58, 74; Ф. 2899. Оп. 1. Д. 134. Л. 434—486; Д. 135. Л. 289—396; Ф. 2900. Оп. 2. Д. 335. Л. 41—59; Д. 338. Л. 10—52; Д. 341. Л. 24—79; Д. 344. Л. 3—56; Д. 352. Л. 1—2; Ф. 2901. Оп. 1. Д. 156. Л. 21—106; Д. 157. Л. 3—126; Ф. 2906. Оп. 1. Д. 62. Л. 121—228; Ф. 2907. Оп. 1. Д. 1. Д. 35. Л. 4—26; Ф. 2909. Оп. 1. Д. 9. Л. 4—27; Ф. 2914. Оп. 1. Д. 67. Л. 26—46; Д. 68. Л. 3—24; Ф. 2915. Оп. 1. Д. 90. Л. 2—8; Д. 91. Л. 2—8; Ф. 2916. Оп. 1. Д. 43. Л. 26—110; Д. 44. Л. 12—57; Ф. 2917. Оп. 1. Д. 316. Л. 17, 46; Д. 317. Л. 21—86; Ф. 2918. Оп. 1. Д. 105. Л. 46—127; Ф. 2919. Оп. 1. Д. 205. Л. 213—358; Ф. 2920. Оп. 1. Д. 193. Л. 9—77; Ф. 2921. Оп. 1. Д. 163. Л. 10—46; Д. 164. Л. 3—81; Д. 165. Л. 2—82; Д. 167. Л. 2—13; Ф. 2929. Оп. 1. Д. 96. Л. 6—83; Д. 185. Л. 11—13; Д. 238. Л. 8—13, 131—132; Ф. 2938. Оп. 2. Д. 18. Л. 6—11; Д. 19. Л. 4—6; Д. 140. Л. 97—108; Д. 141. Л. 6—106; Ф. 2939. Оп. 1. Д. 12. Л. 7—17; Д. 13. Л. 1—10; Д. 17. Л. 39—189; Ф. 2940. Оп. 1. Д. 19. Л. 24—55; Д. 20. Л. 3—21; Д. 38. Л. 57—140; Д. 39. Л. 3—150; Ф. 2941. Оп. 1. Д. 5. Л. 2—5; Ф. 2942. Оп. 1. Д. 40. Л. 47—76; Ф. 2943. Оп. 1. Д. 70. Л. 8—10; Д. 71. Л. 1—2; Ф. 2944. Оп. 2. Д. 74. Л. 8—16; Ф. 2945. Оп. 2. Д. 38. Л. 19—20; Д. 39. Л. 1—5; Ф. 2946. Оп. 1. Д. 8. Л. 34—167; Д. 10. Л. 9—57; Ф. 2947. Оп. 1. Д. 25. Л. 3—15; Д. 26. Л. 3—5; Ф. 2949. Оп. 1. Д. 57. Л. 5; Ф. 2962. Оп. 1. Д. 39. Л. 27, 29; Ф. 2963. Оп. 1. Д. 29. Л. 22—26; Ф. 2964. Оп. 1. Д. 25. Л. 33—34; Д. 27. Л. 6; Ф. 2965. Оп. 1. Д. 29. Л. 8—11; Ф. 2990. Оп. 1. Д. 14. Л. 7—20; Д. 15. Л. 2—14; Ф. 2991. Оп. 1. Д. 61. Л. 3—9; Д. 62. Л. 2—13; Ф. 2992. Оп. 1. Д. 23. Л. 6—19; Д. 24. Л. 1—14; Ф. 2993. Оп. 1. Д. 48. Л. 2—8; Д. 49. Л. 1—11; Ф. 2997. Оп. 1. Д. 10. Л. 3—4; Ф. 3282. Оп. 1. Д. 131. Л. 5—36; Д. 132. Л. 2—38; Д. 133. Л. 17—103; Ф. 3283. Оп. 1. Д. 43. Л. 10—70; Д. 44. Л. 2—43; Д. 45. Л. 2—101; Ф. 3284. Оп. 1. Д. 47. Л. 1—459; Ф. 3285. Оп. 1. Д. 68. Л. 11—46; Д. 69. Л. 5—44; Д. 70. Л. 8—57; Д. 71. Л.

30—47; Ф. 3335. Оп. 1. Д. 52. Л. 20—53; Д. 53. Л. 2—10; Ф. 3336. Оп. 1. Д. 57. Л. 4—21; Д. 59. Л. 2—4; Ф. 3337. Оп. 1. Д. 117. Л. 3—11; Д. 118. Л. 1; Ф. 3338. Оп. 1. Д. 52. Л. 3—8; Ф. 3339. Оп. 1. Д. 132. Л. 12—20; Ф. 3340. Оп. 1. Д. 99. Л. 5—24; Ф. 3341. Оп. 1. Д. 55. Л. 13—98; Ф. 3342. Оп. 1. Д. 121. Л. 3—8; Ф. 3347. Оп. 1. Д. 374. Л. 73, 78; Д. 375. Л. 7—43, 130; Ф. 3348. Оп. 1. Д. 71. Л. 196—199; Д. 72. Л. 6—166; Ф. 3349. Оп. 1. Д. 72. Л. 67, 98—99, 110, 113; Д. 73. Л. 7—126, 170, 173, 223; Ф. 3350. Оп. 1. Д. 59. Л. 8—66; Ф. 3351. Оп. 1. Д. 266. Л. 20—185; Ф. 3352. Оп. 1. Д. 186. Л. 56—220; Д. 190. Л. 195, 207—320; Ф. 3353. Оп. 1. Д. 222. Л. 19—132, 162, 178; Ф. 3354. Оп. 1. Д. 195. Л. 13—165; 209, 211, 230; Ф. 3359. Оп. 1. Д. 184. Л. 2—274 Д. 185. Л. 7—16; Ф. 3360. Оп. 1. Д. 279. Л. 4—19; Д. 280. Л. 4—11; Ф. 3361. Оп. 1. Д. 190. Л. 1—3; Ф. 3362. Оп. 1. Д. 83. Л. 63—70; Д. 110. Л. 4—11; Ф. 3364. Оп. 1. Д. 88. Л. 4—5; Д. 89. Л. 2—5; Ф. 3366. Оп. 1. Д. 67. Л. 3—12; Д. 68. Л. 1—15; Ф. 3367. Оп. 1. Д. 116. Л. 2—28; Ф. 3368. Оп. 1. Д. 46. Л. 9—14; Ф. 3369. Оп. 1. Д. 73. Л. 5; Д. 74. Л. 1—7; Ф. 3370. Оп. 1. Д. 56. Л. 27—53; Д. 57. Л. 2—26; Д. 70. Л. 8, 27—28; Ф. 3371. Оп. 1. Д. 93. Л. 5—12; Д. 167. Л. 18—27, 68; Д. 168. Л. 16; Ф. 3372. Оп. 1. Д. 83. Л. 31—33; Д. 84. Л. 2—39; Ф. 3373. Оп. 1. Д. 104. Л. 4—6; Ф. 3375. Оп. 1. Д. 77. Л. 9, 17; Ф. 3376. Оп. 1. Д. 159. Л. 3—19; Ф. 3377. Оп. 1. Д. 187. Л. 1—16; Д. 186. Л. 20—33; Ф. 3378. Оп. 1. Д. 90. Л. 2—7; Ф. 3423. Оп. 1. Д. 185. Л. 6; Д. 237. Л. 43—149; Ф. 3424. Оп. 1. Д. 123. Л. 115, 122; Д. 124. Л. 3—145; Ф. 3425. Оп. 1. Д. 150. Л. 16—32; Д. 200. Л. 94, 98; Д. 201. Л. 9—108; Ф. 3427. Оп. 1. Д. 62. Л. 73—113; Д. 63. Л. 5—102; Ф. 3428. Оп. 1. Д. 58. Л. 59; Ф. 3429. Оп. 1. Д. 79. Л. 12; Д. 114. Л. 16—53; Ф. 3430. Оп. 1. Д. 97. Л. 75—81; Д. 98. Л. 2—278; Ф. 3433. Оп. 1. Д. 104. Л. 3—7; Д. 105. Л. 2—5; Ф. 3434. Оп. 1. Д. 108. Л. 11—27; Д. 109. Л. 2—18; Ф. 3442. Оп. 1. Д. 10. Л. 62—77; Д. 11. Л. 1—92; Д. 12. Л. 5—90; Ф. 3443. Оп. 1. Д. 1. Л. 11—27; Д. 19. Л. 34—70; Д. 20. Л. 12—76; Ф. 3478. Оп. 1. Д. 58. Л. 59—96; Д. 59. Л. 4—85; Ф. 3513. Оп. 4. Д. 7. Л. 75; Ф. 3526. Оп. 2. Д. 186. Л. 57—60, 70—75, 166; Ф. 3526. Оп. 2. Д. 186. Л. 79; Ф. 3530. Оп. 1. Д. 113. Л. 1—158; Д. 134. Л. 185—206; Ф. 3576. Оп. 2. Д. 86. Л. 259—348; Ф. 3595. Оп. 1. Д. 73. Л. 142—144; Д. 153. Л. 8—78; Ф. 3637. Оп. 1. Д. 7. Л. 2—11; Ф. 3673. Оп. 1. Д. 289. Л. 57—74; Д. 290. Л. 7—64; Ф. 3674. Оп. 1. Д. 108. Л. 32—63; Д. 109. Л. 3—40; Ф. 3689. Оп. 1. Д. 191. Л. 282, 318, 347; Д. 192. Ч. 2. Л. 377—442; Ф. 3699. Оп. 1. Д. 84. Л. 30—35; Д. 112. Л. 10; Д. 114. Л. 17; Ф. 3710. Оп. 1. Д. 192. Л. 8, 15—16; Ф. 4031. Оп. 1. Д. 28. Л. 109—182; Ф. 4038. Оп. 2. Д. 47. Л. 14—15, 20; Ф. 4040. Оп. 2. Д. 37. Л. 28, 32; Ф. 4041. Оп. 2. Д. 12. Л. 4; Д. 19. Л. 8; Ф. 4934. Оп. 1. Д. 11. Л. 1—133; Д. 12. Л. 75—148; Ф. 4935. Оп. 1. Д. 13. Л. 21—179; Ф. 4936. Оп. 1. Д. 99. Л. 16—122; Д. 100. Л. 68—140; Ф. 4937. Оп. 1. Д. 42. Л. 7—115; Д. 43. Л. 77—130; Ф. 4945. Оп. 1. Д. 173. Л. 6—52; Ф. 4947. Оп. 1. Д. 158. Л. 306а—709; Ф. 4948. Оп. 2. Д. 62. Л. 1—19; Д. 72. Л. 9—595, 636; Ф. 4949. Оп. 2. Д. 78. Л. 1—101; Д. 81. Л. 2—124; Д. 84. Л. 1—96; Ф. 4950. Оп. 2. Д. 42. Л. 4—322; Ф. 4952. Оп. 1. Д. 10. Л. 365—737; Ф. 4992. Оп. 1. Д. 42. Л. 57, 74; Ф. 5047. Оп. 1. Д. 379. Л. 62—93; Д. 381. Л. 3—222; Ф. 5049. Оп. 1. Д. 485. Л. 3—7; Д. 486. Л. 1—7; Ф. 5057. Оп. 1. Д. 379. Л. 62—93; Ф. 5070. Оп. 1. Д. 10. Л. 28, 35; Ф. 5071. Оп. 1. Д. 6. Л. 23—24, 30, 59—60, 67—68; Д. 7. Л. 1—54; Ф. 5171. Оп. 1. Д. 35. Л. 7—35; Ф. 5266. Оп. 1. Д. 74. Л. 1—14; Д. 75. Л. 2—4; Ф. 5268. Оп. 1. Д. 25. Л. 1—73; Ф. 5269. Оп. 1. Д. 29. Л. 5—51; Д. 73. Л. 81; Ф. 5271. Оп. 1. Д. 67. Л. 18—36; Д. 68. Л. 75; Ф. 5272. Оп. 1. Д. 39. Л. 4—32; Д. 48. Л. 4—7; Ф. 5381. Оп. 1. Д. 399. Л. 15—79; Ф. 16196. Оп. 1. Д. 106. Л. 265—402; Д. 255. Л. 470—510; Д. 324. Л. 18—162; Д. 437. Л. 173—194; Д. 501. Л. 354—557; Д. 536. Л.

Из начальствующего состава русские войска потеряли убитыми 5 генерал-майоров¹⁰³; 3 генерал-лейтенанта и 8 генерал-майоров были ранены. Из командиров частей (полковники) были убиты 23, попали в плен 2 (оба — командиры дружин ополчения), ранены 74, отравлены газами 3. Всего выбыло из строя: командир корпуса — 1, начальников и командующих дивизий — 6, командиров бригад — 4, начальники штабов корпуса и дивизии — по одному, командиров полков — 88, батальонов — 4, дивизионов — 5, дружин ополчения — 3, начальник санитарного отряда и командир автопулеметного взвода — по одному.

Австро-венгерские войска понесли в летней кампании 1916 г. максимальные потери со времени Карпатской операции 1915 г. Разгром начала июня 1916 г. отразился на отчетности о понесенных потерях, которая в это время была запутанной и неполной. Кроме того, многие части и подразделения были перемешаны, утратили прежнюю структуру. Правда, удалось в целом сохранить штабы, но они на время утратили связь с подчиненными им войсками. Под командой уцелевших управлений дивизий оказывались новые части, сохранившие боеспособность, благодаря чему к июлю австро-венгерское командование смогло преодолеть дезорганизацию первых дней Брусиловского прорыва.

По сведениям, поступившим в Статистическое управление Армейского главнокомандования и опубликованным в 1934 г., австро-венгерские войска в июне — августе потеряли убитыми 30245 человек (из них офицеров 959), пропавшими без вести 327388 (офицеров 5348), ранеными 153613 (офицеров 3669), а всего 511246 человек (из них офицеров 9976)¹⁰⁴. Анализ данных полумесячных материальных отчетов тыловых управлений армий, корпусов и дивизий, ежедневных донесений штабов армий и именных списков потерь дал результаты, помещенные в Табл. 2.

398—428; Д. 749. Л. 1—89; Д. 802. Л. 298—307; Д. 933. Л. 300—321; Д. 937. Л. 342—347; Д. 985. Л. 95—104; Д. 986. Л. 80—89; Д. 1011. Л. 60—66; Д. 1029. Л. 198—237; Д. 1030. Л. 83—92; Д. 1037. Л. 198—211; Д. 1038. Л. 328—339; Д. 1044. Л. 129—140, 228—231, 300, 527—544; Д. 1047. Л. 356—359; Д. 1082. Л. 75—86; Д. 1113. Л. 49—60; Д. 1131. Л. 71—82; Д. 1135. Л. 35—36, 40; Д. 1136. Л. 59, 167—189; Д. 1143. Л. 48—55, 148—165; Д. 1147. Л. 25, 62, 120—144, 206—210, 287—331; Д. 1148. Л. 70—78, 125—131, 195—199; Д. 1149. Л. 224—229; Д. 1150. Л. 1—10, 22; Д. 1152. Л. 170—174, 197—223; Д. 1160. Л. 82—89; Д. 1163. Л. 2—77, 255—261, 377—382а; Д. 1165. Л. 54—58, 172, 376—378; Д. 1166. Л. 73—93, 173—190, 218, 238—253; Д. 1167. Л. 391—441; Д. 1168. Л. 179—186; Д. 1170. Л. 86—124; Д. 1171. Л. 218; Д. 1173. Л. 78—90; Д. 1177. Л. 5—9, 44—52, 58—60, 64.

¹⁰³ Гуцин Ф.А. Жертвы стальных гроз: пленные и погибшие генералы Российской императорской армии. 1914—1917. Изд. 2-е М., 2020. С. 108—109.

¹⁰⁴ Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914—1918. Bd. V. S. 218.

Табл. 2. Потери австро-венгерских армий в летней кампании 1916 г. (22 мая — 15 августа).

Войсковая часть	Убиты (умерли от газов)		Пропали без вести		Ранены (отравлены газами)		Всего	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
24-я пехотная дивизия		24		2	1	99	1	125
XII корпус	26	953	103	4395	66	2994	195	8342
корпус Хауэра	11	306	145	4936	50	1278	206	6520
4-я армия	329	8050	1858	114518	1333	44140	3520	166708
армейская группа фон дер Марвица	82	1878	405	20708	305	10384	792	32970
1-я армия	66	2246	502	28902	265	7319	833	38467
2-я армия	85	2942	369	27709	380	15348	834	45999
Южная армия	158	5825	566	36781	612	26988	1336	69594
3-я армия	36	1081	91	8299	96	4729	223	14109
7-я армия	187	6308 (2)	1588	116977	737	29292 (12)	2522	152591
Итого¹⁰⁵	980	29613 (2)	5627	363227	3845	142571 (12)	10452	535425

¹⁰⁵ Подсчитано по: OeStA-KA. AOK-Quartiermeister-Abteilung. Karton 2074. QOp. 90566, 90636; Karton 2683. QOp. 16500, 19500, 21000, 23500; Karton 2683. Op. 13000, 14500; Karton 2690. QOp. 4940; Karton 2691. QOp. 5312, 5500, 6200, 6495, 6995; Karton 2696. QOp. 34508, 35678, 37136; Karton 2700. Op. 23500, 25700; Karton 2701. QOp. 28560, 30750, 33000, 35500; Karton 2716. QOp. 22600, 23600, 24800, 28100, 29400, 30500; Karton 2721. QOp. 1720/3, 2060, 18590; Karton 2730. Op. 720/35; Namentliche Verlustlisten (VL). Kartons 87—155; Neue Feldakten (NFA). 1. Armee. Kartons 251—254 Evidenz-Akten; Kartons 536—538 Materielle Situation; 2. Armee. Kartons 133—142 Evidenzen; 3. Armee. Kartons 405—406 Lagemeldungen; 4. Armee. Kartons 99—105 Evidenzen; 7. Armee. Karton 75; Karton 78. Op. 1656/2; 8. Korps. Karton 973; 26. Korps. Karton 3527 Materielle- und Situations-Meldungen; 25. I. D. Karton 1445; Qu-Abtg. Nr. 9. Karton 268. Op. 436; 6. KD. Karton 4479; Magyar Hadtörténelmi Leveltar. II.188 M. Kir. 42. Honved Gy. Ho. Dobos 31—39; II.196 M. Kir. 51. Honved Gy. Ho. Dobos 10—11, 36; II.212 K. u. K. 71. I. D. Dobos 1; II.213. K. u. K. 72. I. D. Dobos 1.

Сравнение полученных результатов показывает разницу в 24,5 тыс. человек, которая главным образом приходится на пропавших без вести, не учтенных Статистическим управлением; количество учтенных по именным спискам раненых меньше, так как в рапортах для Армейского главнокомандования учитывались и оставшиеся в строю. Большинство понесенных потерь приходится, конечно, на Северные армии, по которым пришелся удар войск А.А. Брусилова; XII корпус и 24-я пехотная дивизия, а с 13 августа (н. ст.) и корпус Л. Хауэра сражались против армий Западного фронта и пострадали гораздо меньше.

При тяжелых безвозвратных потерях (убитые, пропавшие без вести) австро-венгерские войска понесли не столь большие утраты начальствующих лиц. Всего один генерал (командир дивизии) был ранен, ни один не попал в плен (хотя в русских донесениях и говорится о пленении генералов, но ни один не называется). Из командующих частями (от полковника до капитана) 5 убиты, 14 пропали без вести или были пленены, 7 ранены.

Германские войска в июне — августе 1916 г. не только отражали атаки русских армий Северного и Западного фронтов, но и подкрепляли австро-венгерские армии, терпевшие поражения в боях с армиями Юго-Западного фронта. К концу августа уже в каждой австро-венгерской армии был контингент германских войск, от корпуса до армейской группы. Наибольшие потери были понесены к югу от р. Припять. Согласно опубликованному санитарному отчету, германские войска на русском фронте в июне — августе 1916 г. потеряли убитыми 17062, пропавшими без вести 24715, ранеными 106103, а всего 147880 человек; потери в зоне противодействия Брусиловскому прорыву определяются в 86 тыс. человек (из них 20 тыс. попавших в плен)¹⁰⁶.

Обращение к сохранившимся архивным документам и опубликованным во время войны именным спискам потерь германских войск дает другой результат, в том числе с учетом умерших от ран и погибших из категории пропавших без вести (Табл. 3).

Табл. 3. Потери германских армий в летней кампании 1916 г. (22 мая — 15 августа).

Войсковая часть	Убиты (умерли от газов)		Пропали без вести		Ранены (отравлены газами)		Всего	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
8-я армия	19	1457	3	324	65	2720	88	4501

¹⁰⁶ Sanitätsbericht über das Deutsche Heer (Feld- und Besatzungsheer) im Weltkrieg 1914/1918. Bd. III. Tafel 148. 149; Der Weltkrieg 1914—1918. Bd. X. S. 566—567.

армейская группа D	17	1207	5	-218	24	1755	46	2744
10-я армия	43	2037	5	191	51	3618 (2)	99	5848
12-я армия	12	617 (6)		-36	25	967 (43)	37	1597
Всего в группе армий Гинденбурга	91	5318 (6)	13	261	165	9060 (45)	269	14690
армия Войрша	92	4054	9	604	216	9561	317	14219
группа армий Линцингена	353	11402	157	10246	817	32411	1327	54059
группа Эбена	25	831	3	555	68	2864	96	4250
Южная армия	39	1081	26	2627	94	4521	159	8229
группа Крэвеля	34	1110	113	6991	105	4287	252	12288
Карпатский корпус	24	809	4	182	54	2616	82	3607
Всего при АОК	475	15233	303	20601	1138	46699	1916	82533
Итого¹⁰⁷	658	24605 (6)	325	21466	1519	65320 (45)	2502	111442

Полученное количество погибших превышает число убитых по санитарному отчету на 8,1 тыс. человек, а пропавших без вести и раненых меньше соответственно на 3,8 тыс. (погибшие и вернувшиеся в строй, в том числе 254 человека из пропавших без вести в 1915 г., но в том году не учтенных) и 39,5 тыс. человек (умершие от ран или оставшиеся после оказания медицинской помощи в строю).

¹⁰⁷ Подсчитано по: Bundesarchiv (BArch). PH 10-II-205. Bl. 53; Bayerische Hauptstaatsarchiv. IV. Abteilung (Kriegsarchiv). Weltkrieg. AOK Süd. A. E. 138, 142; Infanterie. Divisionen. A. E. 5069; Kavallerie-Regimenter (WK). A. E. 75, 85, 229, 427, 663, 917, 1184, 2268, 2505, 2506, 2791, 2792, 3147; Landsturm. B. Lst. IR 1. Fasc. 5; B. Lst. IR 2. Fasc. 1; B. Lst. IR 3. Fasc. 1; B. Lst. IB Schweinfurt II.B.19. Fasz. 1; OeStA-KA. NFA. Heeresfront Erzherzog Karl/Joseph/Köveß. Karton 3. Op. 1540; Armee-Verordnungsblaetter. Deutsche Verlustlisten. №№ 999—1297. 02.06.1916-06.12.1916. Berlin, 1915—1916.

Из начальствующего состава выбыли из строя 2 генерала (оба ранены), а по рангам — один командир дивизии, 8 командиров полков, 3 командира отдельных батальонов.

Максимальная доля потерь германских войск пришлось на соединения, ведущие борьбу с армиями А.А. Брусилова (71 %); при этом доля убитых в боях против армий Юго-Западного фронта составляет 60 %, а пропавших без вести — 94 % от общего числа потерь этих категорий. Хотя потери германских войск летом 1916 г. были меньше, чем за тот же период 1915 г., но по сравнению с зимой — весной 1916 г. они выросли более чем втрое. Этот фактор наряду с необходимостью держать фронт под Верденом и на Сомме заставил германское командование на востоке уже 2 августа (н. ст.) отказаться от любых проектов перехода в контрнаступление и ограничиться обороной от Риги до Тарнополя с выделением максимума резервов¹⁰⁸.

Летняя кампания 1916 г. была ознаменована большим оперативным успехом армий Юго-Западного фронта. К середине августа (ст. ст.) войска А.А. Брусилова смогли освободить Луцк и часть Волынской губернии, захватить большую часть Буковины, нанести крупный урон австро-венгерским армиям и прибывшим им на помощь германским дивизиям. Однако с середины июня темпы наступления снизились; попытки развить успех на Ковель и Пинск потерпели крах, как и наступление 4-й армии Западного фронта на Барановичи (остальные армии фронта не смогли даже успешно атаковать) и 12-й армии Северного фронта у Кеккау и Эккау. 11-й и 7-й армиям Юго-Западного фронта в июле удалось незначительно продвинуться в Восточной Галиции. Богатые трофеи, взятые у австро-венгерских войск, давали в то же время надежду на полный разгром Двуетидной монархии, особенно после присоединения к Антанте Румынии.

Но понесенные в летней фазе наступления потери (1124 тыс. человек) показывали, что и возможности Российской империи не безграничны. Из армий Северного и Западного фронтов постоянно изымались корпуса и боеприпасы для пополнения войск Брусилова. Ставке в лице М.В. Алексева и, следовательно, Николая II пришлось корректировать план летней кампании и сначала перенести главный удар в полосу Юго-Западного фронта, а затем отказаться от всеобщего наступления в пользу развития успеха одного фронта, избрав действия по принципу «где тонко, там и рвется», т. е. против более слабого противника.

Трудность оценки событий, происходивших на русском (восточно-европейском) театре военных действий летом — осенью 1916 г., связана, помимо прочего, с двумя факторами: с неоспоримой тактической

¹⁰⁸ ВА-МА. РН 5 I/80. Вл. 6—7.

победой в июне того года и одновременно высокой ценой этой победы, увеличивавшейся все больше с продолжением наступательных операций в июле — октябре. Непреложным остается факт, что наступление русских армий Юго-Западного фронта летом и осенью стало крупнейшим военным событием 1916 г. Если под Верденом за все время боев было задействовано 47 германских и 70 французских дивизий, на Сомме — 95 германских против 104 британских и французских дивизий, то Брусиловское наступление вовлекло в свою орбиту 131 русскую (не считая части других фронтов, наносившие вспомогательные удары), 48 германских, 64 австро-венгерских и 2 османских дивизии. Но до сей поры остается открытым вопрос о том, достигли ли эти громадные усилия цели, не были ли жертвы напрасными. Именно поэтому нужно не замалчивать практические результаты наступления, получившего название «Брусиловский прорыв», не применять различного вида ухищрения ради торжества какой-либо версии, а проследить логику событий, их ход и те факторы, в том числе показатель эффективности — нанесенный врагу урон и собственные понесенные потери, — что вели к изменению первоначальных замыслов, которыми изобиловала данная стратегическая операция.

Табл. 4. Потери сторон в общем наступлении русских армий 22 мая — 15 августа 1916 г.

Сторона	Убиты (умерли от газов)		Пропали без вести		Ранены (отравлены газами)		Всего	
	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты	офицеры	солдаты
Сев. фронт	177 (1)	7626	8	2413	791	39664 (14)	977	49717
противник	36	2664	8	106	89	4475	133	7245
Зап. фронт	454 (12)	26662 (1617)	151	28104	2485 (91)	149833 (8326)	3193	214542
противник	208	8742 (6)	153	7639	462	21102 (45)	823	37534
Ю.-З. фронт	2150	117190 (1)	579	112193	8575 (2)	619041 (112)	11306	848537
противник	1394	42812 (2)	5791	376948	4813	182316 (12)	11998	602090
Русские войска. Итого	2781 (13)	151478 (1618)	738	142710	11851 (93)	808538 (8452)	15476	1112796
Противник. Итого	1638	54218 (8)	5952	384693	5364	207893 (57)	12954	646869

Список литературы

1. *Айрапетов О.Р.* Участие Российской империи в Первой Мировой войне. 1916 год. Сверхнапряжение. М.: «Кучково поле», 2015. 650 с.
2. *Базаревский А.Х.* Наступательная операция 9-й русской армии. Июнь 1916 года. М.: «Воениздат», 1937. 158 с.
3. *Брусилов А.А.* Мои воспоминания. М.: «ОЛМА-Пресс», 2004. 446 с.
4. *Ветошников Л.В.* Брусиловский прорыв. М.: «Воениздат», 1940. 184 с.
5. Вооруженные силы России в Первой Мировой войне (1914—1917) / Отв. ред. В.П. Герасимов. В 2-х т. Т. 2. М.: «Мегаполис», 2014. 786 с.
6. *Гильчевский К.Л.* Боевые действия второочередных частей в мировую войну. М.; Л.: «Госиздат», 1928. 132 с.
7. *Головин Н.Н.* Военные усилия России в мировой войне. В 2-х т. Париж: Т-во объединенных издателей, 1939.
8. *Гущин Ф.А.* Жертвы стальных гроз: пленные и погибшие генералы Российской императорской армии. 1914—1917. М.: «Кучково поле», 2020. 520 с.
9. История Первой Мировой войны / Под ред. И.И. Ростунова. В 2-х т. Т. 2. М.: «Наука», 1975. 606 с.
10. *Керсновский А.А.* История русской армии. Т. 4. М.: «Голос», 1994. 368 с.
11. *Листопадов Д.Ю.* К вопросу о потерях русской армии в ходе Брусиловского прорыва // Государство, общество, Церковь в истории России XX—XXI веков: Материалы XXI Международной научной конференции, Иваново, 30—31 марта 2022 г. Иваново: Ивановский гос. университет, 2022. С. 400—405.
12. *Литвинов А.И.* Майский прорыв IX армии в 1916 году. Пг.: Изд-во ПгВО, 1923. 87 с.
13. *Надежный Д.Н.* Бой 10-й пехотной дивизии под Луцком в июле 1916 года. М.: «Госвоениздат», 1926. 69 с.
14. Наступление Юго-Западного фронта в мае — июне 1916 года. Сборник документов империалистической войны. М.: «Воениздат», 1940. 548 с.
15. *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв как объект мифологии // Первая Мировая война: пролог XX века / Отв. ред. В.Л. Мальков. М.: «Наука», 1998. С. 632—634.
16. *Нелипович С.Г.* Брусиловский прорыв: наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года. М.: «Цейхгауз», 2006. 48 с.
17. *Нелипович С.Г.* Наступление Юго-Западного фронта в кампанию 1916 года (Брусиловский прорыв): борьба резервов // Военно-исто-

рические исследования в Поволжье. Сб. научных трудов. Вып. 5. Саратов: Изд-во Сар. гос. ун-та, 2003. С. 178—227.

18. *Нелипович С.Г.* Россия мертвой хваткой держала своих врагов // Военно-исторический журнал. 2000. № 5. С. 46—55.

19. *Оберюхтин В.И.* Барановичи, 1916 год: Военно-исторический очерк. М., 1935. 156 с.

20. *Олейников А.В.* Захвачены в бою: трофеи русской армии в Первой Мировой. М.: «Вече», 2015. 372 с.

21. *Олейников А.В.* Потери неприятельских армий на русском фронте 1914—17 // Россия в Первой Мировой войне 1914—1918: Энциклопедия. В 3-х т. Т. 2. М.: «РОССПЭН», 2014. С. 805—820.

22. *Олейников А.В.* Потери русской армии 1914—17 // Россия в Первой Мировой войне 1914—1918: Энциклопедия. В 3-х т. Т. 2. М.: «РОССПЭН», 2014. С. 820—834.

23. *Оськин М.В.* Брусиловский прорыв. М.: «Эксмо»; «Яуза», 2010. 416 с.

24. *Редкин-Рымашевский А.Н.* Действия Тридцать второго корпуса в Луцком прорыве. Май — июнь 1916 г. М.; Л.: «Госвоениздат», 1926. 30 с.

25. *Ростунов И.И.* Русский фронт Первой Мировой войны. М.: «Наука», 1976. 389 с.

26. Стратегический очерк войны 1914—1918 гг. Ч. 5. Период с октября 1915 г. по сентябрь 1916 г. Позиционная война и прорыв австрийцев Юго-Западным фронтом / Сост. В.Н. Клембовский. М.: Высший военный ред. совет, 1920. 123 с.

27. *Строков А.А.* Вооруженные силы и военное искусство в Первой Мировой войне. М.: «Воениздат», 1974. 616 с.

28. *Фогель В.* Барановичи, 1916. Пг.: «Госиздат», 1921. 57 с.

29. *Dowling T.C.* The Brusilov Offensive. Indianapolis: Indiana University Press, 2008. 208 p.

30. *Dupuy R.E., Dupuy T.N.* The Encyclopedia of military History. London: Harper & Row Publishers, 1979. 1432 p.

31. *Heye W.* Die Geschichte des Landwehrkorps im Weltkrieg. Bd. 2. Breslau: Verlag Wilh. Gottl. Korn, 1937. 626 s.

32. Österreich-Ungarns letzter Krieg 1914—1918 / Herausgegeben vom Österreichischen Bundesministerium für Landesverteidigung und vom Kriegsarchiv unter der Leitung von Edmund Glaise-Horstenau. Bd. IV—VI. Wien: Verlag der Militärwissenschaftliche Mitteilungen, 1933—1936.

33. *Poelmann M., Potempa H., Vogel T.* Der Erste Weltkrieg 1914—1918: Der deutsche Aufmarsch in ein kriegerische Jahrhundert. Muenchen: «Bucher», 2014. 382 s.

34. Sanitaetsbericht ueber das Deutsche Heer (Deutsche Feld- und Besatzungsheer) im Weltkriege 1914/18. Bd. III. Berlin: «Mittler und Sohn», 1934. 400 s.

35. *Stone N.* The Eastern Front 1914—1917. London: «Penguin Books», 1998. 348 p.

36. Verordnungsblaetter. Deutsche Verlustlisten № 846 (Jaenner 3, 1916) — № 1297 (Dezember 6, 1916). Berlin, 1916.

37. *Vogel W.* Die Kämpfe um Baranowitschi Sommer 1916. Oldenburg; Berlin: G. Stalling, 1926. 80 s.

38. Der Weltkrieg 1914 bis 1918. Die militärischen Operationen zu Lande. Bd. 10—11. Berlin: «Mittler und Sohn», 1936—1938.

Сведения об авторе

Нелипович Сергей Геннадьевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Центра военной истории России ИРИ РАН. E-mail: drfaust1963@yandex.ru

Information about the author

Nelipovich Sergej Gennadyevich, Candidate of Historical Sciences, Senior Researcher at the Center for Military History of Russia at the Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences. E-mail: drfaust1963@yandex.ru

**ГЛАВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕДОМСТВА
РОССИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ.
ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ В «ПРЕКРАСНУЮ ЭПОХУ»
LEADERS OF RUSSIAN EMPIRE'S FOREIGN POLICY
DEPARTMENT BEFORE THE WWI.
FEATURES OF WORK IN THE «BELLE EPOQUE»**

Аннотация:

Целью исследования является изучение взаимодействия двух направлений во внешней политике Российской империи — германофильства и англomanии в период перед Первой Мировой войной. Предметом изучения становятся личности глав внешнеполитического ведомства, представлявшие две данные тенденции, а именно Владимир Николаевич Ламздорф и Сергей Дмитриевич Сазонов, их деятельность на занимаемых постах, влияние на принятие ключевых политических решений императором Николаем II. Рассматривается ряд особенностей работы, с которыми приходилось сталкиваться российским дипломатам при выполнении своих обязанностей в изучаемый период, а именно влияние родственных связей и личной симпатии и антипатии друг к другу конкретных представителей правящих династий, а также наличие второго, неформального уровня международных отношений, на котором правители различных стран зачастую заключали договоренности напрямую, не советуясь со своими правительствами и внешнеполитическими ведомствами. Делается вывод о практической неизбежности Первой Мировой войны вне зависимости от того, какая из тенденций — германофильская или англomanская преобладала бы в российский внешней политике, ввиду чрезмерной усложненности и запутанности международной политики Европы исследуемого периода вкупе с ее перенасыщенностью противоречащими друг другу договорами и взаимными обязательствами.

Ключевые слова: российская дипломатия, германофильство, англomanия, Сергей Юльевич Витте, Сергей Дмитриевич Сазонов, Владимир Николаевич Ламздорф, император Николай II.

Abstract:

The purpose of the work is to study the interaction between two main directions in the foreign policy of the Russian Empire — Germanophilism and Anglomania in the period before the First World War. The subject of study is

personalities of the heads of Foreign policy Department — Vladimir Nikolaevich Lamzdorf and Sergei Dmitrievich Sazonov — who represented said two directions. The article also research actions of said heads of Foreign policy Department in their positions and their influence on the key political decisions made by Emperor Nicholas II. In addition, article researches main features with which Russian diplomats had to deal with while performing their duties during the researched period, namely the influence of the family ties and personal sympathy and antipathy towards each other of the representatives of the ruling dynasties, as well as the presence of a second, informal layer of international relations, on which the rulers of various countries often concluded agreements directly, without consulting with their governments and foreign policy departments. The conclusion is made about the practical inevitability of the First World War, regardless of which of the tendencies — Germanophilism or Anglomania — would have prevailed in Russian foreign policy, due to the excessive complexity and confusion of the international politics of Europe in the period under study, which was combined with oversaturation of conflicting treaties and mutual obligations.

Keywords: Russian Empire's diplomacy, Germanophilism, Anglomania, Sergei Yulievich Witte, Sergei Dmitrievich Sazonov, Vladimir Nikolaevich Lamsdorf, Emperor Nicholas II.

Выстроить рассказ о российской дипломатии в сложный и противоречивый период «Прекрасной эпохи» и «Парабеллума» — периода международного затишья перед Первой Мировой и одновременно целого ряда широкомасштабных потрясений наподобие Русско-японской или Англо-бурской войн — задача нетривиальная. Тем более когда рассказ необходимо преломить через призму конкретных личностей, а не просто происходивших событий. Результатом данных изысканий станет выделение двух наиболее ярких сторонников двух господствовавших в тот период концепций выбора дальнейшего вектора российской внешней политики — германофильства и англomании. Каждый путь таил в себе и перспективы, и подводные камни, и каждый навсегда мог изменить дальнейшую судьбу Российской империи и всей тогдашней Европы. Кем же были эти люди и какое влияние они оказали на государей Александра III и Николая II и к каким последствиям привело их руководство внешнеполитическими ведомствами Российской империи?

Для начала необходимо отметить, что европейская политика конца XIX — начала XX в. отличалась редкой сложностью и противоречивостью. Трудно найти в истории международных отношений настолько же запутанный и хитросплетенный клубок интриг, противоречащих друг другу тайных и явных союзных договоров, взаимных обид, причем

все это — на фундаменте ближних и дальних родственных связей. Настоящий лабиринт мировой политики, в котором трудно разобраться даже сейчас, а уж тем более было непросто людям, отвечавшим за принятие внешнеполитических решений «в моменте».

К этому периоду мир уже поделен на сферы влияния между могущественными колониальными державами, такими как Англия и Франция. Бурно развивавшиеся страны, в первую очередь Германия и Япония, также стремятся получить «кусочек пирога» — зависимые и контролируемые территории, чтобы вывозить туда свои товары и найти дешевую рабочую силу. В самой России очень быстрыми темпами растет промышленное производство, и ему тоже требуются новые рынки сбыта. Во внешней политике нашей страны это находит отражение в постоянном колебании между двумя возможными союзниками — Францией и Германией, а в их лице и между миром старых колониальных держав и молодыми, еще только набирающими силу странами. Выбор делается в пользу первых, и в начале 1890-х гг. Россия завязывает тесные политические отношения с Францией. Уже в 1893 г. страны заключают союзный договор, который должен обезопасить Париж от угроз, исходящих со стороны Тройственного союза Германии, Австро-Венгрии и Италии. В свою очередь, Франция обязуется выделять России огромную экономическую помощь, идущую на дальнейшее развитие экономики страны.

Это то, что на поверхности, а под ней, «за кулисами» большой политики идут свои собственные процессы, глубоко отличные от процессов публичных, накладывающие огромный отпечаток на то, как именно функционирует внешняя политика в этот период.

Во-первых, это, конечно же, тот факт, что на выбор союзников европейскими странами оказывают влияние не только политические и экономические факторы, но и родственные связи, а также личностные аспекты персональной приязни и неприязни членов правящих династий. Так, Мария Федоровна, мать Николая II, никогда не питала особой любви к немцам, поскольку была датчанкой и помнила захват ими в 1864 г. принадлежавшего Дании герцогства Шлезвиг-Гольштейн¹⁰⁹. Александр III также не испытывал к Германии большого доверия после предательства немецких дипломатов во время войны России с Турцией 1877—1878 гг. Тогда их интриги привели к тому, что Россия, одержавшая победу, оказалась в итоге в международной изоляции. Таким образом, в российском правящем доме Германия до 1894 г. воспринималась как сомнительный союзник, способный в любой момент воткнуть России нож в спину.

¹⁰⁹ Боханов А.Н. Императрица Мария Федоровна. М.: «Вече», 2023. 496 с.

Обратная ситуация будет наблюдаться при приходе к власти сына императора-миротворца — Николая II. Николай Александрович испытывал теплые чувства к «дорогому кузену Вилли» — кайзеру Вильгельму II (при том что его супруга Александра Федоровна — урожденная германская принцесса Гессен-Дармштадтская — сполна доказала любовь к своей новой родине — России). Это не могло не повлиять на общее потепление отношений с Германией и начавшиеся при Николае II попытки выстраивания более тесных политических контактов, впрочем, зарубленные на корню правительством последнего императора, боявшимся, что «обиженная» Франция потребует обратно выплаты по кредитам на развитие экономики страны.

Вторым, не менее важным фактором, вытекающим из первого, является то, что правители различных европейских стран также становились «дипломатами сами себе»: они могли через родственные связи пытаться решать различные вопросы международной политики, которые в обычной ситуации оставались бы прерогативой именно внешнеполитических ведомств. При этом зачастую главы государств не советовались со своими министрами и могли принять единоличное решение, ставя правительства уже перед свершившимся фактом, что, естественно, усложняло работу ведомств иностранных дел, привнося в нее фактор неопределенности и сомнения в необходимости какой-либо активности по стоящим на повестке дня вопросам, которые, возможно, уже решены закулисно правителями.

Ярким примером подобного является «Свидание в Бьёрке». Во время встречи на яхтах императоров состоялось подписание секретного договора между Николаем II и Вильгельмом II, фактически делавшего Россию союзницей Германии. Тогда под давлением своих министров российский монарх был вынужден отозвать взятые на себя обязательства, однако если бы он не пошел на это, расстановка сил на мировой арене кардинальным образом переменялась бы. Не менее характерным примером являются телеграммы все того же «кузена Вилли», которые, по воспоминаниям современников, почти склонили Николая II отказаться от проведения мобилизации и вступления в Первую Мировую¹¹⁰. И только твердая позиция главы МИД Сергея Сазонова — видного представителя группировки англоманов — утвердила государя во мнении о необходимости поддержать союзников по Антанте.

Третий же фактор является прямой противоположностью предыдущего: не только государь мог втайне от своих министров вести внешнеполитическую деятельность, но и члены его правительства подчас отвечали тем же. Так, 25 мая 1905 г. император Николай II при-

¹¹⁰ Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж: Изд-во Е. Сияльской, 1927. 398 с.

нял предложение президента США Теодора Рузвельта о посредничестве в переговорах для окончания Русско-японской войны. Важно понимать, что «посредничество» подразумевало возможность американской стороны влиять на позиции обеих переговорных команд и определять предстоящие итоги войны. Однако среди российских дипломатов и государственных деятелей нашлось мало желающих ехать за океан и подписывать мирный договор, который мог оказаться самым унижительным за всю историю России. Никто не желал ставить под удар свою карьеру, а заключить мир с Японией на приемлемых условиях представлялось попросту нереальным. В результате делегацию возглавил Сергей Юльевич Витте. Ключевым для понимания данного аспекта является факт чрезмерной самостоятельности Витте, граничившей с откровенным пренебрежением указаниями из Петербурга, его готовность лично принимать решения по целому ряду значимых для переговоров вопросов¹¹¹.

Так, прежде чем отправиться в Америку, Витте выехал в Париж, чтобы провести консультации с союзником России — Францией, вложившей в военные действия для помощи России свои финансы. Однако после этого Витте также провел ряд встреч уже с германскими финансистами и 14 июля 1905 г. отбыл из Шербурга в США на борту именно немецкого теплохода «Кайзер Вильгельм»¹¹², посылая таким образом всем заинтересованным сторонам четкий сигнал, что в случае необходимости Россия готова опереться не только на Францию. Был ли этот демонстративный шаг санкционирован государем или же Сергей Юльевич принял такое решение сам, ориентируясь на ситуацию «в поле», доподлинно не известно.

Все эти факторы приводили к тому, что Россия, как и другие европейские державы, оказалась вовлечена в тугое хитросплетение интриг и тайных договоренностей, многие из которых не только противоречили друг другу, но, более того, были неведомы либо министрам иностранных дел, либо самому государю, который узнавал о свершившемся уже по факту. Тайные и явные соглашения, договоры и союзы обвивали европейскую политику паутиной, вырваться из которой не представлялось возможным, в то время как ориентироваться в ней становилось все сложнее. Так, Лео фон Каприви — преемник Отто фон Бисмарка на должности канцлера Германской империи — жаловался в своих дневниках: «Бисмарк умел с невероятной легкостью жонглировать шестью-семью договорами сразу, а мне-то и с тремя уже управиться сложно»¹¹³.

¹¹¹ *Игнатъев А.В.* С.Ю. Витте — дипломат. М.: «Международные отношения», 1989. 336 с.

¹¹² *Ильин С.В.* Витте. Изд. 2-е, испр. М.: «Молодая гвардия», 2012. 511 с.

¹¹³ *Стейнберг Дж.* Бисмарк. Биография. М.: «АСТ», 2014. 735 с.

Таким образом, общее усложнение внешней политики, существовавшей как бы в двух независимых друг от друга плоскостях — тайной и явной, неизбежно тянуло Европу в сторону большого конфликта.

Именно в таких обстоятельствах происходил переход России от политики союза с Францией к идеям сближения с Германией — что, впрочем, после отмены бьёркских договоренностей так и не переросло в новый союз, — а затем к началу англomanии во внешней политике.

Лицом первой из этих тенденций — германофильской — стал граф Владимир Николаевич Ламздорф, немец по происхождению, всегда беззаветно любивший Россию и очень щепетильно относившийся к своей репутации «русского Ламздорфа»¹¹⁴. Поступив на службу в 1866 г., в 1878 г. он сумел произвести положительное впечатление на императора Александра II во время рабочей поездки в Ливадию. Уже через год он становится камергером, а в 1881 г. — помощником министра иностранных дел Николая Гирса. На этом посту графа Ламздорфа отличало большое трудолюбие, а более того — феноменальная память. «Ламздорф был ходячим архивом Министерства иностранных дел по всем секретным делам этого министерства»¹¹⁵, — так писал о нем Витте.

Фактически Владимир Николаевич стал правой рукой Гирса. Решение каждого дипломатического вопроса, важнейшая переписка и внутренние проблемы министерства — всем этим ведал именно Ламздорф. После смерти Гирса в 1895 г. граф запишет в дневнике: «Странным является мое положение в данный момент. Мои секретные архивы содержат все тонкости политики последнего царствования. Ни молодой государь, ни почтеннейший Шишкин, назначенный временно управляющим Министерством, не имеют ни малейшего представления о документах, доверенных в последние годы исключительно и совершено бесконтрольно одному мне. Я работал в глубокой тени возле моего бедного старого начальника, меня никто не знает, и вот теперь, когда исчезли как он сам, так и государь, которому он столь замечательно помогал править, я оказываюсь в положении единственного обладателя государственных тайн, являющихся основой наших отношений с другими державами»¹¹⁶.

К счастью для России, такое положение дел продлилось недолго, и в 1897 г. Ламздорф становится заместителем нового министра иностранных дел, а в 1900 г. наконец занимает этот пост сам. В качестве главы МИДа он будет выступать за активное сближение России с Герма-

¹¹⁴ Ламздорф В.Н. Дневник. 1894—1896. М.: «Международные отношения», 1991. 456 с.

¹¹⁵ Ильин С.В. Витте. 511 с.

¹¹⁶ Ламздорф В. Н. Дневник. 1894—1896. 456 с.

нией, однако главными его достижениями станут свершения в восточной и дальневосточной политике Российской империи. Договор с Китаем, аренда Ляодунского полуострова, получение концессий в Турции и Персии, строительство Китайско-Восточной железной дороги — все эти успехи российской дипломатии были достигнуты благодаря усилиям графа Ламздорфа. В историю он вошел как тихий и малозаметный труженик, эффективно достигавший значительных результатов, но никогда не получавший адекватного своим трудам вознаграждения. Возможно, он сумел бы претворить в жизнь идеи союза Германии и России, однако его отказ поддержать заключенные без него тайные бьёркские соглашения и ухудшение позиции России на Дальнем Востоке после Портсмутского мира заставили Петербург искать новых союзников, причем реальных, а не гипотетических.

В результате этого летом 1906 г. после смены в Великобритании правящего кабинета началось сближение России и Англии. 18 августа 1907 г. было подписано русско-английское соглашение. Англия отказывалась от Тибета, соглашаясь с предложением России признать его частью Китая — формального «союзника» Российской империи. Россия же, в свою очередь, отказывалась от любых притязаний на Афганистан, а Персия была поделена на сферы влияния. Подписание данного соглашения привело к тому, что ведущие страны мировой политики поделились на два противоборствующих лагеря: Тройственный союз (Германия, Австро-Венгрия и Италия) и Антанту (Россия, Англия и Франция).

Вместе с этим наступила новая эра российской внешней политики. На смену германофилам пришли англоманы, лицом которых стал назначенный в 1910 г. министром иностранных дел Сергей Дмитриевич Сазонов. «Русский из русских, там, где дело шло о защите интересов своей страны, он всегда был преданным другом Великобритании», — так о Сазонове отзывался английский посол в России Дж. Бьюкенен.

Первым знаковым достижением англоманов стало подписание Потсдамского договора с Германией о строительстве Багдадской железной дороги. Сазонову не только удалось отстоять российские интересы, но и придать договору форму, устраивавшую Великобританию, также заинтересованную в турецких делах.

Твердость Сазонова в поддержании союзнических отношений с Францией и Британией сыграла решающую роль в июльские дни 1914 г., накануне Первой Мировой, когда под влиянием телеграмм германского кайзера Николай II думал отказаться от решения объявить в стране мобилизацию. Впоследствии государь так и не простил Сергею Дмитриевичу его позицию, считая, что именно тот виноват во втягивании России в войну, которой сам император так отчаянно не желал. В июле 1916 г.,

когда в российских правящих кругах станут раздаваться настойчивые требования заключить сепаратное перемирие с Германией, Сазонов будет отправлен в отставку.

После революции 1917 г. С.Д. Сазонов не отказался от своей преданности Российской империи и некоторое время был министром иностранных дел в правительствах адмирала Колчака и генерала Деникина. Когда страны Антанты за оказание помощи в борьбе с большевиками требовали от белых территориальных уступок в свою пользу, Сергей Дмитриевич неуклонно стоял на защите интересов «единой и неделимой» России. Английский военный разведчик Сэмюэль Хор написал, что, когда союзники попросили Сазонова «посмотреть на вещи реально», тот ответил: «Какое право имеет русский патриот торговать хотя бы горсточкой русской земли?»¹¹⁷ Умер Сазонов в эмиграции в Ницце, по воспоминаниям современников, до конца своих дней «жестко тоскуя по оставленной Родине»¹¹⁸.

Таковы наиболее знаковые главы российского внешнеполитического ведомства, которым пришлось работать на сломе великих эпох, в конце XIX — начале XX в. Им приходилось исполнять свои обязанности в атмосфере интриг, лавируя между тайными и явными договоренностями великих держав, пытаясь привести к общему знаменателю множественные, зачастую противоречивые союзнические соглашения и обязательства. Могли ли их действия помочь избежать Первой Мировой войны? Скорее всего, нет: сама эпоха и установившаяся система международных отношений оказались таковы, что достаточно было одной-единственной искры, чтобы вся Европа практически моментально рухнула в пожар большой войны, утащенная в нее взаимными обязательствами союзнической помощи вне зависимости от того, насколько дипломатические ведомства пытались это предотвратить.

Список литературы

1. Боханов А.Н. Императрица Мария Федоровна. М.: «Вече», 2023. 496 с.
2. Игнатьев А.В. С.Ю. Витте — дипломат. М.: «Международные отношения», 1989. 336 с.
3. Ильин С.В. Витте. Изд. 2-е, испр. М.: «Молодая гвардия», 2012. 511 с.
4. Ламздорф В.Н. Дневник. 1894—1896 / Под общ. ред. и с предисл. В.И. Бовыкина. М.: «Международные отношения», 1991. 456 с.

¹¹⁷ Hoare S.J.G. Ambassador on special mission. London: «Collins», 1946. 320 p.

¹¹⁸ Сазонов С.Д. Воспоминания. 398 с.

5. Лошаков А.Ю. Граф Владимир Николаевич Ламздорф // Вопросы истории. 2014. № 3. С. 20—47.

6. Мультатули П.В. Внешняя политика Императора Николая II (1894—1917). М.: «ФИВ», 2012. 840 с.

7. Сазонов С.Д. Воспоминания. Париж: Изд-во Е. Сияльской, 1927. 398 с.

8. Стейнберг Дж. Бисмарк. Биография. М.: «АСТ», 2014. 735 с.

9. Hoare S.J.G. Ambassador on special mission. London: «Collins», 1946. 320 p.

Сведения об авторах

Плакса Максим Вячеславович, кандидат исторических наук, независимый исследователь, журналист.

Елисеев Григорий Глебович, старший преподаватель кафедры истории, Московский государственный университет технологий и управления имени К.Г. Разумовского. E-mail: g.eliseev94@mail.ru

Information about the authors

Plaksa Maxim Vycheslavovich, Candidate of Historical Sciences, independent research, journalist.

Eliseyev Grigoriy Glebovich, Senior Lecturer at the Department of History, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management. E-mail: g.eliseev94@mail.ru

РАЗДЕЛ II. ЖУРНАЛИСТИКА

DOI 10.69540/2949-3846.2025.65.48.006

УДК 070 + 80/81

С.Н. Богатырева, А.А. Серегина

S.N. Bogatyryova, A.A. Seryogina

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ В СМИ REPRESENTATION OF THE OPPOSITION «FRIEND — FOE» USING THE EXAMPLE OF FEMALE IMAGES OF THE BRITISH ROYAL FAMILY IN THE MEDIA

Аннотация:

Представлен анализ системы средств актуализации оппозиции «свой — чужой» в британской языковой картине мира и журналистике. Предметом исследования является система средств репрезентации данной оппозиции в СМИ на примере женских образов британской королевской семьи, Кэтрин Миддлтон, супруги наследника британского престола принца Уэльского Уильяма, и Меган Маркл, супруги герцога Сассекского Гарри. Цель исследования заключается в установлении механизмов языковой актуализации указанной оппозиции.

Исследование базируется на тезисе, что в системе лингвокультурных концептов выделяются узнаваемые типизируемые образы представителей определенной культуры, ассоциативно связываемые большинством представителей данной лингвокультуры с конкретной личностью. Материалом для исследования послужили публикации популярной английской газеты «Daily Mail». На основе трудов отечественных и зарубежных исследователей авторы проанализировали понятийную и ценностную составляющую знакового концепта британской национальной картины мира, лингвокультурного концепта «британская королевская семья». Было установлено, что сущностные характеристики данного концепта отражают ценностные ориентиры британской лингвокультуры и представляют собой совокупность норм поведения, социально-политических ценностей и психологических установок, выраженных в самобытном коллективном мышлении британцев, основными составляющими которого являются следующие компоненты: 1) монархия, 2) традиция; 3) патриотизм; 4) священный долг служения Британии. Этнокультурные особенности лингвокультурного концепта «британская королевская семья» связаны с современными женскими образами членов королевской семьи и характеризуются определенны-

ми понятийными и перцептивно-образными характеристиками с определенным оценочным отношением, зафиксированными в языковом сознании и объективируемыми в языке носителей.

Особый интерес представляют конструируемые в СМИ ассиметричные образы Кэтрин Миддлтон и Меган Маркл, а также оценочная амбивалентность анализируемых женских образов в коллективном сознании британского общества. В ходе исследования было установлено преобладание положительно маркированных оценочных характеристик по отношению к образу принцессы Уэльской. Носителями британской лингвокультуры высоко оцениваются качества Кэтрин Миддлтон по моральным и эстетическим критериям. Формирование положительного образа Кэтрин Миддлтон, образа «своей» для британцев обусловлено тем, что образ строится на основе вербализованных в текстах ассоциативных характеристиках, связанных с ее внешним обликом, чертами характера, образом жизни и приписываемым ролевым поведением в британской королевской семье. Отношение к Меган Маркл в коллективном британском сознании характеризуется асимметричной амбивалентностью с преобладанием негативной эмоциональной оценки ее речевого поведения и действий. Негативное отношение к Меган Маркл и формирование образа «чужой» имеет место при нарушении ожидаемых от нее стереотипных шаблонов поведения, соответствующих институциональной роли члена королевской семьи в представлениях британцев. По моральным критериям отдельные черты характера Меган Маркл подвергаются критической оценке, осуждается ее независимость, пренебрежение чувствами людей, равнодушие, холодность, вульгарность. Эмоционально-оценочная актуализация оппозиции «свой — чужой» на понятийном, образном и ценностном уровнях свидетельствует о высокой степени аксиологизации концепта «британская королевская семья» и, следовательно, о его важности для британской лингвокультуры.

Ключевые слова: языковая репрезентация, концепт, оценочные характеристики, маркированность, СМИ.

Abstract:

The analysis of the system of means of actualizing the «friend — foe» opposition in the British linguistic worldview and journalism is presented. The subject of the study is the system of means of representing this opposition in the media using the example of female images of the British royal family, Catherine Middleton, wife of the heir to the British throne, Prince William of Wales, and Meghan Markle, wife of the Duke of Sussex, Harry. The purpose of the study is to establish the mechanisms of linguistic actualization of this opposition.

The research is based on the thesis that in the system of linguistic and cultural concepts, recognizable typified images of representatives of a certain culture are distinguished, associated by most representatives of this linguistic culture with a specific personality. The material for the study was the publication of the popular English newspaper «Daily Mail». Based on the works of domestic and foreign researchers, the authors analyzed the conceptual and value components of the iconic concept of the British national worldview, the linguistic and cultural concept of the «British royal family». It was found that the essential characteristics of this concept reflect the value orientations of British linguistic culture and represent a set of norms of behavior, socio-political values and psychological attitudes expressed in the original collective thinking of the British, the main components of which are the following components: 1) monarchy, 2) tradition; 3) patriotism; 4) the sacred duty of service to Britain. The ethnocultural features of the linguistic and cultural concept of the «British royal family» are associated with modern female images of members of the royal family and are characterized by certain conceptual and perceptual-figurative characteristics with a certain evaluative attitude, fixed in the linguistic consciousness and objectified in the language of native speakers.

The study is focused on the asymmetric images of Catherine Middleton and Meghan Markle created by the media, as well as the evaluative ambivalence of the analyzed female images in the collective consciousness of British society. The study established the predominance of positively marked evaluative characteristics in relation to the image of the Princess of Wales, her moral and aesthetic qualities are valued rather high from the British linguoculture bearers' point of view. The formation of a positive image of Catherine Middleton, the image of «one of their own» for the British is due to the fact that her image is built on the basis of associative characteristics verbalized in texts related to her appearance, character traits, lifestyle and attributed role behavior in the British royal family. The attitude towards Meghan Markle in the British collective consciousness is characterized by an asymmetric ambivalence with a predominance of negative emotional assessment of her speech behavior and actions. The research findings reveal that negative attitudes towards Meghan Markle and the formation of the image of «alien» occur when the stereotypical patterns of behavior expected from her, corresponding to the institutional role of a member of the royal family in the ideas of the British, are violated. Individual moral character traits of Meghan Markle are subject to critical assessment, her independence, disregard for people's feelings, indifference, coldness, and vulgarity are condemned. The emotional-evaluative actualization of the opposition «friend — foe» at the conceptual, figurative and value levels indicates a high degree of axiologization of the concept of «British royal family» and, consequently, its importance for the British linguoculture.

Keywords: linguistic representation, concept, evaluative characteristics, markedness, media.

В современном мире под воздействием глобализационных процессов, затронувших практически все сферы общественной жизни, как никогда остро стоят вопросы сохранения культурной памяти, национальной и культурной идентичности, возрастания роли этнического самосознания, значимости ценностей и традиций собственной культуры и цивилизации. В результате социокультурной глобализации национальные культуры получили своего рода платформу, с одной стороны, для развития взаимного диалога благодаря возможностям быстрого информационного обмена и трансграничных коммуникаций, а с другой — определенного нивелирования собственных уникальных черт.

Эти парадоксальные процессы интеграции и глобализации актуализируют проблемы самоопределения человека в пространстве современной массовой культуры, которая агрессивно навязывает новые культурные стандарты и ценности, тем самым размывая границы между «своим» и «чужим»¹¹⁹. В связи с этим исследование идентифицирующей функции оппозиции «свой — чужой» сохраняет свою актуальность. Целью данной работы является рассмотрение оппозиции «свой — чужой» на примере женских образов британской королевской семьи — Кэтрин Миддлтон (принцесса Уэльская) и Меган Маркл (герцогиня Сассекская). Для достижения поставленной цели были сформулированы следующие задачи:

- рассмотреть бинарную оппозицию «свой — чужой» в трудах отечественных и зарубежных исследователей;
- описать образные характеристики членов британской королевской семьи на примере Кэтрин Миддлтон и Меган Маркл;
- раскрыть оппозицию «свой — чужой» на примере женских образов королевской семьи посредством вербализованных в текстах британских таблоидов ассоциативных характеристик.

Данное исследование оппозиции «свой — чужой» базируется на тезисах, обоснованных в научных трудах отечественных и зарубежных ученых:

1. Отражение универсальных и этноспецифических характеристик окружающей действительности, содержащихся в лексических и фразеологических единицах и ассоциативных характеристиках концепта (А. Вежбицкая, В.В. Красных, О.А. Леонтович, Д.С. Лихачев, Г.Г. Слышкин, И.А. Стернин, Э. Сепир, А.Д. Шмелев).

¹¹⁹ Богатырева С.Н. Языковая картина мира в современной традиции диалога культур // М.А. Шолохов в современном мире. Сб. мат-лов Междунар. научно-практ. конф. М., 2022. С. 108—112.

2. Лингвокультурный концепт как многомерное ментальное образование, отражающее специфические особенности определенной культуры, раскрывается в языке через понятийные, образные и ценностные составляющие (Е.В. Бабаева, М.М. Бахтин, С.Г. Воркачев, И.С. Выходцева, В.И. Карасик, Ю.В. Каменская, Л.В. Куликова, А.Н. Приходько, А.К. Якимович).

3. Оппозиция «свой — чужой» как отражение ассоциативных смысловых составляющих (Ю.В. Каменская, Н.В. Полякова, Н.Н. Васильева и С. Врублевская, И.С. Выходцева, М.М. Бахтин, А.К. Якимович).

4. Лингвокультурные типы — образы представителей определенной культуры, обладающие определенными типизированными для нее особенностями (О.А. Дмитриева, Т.А. Ивушкина, Е.А. Ярмахова, В.В. Деревянская, А.Ю. Коровина, М.В. Мироненко, Л.П. Селиверстова).

Категориальная оппозиция «свой — чужой», по мнению литературоведа М.М. Бахтина, отражает специфику восприятия окружающего мира отдельным человеком через призму культуры, в которой он живет. По мнению ученого, границы между своим и чужим довольно гибкие, что позволяет преодолевать трудности в принятии ценностей другой культуры, превозмогать собственные стереотипы¹²⁰.

Категориальная оппозиция «свой — чужой» представляется производной от оппозиции «Я — Другой». «Свой» находится в границах «Я», это нечто личное, осознанное и осмысленное, а главное, безопасное. «Чужой» связан с «Другим», это что-то чуждое, непонятное и внушающее страх¹²¹.

Оппозиция «свой — чужой» может проявляться двумя способами:

1) «чужой» как «враг»: угроза — опасность — осторожность — настороженность — антипатия — ксенофобия;

2) «чужой» как «Другой»: любопытство — интерес — симпатия — восхищение — уважительное отношение.

Принимая во внимание оба случая, можно говорить о проявлении личностью определенной когнитивной и коммуникативной гибкости по отношению к представителю другой культуры. Личность может взаимодействовать с оппонентом более вариативно, что позволяет повысить эффективность взаимодействия¹²².

¹²⁰ Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб., 2000. 332 с.

¹²¹ Феррони В.В. Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. № 1 (7). С. 112—130.

¹²² Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского гос. ун-та. 2011. № 4 (48). С. 174—179.

Центральной в оппозиции «свой — чужой» выступает «чужой». По мнению Л.В. Куликовой, «чужой» 1) это не только про расстояния, но и про обстановку; 2) не является категорией объективной, поскольку имеет место атрибуция, приписывание. Следовательно, никто и ничто не является безвозвратно чужим. Это вопрос восприятия отдельного человека через призму его собственного опыта, особенностей той культуры, в которой он существует.

Исследователи выделяют две основные функции «чужого»:

1) «чужой» как культурный раздражитель — стимул к сравнению «своего» и «чужого», что позволяет лучше понять «свое»;

2) «чужой» как культурный инноватор — привнесение «чужим» новых идей в устоявшийся уклад «своего»¹²³.

В ходе данного исследования применялись методы: понятийный, контекстуальный и интерпретативный анализ, синтез данных, обобщение, конкретизация, индукция.

В последние годы общественный интерес в Британии к членам королевской семьи значительно вырос. Особое внимание приковано к Кэтрин Миддлтон, принцессе Уэльской, урожденной англичанке, супруге наследника британского престола принца Уэльского Уильяма, и Меган Маркл, герцогине Сассекской, урожденной американке, супруге герцога Сассекского Гарри. В соответствии с данными, представленными на сайте британского журнала «The Week», «позитивно настроены» (positive favourability) по отношению к принцессе Уэльской около 76 % опрошенных, что говорит о довольно высоком уровне популярности Кэтрин Миддлтон среди жителей Великобритании. Относительно Меган Маркл данный показатель составляет 26 %, что делает ее второй после принца Эндрю, герцога Йоркского (6 %) среди самых непопулярных членов королевской семьи¹²⁴.

По мнению англиста М.В. Цветковой, основные константы «английскости» — джентльмен, дом, свобода, неприкосновенность частной жизни, здравый смысл, чувство милосердия, чувство справедливости, чувство юмора, чопорность, привязанность, наследие¹²⁵. Большинство британцев придерживается консервативных ценностей, чтит свои национальные традиции (важной частью которых является британская монархия)¹²⁶. В качестве примера полного соответствия данным констан-

¹²³ Кишина Е.В. Семантическая оппозиция «свой — чужой»... С. 174—179.

¹²⁴ The most popular British royals of 2024. [Электронный ресурс]: <https://theweek.com/104474/the-most-popular-british-royals>

¹²⁵ Цветкова М.В. Концепт «Englishness»: основные константы // Проблема национальной идентичности в культуре образования России и Запада. Воронеж, 2000. Т. 2. С. 87—93.

¹²⁶ Лаптев М.А. Граф Дерби, Бенджамин Дизраэли и проблема эволюции

там выступает именно Кэтрин Миддлтон. Некоторые считают, что она довольно легко вошла в британский королевский дом, смогла завоевать любовь англичан, став «своей» как для самой королевской семьи, так и для подавляющего большинства британского общества.

В британских СМИ Кэтрин Миддлтон представлена как образец целомудрия, благовоспитанности и надежности. Будучи урожденной англичанкой, она выбирает свой стиль поведения исходя из британских культурных ценностей и уважения к традициям народа. Она много работает, поддерживает благотворительные инициативы, занимается важными для британского общества проблемами. Стоит отметить, что именно благотворительность дала возможность предыдущей принцессе Уэльской Диане стать «королевой людских сердец» (Queen of people's hearts). Кэтрин подает пример многим своей открытостью публике, предпочтением скромного образа жизни и является воплощением королевского девиза «Never complain, never explain» («Никогда не жалуйся, ничего не объясняй»). По мнению большинства британцев, ее образ — идеальный пример того, какой должна быть супруга будущего короля. Все вышеуказанное приближает Кэтрин к британскому народу, делает ее «своей», близкой, интересной и не угрожающей многовековым устоям английской королевской семьи.

Яркая представительница американской нации и культуры Меган Маркл отражает в своем поведении такие константы, как прогрессивность, независимость, индивидуализм, самостоятельность суждений, трудолюбие, предприимчивость, стремление к успеху и т. п.¹²⁷ Она выбивается из ряда прочих членов британской королевской семьи, поскольку выбирает стратегию поведения, не соответствующую ожиданиям британского общества. Будучи «иной», «чужой» для жителей Великобритании, она несет совершенно чуждые для них ценности: это довольно яркая и сильная личность, что контрастирует с британской чопорностью. Первоначально многие британцы поддержали ее, поскольку она привнесла некоторое разнообразие и свежесть в королевское окружение (здесь можно наблюдать репрезентацию оппозиции «свой — чужой» через функцию «чужого» как «инноватора»). «Эта потрясающая фотография демонстрирует удивительный путь Меган Маркл от юной поклонницы монархии до члена королевской семьи», — писала газета «Daily Mail»¹²⁸, используя положительно маркированную лексику при ха-

британского консерватизма в 1852—1866 годы. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. 225 с.

¹²⁷ Козут Д.М. Определение «английскости» в современном литературоведении // Вестник науки. 2020. Т. 4. № 6 (27). С. 37—43.

¹²⁸ Exclusive Photo: From a Royal family fan to a Princess: Meghan Markle

рактеристике образа Меган, что свидетельствовало об одобрении обществом вхождения в семью иностранки «из простого народа».

Однако с тех пор, как Меган Маркл развязала полномасштабную войну против традиций британской королевской семьи, прессы и даже родственников своего супруга принца Гарри, главной темой британских таблоидов стало сравнение герцогини Сассекской и принцессы Уэльской не в пользу первой.

Еще будучи невестой принца Гарри, Меган Маркл проявляла неучитивое отношение к устоям и традициям монаршей семьи, нарушая королевский протокол. «Меган “довела Кейт до слез во время переодевания подружек невесты”: герцогиня “разрыдалась”, после того как невеста “нелестно сравнила Шарлотту с дочерью ее лучшей подруги Джессики Малруни” и “не захотела менять платье, чтобы оно ей подходило”, — утверждает биография сногшибательной красотищи», — пишет газета «Daily Mail» о конфликте между Кэтрин Миддлтон и Меган Маркл¹²⁹. Автор статьи осуждает поведение будущей герцогини Сассекской по отношению к принцессе Уэльской, используя эмоционально окрашенные лексические единицы с отрицательной коннотацией: «довела до слез», «разрыдалась» и др.

Для всего британского общества стала шокирующей новостью, прозвучавшая в интервью, взятом американской телеведущей и актрисой Опррой Уинфри, о том, что Меган Маркл и принц Гарри поженились за три дня до официального торжества — «королевской» свадьбы: «Гарри и Меган утверждают, что они тайно поженились за три дня до своей королевской свадьбы, обменявшись клятвами на частной церемонии в присутствии архиепископа Кентерберийского и без гостей (но не была ли это всего лишь репетиция?)»¹³⁰. Очевидно, что, поступив таким образом, пара нарушила глубоко вошедшие в повседневную жизнь традиции британцев, самыми главными из которых являются монархия и строгие правила Англиканской церкви. Более того, офици-

playfully poses like any other tourist outside Buckingham Palace during summer tour of Europe aged 15. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5126431/Meghan-Markle-Buckingham-Palace-aged-15.html>

¹²⁹ Meghan ‘Did make Kate cry during bridesmaids dress row’: Duchess ‘burst into tears’ after bride ‘compared Charlotte unfavourably to her best friend Jessica Mulroney’s daughter’ and ‘wouldn’t change her dress to fit’ bombshell biography claim. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11034785/Bridesmaid-gate-continues-Kate-burst-tears-Meghan-wouldnt-compromise.html>

¹³⁰ Harry and Meghan claim they secretly got married three days before their royal wedding — exchanging vows in a private backyard ceremony with Archbishop of Canterbury and no guests (but was it just their rehearsal?). [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-9336937/Prince-Harry-Meghan-married-three-days-royal-wedding.html>

альное торжество Меган Маркл назвала «spectacle for the world» — зрелищем, представлением для всего мира, чем оскорбила британских налогоплательщиков, за чей счет живет монархия. В данном случае Меган Маркл в некоторой степени скопировала стратегию поведения принцессы Дианы, которая выдала всему миру тайны своего брака с принцем Чарльзом (будущим королем Карлом III).

Представительница другой культуры, Меган являет собой «инородное тело» в чужом «организме» — Великобритании, стране с глубоко укоренившимися традициями, и, соответственно, в британской королевской семье. В 2020 г. Меган Маркл нарушила негласное правило «Never complain, never explain», открыто рассказав публике о трудностях жизни в королевской семье. В одном из интервью она обвинила королевскую семью в отсутствии психологической поддержки и расистских проявлениях со стороны отдельных ее членов: «Ошеломляющее интервью с Опррой: Меган утверждает, что на пятом месяце беременности у нее были мысли о самоубийстве, Кейт довела ее до слез, а члены королевской семьи отказались делать Арчи принцем, потому что боялись, что он будет темнокожим». По словам Меган, ее сыну «не хотели давать титул и охрану» в связи с «обеспокоенностью и разговорами о том, насколько темной может быть кожа» ребенка, когда он родится. Безусловно, это заявление о дискриминации и разразившейся, по ее словам, «настоящей клеветнической кампании» в мировой прессе, еще больше отдалило Меган от британского общества — она стала «чужой» (репрезентация оппозиции «свой — чужой» через функцию «чужого» как «культурного раздражителя»).

Поскольку значительная роль в формировании имиджа британской монархии отводится прессе, первыми критиками поведения Меган Маркл на публике и в Букингемском дворце выступили издания, с которыми испокон веков сотрудничает британский королевский дом. Примечательно, что журналисты в своих материалах по-разному оценивают очень похожие поступки двух женщин, следуя двойным стандартам в оценке их поведения, а также то, что обеих пытаются сравнивать с принцессой Дианой. В представленных выдержках из газеты «Daily Mail» используется эмоционально окрашенная лексика, призванная воздействовать на читателей определенным образом.

В публикациях о беременности Кэтрин «Daily Mail» характеризуют ее как заботливую мать. В примере (Табл. 1) автор формирует ее положительный образ через употребление как лексических, так и грамматических конструкций. Подчеркивается, что до рождения третьего ребенка Кэтрин осталось совсем немного и все жители Соединенного королевства с нетерпением ждут это событие. Далее следует повествовательное предложение, содержащее такие лексические единицы, как наречие «нежно», глагол «баюкает» и др., что также подчеркивает

положительное отношение к Кэтрин: она хорошая мать, и британское общество ценит ее за это качество. Более того, вторая часть предложения «завершая свои королевские обязанности перед декретным отпуском» характеризует Кэтрин как ответственную принцессу, не пренебрегающую своим долгом даже на позднем сроке беременности. Для британцев Кэтрин «своя», она нежная, добрая, чуткая, заботливая и при этом ответственная.

Меган Маркл воспринимается иначе. Из примера в Табл. 1 видно, что автор статьи, используя вопросительные фразы, выражает определенную степень недоверия к герцогине Сассекской со стороны британского общества. В довольно грубой форме дана критика ее прикосновений к животу («не может держать руки подальше от своего живота»). Для британцев Меган — актриса, которая играет на публику: «гордость, тщеславие, актерство», т. е. она неискренняя, лживая, вульгарная. Вопросительные фразы представляют собой цепочку логически связанных характеристик, подлежащих дальнейшему обсуждению, подчеркивающих определенные сомнения в нравственных качествах Меган.

Табл. 1. Сравнение выдержек из статей «Daily Mail» на тему беременности Кэтрин Миддлтон и Меган Маркл.

Кэтрин Миддлтон	Меган Маркл
«Осталось совсем немного! Беременная Кейт нежно баюкает животик, завершая свои королевские обязанности перед декретным отпуском, и Уильям подтверждает, что она должна родить “с минуты на минуту”» ¹³¹ .	«Почему Меган Маркл не может держать руки подальше от своего живота? Эксперты задаются вопросом, который волнует нацию: это гордость? тщеславие? актерское мастерство? или техника сближения в стиле нью-эйдж?» ¹³²

Подтверждением позиции «своя» в отношении Кэтрин Миддлтон служит и пример из Табл. 2. Британское общество с понима-

¹³¹ Not long to go! Pregnant Kate tenderly cradles her baby bump while wrapping up her royal duties ahead of maternity leave — and William confirms she's due 'any minute now'. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-5526339/Pregnant-Kate-looks-blooming-green.html>

¹³² Why can't Meghan Markle keep her hands off her bump? Experts tackle the question that has got the nation talking: It is pride? Vanity? Acting — or a new age bonding technique? [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6636233/Why-Meghan-Markle-hands-bump-Experts-tackle-question.html>

нием отнеслось к желанию семьи принца Уэльского провести Рождество в кругу семьи Миддлтон, а не с королевой — это прослеживается через употребление словосочетания «очень близка со своей семьей». Она «своя» для британцев, и ее семья тоже важна как для ее детей, так и для общества.

А Меган Маркл «чужая» для британцев, поскольку нарушает многовековые устои: не следует отмечать такой семейный праздник, как Рождество, вдали от королевы, это проявление неуважения («Разве королева не заслуживает лучшего?...»)! Автор статьи подчеркивает, что она стремится дистанцироваться от королевской семьи, используя слова «отдаляться», «станет поводом для большой печали», «источником разочарования». Безусловно, поведение Меган Маркл глубоко порицается британским обществом и расценивается как вызов английской монархии, поскольку грубо нарушает устоявшиеся многовековые традиции.

Табл. 2. Сравнение выдержек из статей «Daily Mail» на тему отношения Кэтрин Миддлтон и Меган Маркл к семье.

Кэтрин Миддлтон	Меган Маркл
«Герцог и герцогиня Кембриджские проведут второе “частное” Рождество с семьей Миддлтон, а не присоединятся к королеве в Сандрингеме».	«Разве королева не заслуживает лучшего, чем это непонятное отсутствие на празднике? Ричард Кей исследует последствия решения принца Гарри и Меган Маркл не проводить Рождество с королевской семьей».
«...очень близка со своей семьей».	«...ускользает от уз верности, семьи и долга»
«...всегда ясно давала понять, что они будут играть важную роль как в ее жизни, так и в жизни ее детей».	«Отсутствие Гарри и Меган станет поводом для большой печали. Это также станет источником разочарования». «Отсутствие Гарри и Меган вызовет глубокое сожаление» ¹³³ .

¹³³ Doesn't the Queen deserve better than this baffling festive absence? Richard Kay examines the impact of Prince Harry and Meghan Markle's decision not to spend Christmas with the royal family. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7682945/The-impact-Prince-Harry-Meghan-Markles-decision-not-spend-Christmas-royal-family.html>

Табл. 3. Сравнение выдержек из статей «Daily Mail» на тему внешнего вида Кэтрин Миддлтон и Меган Маркл.

Кэтрин Миддлтон	Меган Маркл
<p>«Как Кейт превратилась из скучной в потрясающую! От бровей и пилатеса до нового гуру стиля — наши эксперты раскрывают секреты герцогини Кембриджской, как выглядеть сногшибательно». «Видим женщину в расцвете сил: стильную, уверенную в себе и сияющую позитивом, создающую наряд за нарядом в стиле stake — одно удовольствие наблюдать»; «ослепительные, супершикарные наряды». «...сильная, дерзкая Кейт, которую мы видим сейчас, вызывает гораздо больший резонанс, чем та робкая Кэти, ловящая каждое его слово, инженеру, которой она была раньше»¹³⁴.</p>	<p>«За последние несколько месяцев мы стали свидетелями всего: от плохого руководства ремонтом во Фрогморском коттедже, совершенно излишней, но, откровенно говоря, довольно ценной секретности, которая окружала рождение малыша Арчи, до фотографий Клинтон в Instagram и надменного отказа назвать крестных родителей Арчи — это каталог пиар-катастроф в семье Сассексов»¹³⁵.</p>

В представлении британцев Кэтрин Миддлтон — сильная, уверенная в себе женщина, которая все делает правильно (Табл. 3). Для формирования положительного образа принцессы Уэльской как «своей» автор материала использует лексические единицы с положительной эмоциональной окраской: «стильная, уверенная в себе и сияющая позитивом», «сильная, дерзкая» и др.

В отношении же герцогини Сассекской британская пресса использует эмоционально окрашенную лексику с отрицательной конно-

¹³⁴ Sarah Vine: How Kate went from drab to fab! From eyebrows and pilates to a new style guru, our experts reveal the Duchess of Cambridge's secrets to looking sizzling. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-7143445/SARAH-VINE-experts-reveal-Duchess-Cambridges-secrets-looking-sizzling.html>

¹³⁵ Sarah Vine: My memo to Meghan Markle following her Vogue editorial - we Brits prefer true royalty to fashion royalty. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-7298911/SARAH-VINE-memo-Meghan-Markle-Brits-prefer-true-royalty-fashion-royalty.html>

тацией, призванную сформировать негативное отношение к героине репортажа, подчеркивая ее «чужеродность» для британского общества. Меган Маркл постоянно совершает ненужные действия («излишней секретности»), которые непонятны британцам. Она остается не принятой ими: непонятной, вульгарной и «чужой».

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что убеждающая, воздействующая функция СМИ реализуется в материалах британских журналистов посредством целого ряда лексических и грамматических маркеров. К последним относятся экспрессивные синтаксические средства, привлекающие внимание читателей к определенным проблемам: восклицательные предложения, выражающие восхищение; вопросительные конструкции, выражающие удивление, раздражение, негодование или сомнение и др.

Итак, в ходе исследования установлено, что бинарная оппозиция «свой — чужой» представляет собой многомерное ментальное образование, отражающее восприятие окружающего мира через призму особенностей собственной культуры. «Свой» находится в границах «Я», это нечто личное, осознанное и осмысленное, а главное, безопасное. «Чужой» связан с «Другим», это что-то чуждое, непонятное и внушающее страх.

Языковая репрезентация оппозиции «свой — чужой» на примере женских образов британской королевской семьи объективируется в текстах британских СМИ разными способами, не только эксплицитно, но и имплицитно: благодаря лингвистическому и экстралингвистическому контекстам можно судить о том, какая именно оценка выражается. Понятийный, контекстуальный и интерпретативный анализ перцептивно-образных характеристик образов Кэтрин Миддлтон и Меган Маркл, раскрытых в британских СМИ, показывает, что образная составляющая исследуемого концепта раскрыта в полной мере: в англоязычном сознании оппозиция «свой — чужой» четко ассоциируется с образами принцессы и герцогини. Это объясняется тем, что образ принцессы Уэльской отражает все ценностные доминанты британской лингвокультуры: она воспринимается как «своя» для английского общества, как «идеал» поведения истинного британца. В то время как герцогиня Сассекская характеризуется с преобладанием негативной оценки: она непонятна, вульгарна, что делает ее «чужой» для британцев.

Список литературы

1. Бахтин М.М. Автор и герой: К философским основам гуманитарных наук. СПб.: «Азбука», 2000. 332 с.
2. Богатырева С.Н. Языковая картина мира в современной традиции диалога культур // М.А. Шолохов в современном мире. Сб. мате-

риалов Международной научно-практической конференции, Москва, 20—21 мая 2021. М.: «Ваш формат», 2022. С. 108—112.

3. *Егоров В.К.* Еще раз об оппозиции «свой — чужой» // Коммуникология. 2020. Т. 8. № 1. С. 138—154. DOI 10.21453/2311-3065-2020-8-1-138-154.

4. *Кишина Е.В.* Семантическая оппозиция «свой — чужой» как реализация идеолого-манипулятивного потенциала политических дискурсов // Вестник Кемеровского государственного университета. 2011. № 4 (48). С. 174—179.

5. *Козут Д.М.* Определение «английскости» в современном литературоведении // Вестник науки. 2020. Т. 4. № 6 (27). С. 37—43.

6. *Ладыка О.В.* Американский национальный характер и его интерпретация в работах лингвистов // Новый взгляд. Международный научный вестник. 2014. № 4. С. 114—123.

7. *Лантев М.А.* Граф Дерби, Бенджамин Дизраэли и проблема эволюции британского консерватизма в 1852—1866 годы. Дисс. ... канд. ист. наук. Уфа, 2006. 225 с.

8. *Литвяк О.В., Давыдова О.П., Мочалова А.А.* Выражение категории оценочности в британских медиатекстах // Современное педагогическое образование. 2021. № 12. С. 209—212.

9. *Феррони В.В.* Три лика Другого: «Другой», «Иной», «Чужой» // Вестник Воронежского гос. ун-та. Серия: Философия. 2012. № 1 (7). С. 112—130.

10. *Цветкова М.В.* Концепт «Englishness»: основные константы // Проблема национальной идентичности в культуре образования России и Запада. Т. 2. Воронеж, 2000. С. 87—93.

11. *Юлдашбаев А.Ф.* Особенности выражения концепта «свой — чужой» в современных англоязычных фильмах // Научные ведомости Белгородского гос. ун-та. Серия: Гуманитарные науки. 2011. № 18 (113). С. 164—170.

12. Doesn't the Queen deserve better than this baffling festive absence? Richard Kay examines the impact of Prince Harry and Meghan Markle's decision not to spend Christmas with the royal family. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-7682945/The-impact-Prince-Harry-Meghan-Markles-decision-not-spend-Christmas-royal-family.html> (дата обращения: 05.12.2024).

13. Exclusive photo: From a Royal family fan to a Princess: Meghan Markle playfully poses like any other tourist outside Buckingham Palace during summer tour of Europe aged 15. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-5126431/Meghan-Markle-Buckingham-Palace-aged-15.html> (дата обращения: 25.12.2024).

14. Harry and Meghan claim they secretly got married three days before their royal wedding — exchanging vows in a private backyard ceremony with Archbishop of Canterbury and no guests (but was it just their rehearsal?) [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-9336937/Prince-Harry-Meghan-married-three-days-royal-wedding.html> (дата обращения: 25.12.2024).

15. Meghan 'Did make Kate cry during bridesmaids dress row': Duchess 'burst into tears' after bride 'compared Charlotte unfavourably to her best friend Jessica Mulroney's daughter' and 'wouldn't change her dress to fit' bombshell biography claim. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-11034785/Bridesmaid-gate-continues-Kate-burst-tears-Meghan-wouldnt-compromise.html> (дата обращения: 25.12.2024)

16. Not long to go! Pregnant Kate tenderly cradles her baby bump while wrapping up her royal duties ahead of maternity leave — and William confirms she's due 'any minute now'. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-5526339/Pregnant-Kate-looks-blooming-green.html> (дата обращения: 05.12.2024).

17. Sarah Vine: How Kate went from drab to fab! From eyebrows and pilates to a new style guru, our experts reveal the Duchess of Cambridge's secrets to looking sizzling. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/femail/article-7143445/SARAH-VINE-experts-reveal-Duchess-Cambridges-secrets-looking-sizzling.html> (дата обращения: 05.12.2024).

18. Sarah Vine: My memo to Meghan Markle following her Vogue editorial — we Brits prefer true royalty to fashion royalty. [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/debate/article-7298911/SARAH-VINE-memo-Meghan-Markle-Brits-prefer-true-royalty-fashion-royalty.html> (дата обращения: 05.12.2024).

19. The most popular British royals of 2024. [Электронный ресурс]: <https://theweek.com/104474/the-most-popular-british-royals> (дата обращения: 05.12.2024).

20. Why can't Meghan Markle keep her hands off her bump? Experts tackle the question that has got the nation talking: It is pride? Vanity? Acting — or a new age bonding technique? [Электронный ресурс]: <https://www.dailymail.co.uk/news/article-6636233/Why-Meghan-Markle-hands-bump-Experts-tackle-question.html> (дата обращения: 05.12.2024).

Сведения об авторах

Богатырева Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков, Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Серегина Анна Александровна, магистрант по направлению подготовки «Педагогическое образование», Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. E-mail: *shef.anna@mail.ru*

Information about the authors

Bogatyryova Svetlana Nikolaevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management. E-mail: *svetlana-690204@mail.ru*

Seryogina Anna Alexandrovna, Master's student in the field of Pedagogical Education, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management. E-mail: *shef.anna@mail.ru*

**ПОРТАЛ «ПРАВЧТЕНИЕ.РУ» КАК ЧАСТЬ
ИНТЕРНЕТ-СЕТИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА
РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ
PORTAL «PRAVCHTENIE.RU» AS PART OF THE
INTERNET NETWORK OF THE PUBLISHING COUNCIL
OF THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH**

Аннотация:

Автор статьи, главный редактор портала «Правчтение.ру», указывает на роль данного ресурса в современной православной интернет-журналистике, делая акцент на его положении в интернет-сети Издательского Совета Русской Православной Церкви, а также на структуре и процессе контентного наполнения. Целью статьи является ознакомление с проблемами и перспективами ресурса, целиком посвященного современной православной книжности. Опыт обзорной статьи о портале в научной прессе предпринимается автором впервые.

Ключевые слова: православная интернет-журналистика, Издательский Совет РПЦ, «Просвещение через книгу», Патриаршая литературная премия, Русская Православная Церковь, современная православная литература.

Abstract:

The author of the article, the editor-in-chief of the portal «Pravchтение.ru», points out the role of this resource in modern Orthodox Internet journalism, emphasizing its position in the Internet network of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, as well as the structure and process of content filling. The purpose of the article is to familiarize with the problems and prospects of a resource entirely devoted to modern Orthodox literature. The author undertakes the experience of a review article about the portal in the scientific press for the first time.

Keywords: orthodox online journalism, Publishing Council of the Russian Orthodox Church, «Enlightenment through the book», Patriarchal Literary Award, Russian Orthodox Church, modern orthodox literature.

Самый общий обзор современной российской православной журналистики занял бы не один том фундаментального исследования, опирающегося, пожалуй, на два основных источника: развернутые интернет-би-

блиографии сообщества и статистику профильных порталов. Поэтому автор этих строк предпочитает говорить не столько о том, что знает вполне достоверно, но с определенной дистанции, сколько о том, что сам делает каждый день, избегая выводов глобального рода и тем более призывов, как это часто случается, к «большей системной интегрированности и синергической емкости элементов целостной системы».

Итак, православная интернет-журналистика не есть нечто условно целое, хотя и направленное в одну сторону — в сторону ознакомления как случайного, так и постоянного пользователя с великим евангельским наследием и его отображением в повседневной российской жизни. Скорее речь может идти о разбросанных по русскоязычному интернет-пространству островах одного архипелага, иные из которых видны «и в туманную погоду», а остальные избавляются от некоторой присущей им дымки в особенные «табельные» дни, когда значимость обозреваемых ими событий несколько превосходит обычные рамки.

Православный читатель, неизменно благодарный за оперативную информацию порталам «Православие.ру» и «Патриархия.ру», разумеется, наслышан и о развитой интернет-сети митрополий, епархий, благочиний и отдельных обителей, причем необязательно крупных и влиятельных, а также, что немаловажно для «книжного ракурса» рассмотрения православной интернет-журналистики, епархиальных издательских подразделений, наконец, о ежедневной деятельности синодальных отделов. Однако агрегаторы высшего звена, располагающие куда большими возможностями, и сами являются производителями первоклассного контента, и потому посещаемость остальных церковных ресурсов естественным образом несколько ниже в силу их отраслевой специфики, в чем совершенно нет ничего обидного. Некоторые просветительские православные порталы — даже поверхностный список важнейших из них занял бы несколько страниц плотного набора — сегодня сочетают свою основную деятельность с ролью интернет-магазина, главная функция которого — продажа духовной литературы и церковной утвари, что увеличивает их посещаемость, если информация об одном и другом гармонически сочетается, а не носит характер неприкрыто коммерческий. При создании духовных порталов нужно помнить о том, что целью Церкви не является платное распространение церковных товаров и услуг.

Более или менее репрезентативный список православных журналистов, от новостников и обозревателей до авторов колонок, книжных рецензентов, корреспондентов и репортеров, аналитиков и исследователей тех или иных вопросов, ученых-богословов и публицистов, привести в рамках статьи нет никакой возможности, но имена первого ряда и так известны — это авторы книг, включая философов и пропо-

ведников. Остальных любят за вовремя сказанное меткое слово, умелую и порой острую постановку проблемы, но в пределах каждый православный журналист имеет свойство тяготения именно к созданию авторского издания, пусть бы оно и состояло из подённых записей, выстраивающихся постепенно в единство самоорганизующейся и углубляющейся мысли о Христе.

«Правчтение» как полномочный представитель церковной книжности. Издательский Совет Русской Православной Церкви — старейший синодальный отдел, образованный при воссоздании Патриархии рука об руку с Отделом внешних церковных связей. Ныне сфера церковной книжности, порученная ему, образуется вокруг нескольких институций, в числе которых рецензирование и присвоение книгам грифа Издательского Совета о допустимости их распространения в церковной сети, а также проведение книжных соревнований ротационного ключа (Патриаршая литературная премия имени святых равноапостольных Кирилла и Мефодия, открытый конкурс изданий «Просвещение через книгу», Международный детско-юношеский литературный конкурс «Лето Господне» им. И.С. Шмелева, конкурс «Благое начало», конкурсы имени Аксакова, Достоевского и многие другие инициативы, включая проведение книжной выставки-ярмарки «Радость слова», книжного фестиваля «Пространство слова» и писательского форума «Слово», издание журнала «Православное книжное обозрение»).

Интернет-сеть Издательского Совета включает в себя собственно портал Совета, выстроенные на его платформе под-домены Дня Православной книги, Патриаршей литературной премии, портал конкурса «Лето Господне» и портал «Правчтение.ру», инициатором и создателем которого более 10 лет назад выступил основатель и директор православного издательства «Никея» Николай Бреев.

«Правчтение.ру» задуман как всеобъемлющий и ежедневно обновляемый ресурс материалов как о классической, так и новой православной словесности, находящийся в прямой зависимости от новостей православных издательств и структурно объединяющий их.

Концептуально портал во многом опирается на технологии Web 2.0, т. е. на метод пополнения контента самими пользователями: у каждого православного издательства есть возможность поместить на портал и в базу портала информацию о своих новинках с помощью персонального личного кабинета.

Главная страница портала — сборник самых разнообразных материалов, от рецензий на вновь вышедшие книги и объемных тематических «срезов», связанных с датами церковного календаря (церковный год именуется «индиктом» и начинается ранней осенью), включающих только издательские аннотации, до интервью с авторами и издателями,

анонсов «книжных» мероприятий, авторских статей, а также современной православной поэзии и прозы.

За неделю, без учета новостей и анонсов, на портал ставится полтора десятка полноценных и самостоятельных материалов, дающих по возможности полную оперативную картину развития современной православной словесности.

Однако лицевая страница («дайджест») не дает представления о подлинной роли системного интегратора, присущей portalу «Правчтение.ру»: вкладки непосредственно под логотипом портала знакомят пользователя с обширными (количество учетных единиц измеряется сотнями и тысячами) базами данных по православным авторам, издательствам, книжным лавкам и магазинам, а также, что немаловажно, епархиальным центрам книгоиздания. Немногие знают, что в каждой епархии несколько лет назад был назначен специальный уполномоченный по книгоизданию и книгораспространению, обязанный уведомлять о своей деятельности Издательский Совет отчетом весьма строгой и недвусмысленной формы по основным целевым показателям.

Наполнение портала возложено на главного редактора и редактора, искусство которых заключается в том, насколько неукоснительно и оперативно они умеют чувствовать пульс православного книжного мира, предугадывая, какая дата наиболее располагает к выходу репортажа о каком-либо значимом событии, к публикации интервью с автором или издателем какого-либо выдающегося книжного произведения или литературоведческого эссе о нем.

Драматичность portalного бытия состоит в том, что он выстроен, к сожалению, на готовой и типовой платформе интернет-магазина, в системе безопасности которого наличествуют прекрасно заметные профессиональным «взломщикам» прорехи. Февраль 2025 г. ознаменовался для портала «Правчтение.ру» двумя атаками, последствия которых и спустя полгода еще не полностью ликвидированы. Первая из них заменила заголовки статей на провокативно проукраинские и прозападные, однако на тот момент архив портала не претерпел ущерба. Вторая атака через две недели привела к потере некоторой не слишком большой части недавно размещенных материалов и тем самым поставила перед порталом двудединую задачу: 1. задачу технической безопасности, состоящую в том, чтобы перенести портал без потери контента на более защищенную платформу и 2. задачу духовную, заключающуюся в том, чтобы пересмотреть степень опасности портала для последовательных оппонентов православия.

В части духовной задачи несложно было прийти к выводу о том, что системность атак еще покажет себя. Именно это понимание не дает никакого шанса усомниться в том, что скромные и не выпячивающие

себя православные книжники представляют собой определенную угрозу для нового миропорядка, диктующего свои законы и правила чисто криминальными методами. Православие как таковое для адептов нового миропорядка — в любой форме — является экзистенциальным вызовом распушенности, попранию Христовых норм. Любая попытка народного просвещения, по форме своей и по сути религиозно-нравственного, вызывает у поклонников сатанинских по духу учений недовольство и выливается в конкретные действия, препятствующие распространению знаний и о Христе, и о Его отображении в современном русском сознании.

Но на малые беды есть и малые победы. Здесь можно было бы привести статистику неуклонного роста посещаемости портала за несколько лет, однако главному редактору не хотелось бы акцентировать внимание читателей на цифрах: любые численные показатели можно имитировать, подверстывать под некие якобы замечательные цели.

Статистика, безусловно, каждый год говорит о том, что известность и авторитетность портала понемногу растут, причем не только в православной, но и в общегуманитарной среде. Однако большой и радостной неожиданностью явилось весьма значимое присутствие на портале... детей. Речь идет о подростках, причем не только связанных с конкурсом «Лето Господне». Их интерес был проявлен к различным новым изданиям, аналитическим статьям, повторимся, относящимся тематически не только к делам конкурса, а посвященным несколько более общим вопросам, в частности, источниковедению, другим дисциплинам, на которые опирается написание как литературоведческой, так и любой иной исследовательской работы.

Привлечение аудитории к portalу — процесс далеко не линейный и далеко не простой — не только в связи с террористическими деяниями противной во всех смыслах стороны. Легко, наверное, и много легче, чем что-либо другое, раздавать интервью с интонацией открытого превосходства, подкрепляя свои слова некими действительно на первый взгляд впечатляющими цифрами, однако православный журналист как раз не имеет права гордиться своими малыми деяниями даже на малую толику.

Неписанный кодекс православного журналиста-исследователя, журналиста-книжника еще, возможно, приобретет зримое воплощение, однако и сегодня совершенно ясно, что общий торный путь восхождения какого-либо «интернет-продукта» с его рекламой и маркетингом — не для церковной журналистики. Господь испытывает нас ежедневным трудом, который другим давно показался бы безнадежно далеким от магистральных направлений развития интернета в России.

На вопросы о перспективах портала можно только пожать плечами: как Бог решит, так и будет. Наше дело — всемерно способствовать

постоянному и своевременному информированию читателей о том, что православная литература принадлежит к редчайшей породе словесности, которая никого не хочет, в отличие от постмодернистских поделок, оскорбить или навести на подлые мысли. И уже потому каждому гражданину нашей великой и генетически православной страны следует хотя бы бегло ознакомиться с основным корпусом издаваемых сейчас православных книг, и художественных, и публицистических, и научных, в том числе богословских.

Отметим попутно: удивительность богословия состоит в том, что каждый век оно может буквально обрастать новой листвой толкований Евангелия применительно как раз к той самой жизни, которая не ушла давным-давно, но продолжается среди новейших электронных устройств и радикально, казалось бы, изменившегося быта.

Общие выводы. Удобнее всего следить за современной православной мыслью по ежегодным результатам того же открытого конкурса «Просвещение через книгу». В списках более чем десятка его номинаций — издания действительно современные и призванные облегчить бремя сомнений, лежащее на плечах буквально каждого ныне живущего человека, склонного не автоматически проживать отведенное ему время, но глубоко задумываться о смысле этого времени и своих поступков и истолковывать и то, и другое к личному покаянию и вящей славе Божией. Тем самым смысл работы портала «Правчтение.ру» видится в том, чтобы как можно больше людей узнало о лучших современных изданиях и сделало их своими друзьями, отнюдь не воображаемыми. Как и вся Церковь не стремится к тому, чтобы в нее вошел каждый россиянин, тихая и ненасильственная катехизация на «Правчтении» кажется наиболее приемлемым способом для обращения людей от безбожно бездумного бытия к жизни сколь осмысленной, столь и достойной. Высокой.

Сведения об авторе

Арутюнов Сергей Сергеевич, научный сотрудник Издательского Совета Русской Православной Церкви, доцент кафедры литературного мастерства Литературного института им. А.М. Горького. E-mail: aruta2003@mail.ru

Information about the author

Arutyunov Sergey Sergeyevich, research fellow of the Publishing Council of the Russian Orthodox Church, Associate Professor of the Department of Literary Mastery of the A.M. Gorky Literary Institute. E-mail: aruta2003@mail.ru

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИКА

DOI 10.69540/2949-3846.2025.22.76.008

УДК 371

*И.В. Микитюк, И.А. Ахметшина**I.V. Mikityuk, I.A. Akhmetshina*

ГОТОВНОСТЬ ПЕДАГОГОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ TEACHERS' READINESS TO USE DISTANCE LEARNING TECHNOLOGIES

Аннотация:

Трансформация системы социальных коммуникаций спровоцировала активизацию формирования ключевых компетенций педагога, ориентированных на многопрофильность его деятельности в современном образовании: оформление электронных документов и материалов (электронный учебник, электронный журнал, электронный дневник, дистанционное обучение, виртуальная образовательная среда и др.), обслуживание их движения, архивирование информационных продуктов, разработка веб-квестов, сохранение их в разветвленной сети библиотек, подразделений. Инсталлирование информационно-коммуникационных технологий во все сферы жизнедеятельности социума влечет за собой и трансформацию существующей модели образования. В информационной образовательной среде приоритетными становятся технологии коммуникаций, медиа и веб-дизайна, активизируемые стремительным расширением интернет-пространства и его влиянием на образовательные информационные ресурсы. Технологии коммуникаций, медиа и веб-дизайна становятся мощным информационным средством, направленным на комплексное усвоение человеком интеллектуального, нравственного, художественного, психологического, социального опыта. Медиакультура сопровождает и новую образовательную форму обучения — дистанционное обучение, эффективность и качество которого обусловлены уровнем подготовленности педагогов, научно-методического, материально-технического обеспечения образовательного процесса. В статье рассмотрено одно из методологических направлений решения обозначенной проблемы посредством методического обеспечения повышения готовности педагогов к реализации дистанционного обучения в едином информационном пространстве образовательной организации.

Ключевые слова: дистанционное обучение, информационная образовательная среда, информационно-коммуникационные технологии, медиа, веб-дизайн, медиакультура.

Abstract:

The transformation of the social communication system provoked the activation of the formation of key competencies of a teacher focused on the versatility of his activities in modern education: registration of electronic documents and materials (electronic textbook, electronic journal, electronic diary, distance learning, virtual educational environment, etc.), maintenance of their movement, archiving of information products, development of web quests, preservation of their in an extensive network of libraries and departments. The installation of information and communication technologies in all spheres of social activity entails the transformation of the existing model of education. The installation of information and communication technologies in all spheres of social activity entails the transformation of the existing model of education. In the information educational environment, technologies of communication, media and web design are becoming a priority, activated by the rapid expansion of the Internet space and its impact on educational information resources. Communication, media and web design technologies are becoming a powerful information tool aimed at the comprehensive assimilation of intellectual, moral, artistic, psychological, and social experience by a person. Media culture also accompanies a new educational form of learning — distance learning, the effectiveness and quality of which are determined by the level of preparedness of teachers, scientific, methodological, material and technical support of the educational process. The article considers one of the methodological directions of solving the indicated problem through methodological support for improving the readiness of teachers to implement distance learning in a single information space of an educational organization.

Keywords: distance learning, information educational environment, information and communication technologies, media, web design, media culture.

Модернизация российского образования, влияние пандемии COVID-19 обусловили необходимость повышения качества подготовки педагогического корпуса к активизации технологий коммуникации, медиа и веб-дизайна в образовательном процессе школы, в том числе в контексте дидактического ресурса организации дистанционного обучения. Использование дистанционных форм и методов обучения неминуемо влечет за собой индивидуализацию образовательного процесса, побуждает обучающихся к самостоятельной работе, формирует инфор-

мационную культуру, медиакультуру, настраивает на овладение инновационным инструментарием для получения и обработки информации. Все это находит отражение в разноплановых исследованиях отечественных ученых¹³⁶, а также служит основанием для цифровой модификации и конвертации образовательной среды, что закреплено Указом Президента РФ от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» и Приказом Министерства просвещения РФ от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении целевой модели цифровой образовательной среды».

Методологические основы компьютеризации процесса обучения отражены в работах С.Л. Атанасян, О.В. Вязовой, З.И. Горбачук, О.В. Даниленко, Е.А. Носкова, А.В. Сафонова и др. Психолого-педагогические аспекты решения задач дидактики компьютерного обучения охарактеризованы в трудах Ю.Г. Коротенкова, И.В. Копытиной, А.В. Молоковой, И.В. Стечкина, Т.Г. Суминой и др. Разноплановые исследования феномена медиа отражены в работах Р.П. Баканова, Ю.В. Бакулиной, Е.А. Бондаренко, В.А. Возчикова, Т.Б. Исаковой, В.В. Кихтан, А.П. Короченского, И.А. Фатеевой и др. Задачи и направления цифровизации образования раскрываются Т.А. Аймалетдиновым, А.Ю. Валявским, А.А. Вербицким, А.В. Владыко, И.П. Гладилиной, В.А. Завьяловой, В.О. Зинченко, Д.С. Константиновой, П.С. Ломаско, И.А. Погодиной, О.Ф. Природовой, Т.В. Свадьбиной, Н.Л. Соколовой, Б.Е. Стариченко, А.А. Строковым, А.В. Сухомлиным, А.О. Шараповым, Р.А. Шаухаловой, С.Е. Шишовым и др. Особенности дистан-

¹³⁶ Абылкасымова А.Е., Шишов С.Е., Жумалиева Л.Д. О теории модернизации цифрового образования, формирующего множественность идентичности и интеллект обучающихся // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2023. Т. 12. № 3. С. 3—16; Запевалина О.В. Медиаобразование как педагогический феномен // Международный информационно-аналитический журнал «CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык». 2015. № 3 (06). [Электронный ресурс]: <http://se.ifmstuca.ru/>; Забайрачная А.Е., Шалова С.Ю. Инновационные медиатехнологии как средство профессионального самообразования педагога // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций. Материалы V Международной научной конференции, Таганрог. Ростов-на-Дону, 2023. С. 30—35.; Методологические основы формирования современной цифровой образовательной среды. Н. Новгород, 2018. [Электронный ресурс]: <http://scipro.ru/conf/monographeeducation-1.pdf>; Ржанова С.А. Морозова А.С., Сафонов Е.А. Медиаобразование как способ достижения студентами творческой самооэффективности // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 5. С. 122—127; Шишов С.Е. Аксиологические аспекты воспитания молодежи сквозь призму цифровой трансформации образовательного процесса // Вестник МГУТУ. Серия общественных наук. 2023. № 1. С. 163—167.

ционного образования рассмотрены М.И. Алдошиной, У.С. Алексеевой, С.Н. Башиновой, М.Е. Вайндорф-Сысоевой, Г.В. Валеевой, Т.В. Громовой, З.Р. Девтеровой, О.Б. Дударевой, О.В. Ибрагимовой, В.И. Колыхматовым, Р.Р. Садековым и др.

Виртуальная среда образования приобретает все большую значимость в мировом масштабе. Так, Л.В. Баева отмечает, что виртуальные феномены необходимо рассматривать как конгломерат сознания и высоких информационных технологий, порождающий совершенно новый вид человеческой культуры — электронный¹³⁷.

Использование в образовании средств мультимедиа основывается на математическом (строго логическом) начале, в то же время И.Г. Елинер подчеркивает, что культура мультимедиа формируется на основе определения общечеловеческих ценностей и гуманизации цифровых дизайнерских образов¹³⁸.

В настоящее время мультимедиа включает в себя специальные аппаратные и программные средства диалогового режима с разнообразными данными (графика, текст, звук, видео) в виде единой информационной среды. Именно виртуальное пространство служит базисом новых медиа: гибридных данных различных сервисов цифровой среды. При этом пользователь может легко внедряться в виртуальную среду, получать и наполнять ее различного рода информацией. Поэтому технологии мультимедиа — весьма эффективное средство интенсификации образовательного процесса.

Опытно-экспериментальная работа была проведена нами на базе МОУ «Лицей» г. о. Орехово-Зуево Московской области. В эксперименте принимали участие 20 педагогов старших классов, которые условно были дифференцированы на экспериментальную (ЭГ) и контрольную (КГ) группы.

На констатирующем этапе исследования с целью проверки целесообразности проведения эксперимента и условий для развития самообразовательной деятельности обучающихся в процессе дистанционного обучения мы изучили состояние готовности педагогов к применению платформы дистанционного обучения. Причем готовность к этому педагога рассматривается как интегративное качество личности, выражающееся в способности к активизации технологий коммуникаций, медиа и веб-дизайна в образовательном процессе в условиях информатизации

¹³⁷ Баева Л.В. Виртуальная сансара: трансформация модели реальности в условиях информационной культуры // Информационное общество. 2012. № 2. С. 44—51.

¹³⁸ Елинер И.Г. Роль медиадизайна в мультимедийной культуре // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 4. С. 97—101.

образовательной и воспитательной сфер для успешного обучения с опорой на взаимодействие ценностно-мотивационного, содержательного и функционально-деятельностного критериев.

Готовность педагога к применению платформы дистанционного обучения исследовали по следующим критериям и показателям:

А) Ценностно-мотивационный компонент: осознанное, личностно значимое положительное восприятие ресурса дистанционного обучения, стремление его использовать в процессе личностного роста. Критерии: потребности, мотивы, интересы, цели, ценности, стимулирующие или сдерживающие активную учебную деятельность. Показатели: мотивация и интерес к организации обучения в режиме дистанционного обучения; направленность на приобретение знаний с применением технологий дистанционного обучения; стремление к самоорганизации и самообразованию; желание использовать информационно-коммуникационные технологии (далее ИКТ) в образовательном процессе.

Б) Содержательный компонент: системная совокупность теоретико-прикладных знаний, навыков, которые педагог должен иметь для трансформирования в профессиональные компетенции: теоретико-прикладные основы профессиональной деятельности, информированность о сущности, особенностях и технологиях дистанционного обучения, о возможности использования этого ресурса, применения медиатехнологий; высокий уровень развития когнитивных способностей и практической подготовки для работы с персональным компьютером (далее ПК). Критерии: совокупность фундаментальных знаний, необходимых и достаточных для эффективной организации учебной деятельности на платформе дистанционного обучения; осознание преимуществ дистанционного обучения для самообразования обучающихся; навыки самоорганизации в учебной деятельности. Показатели: наличие теоретических знаний основ ИКТ, умений, навыков самостоятельно обучаться; понимание сущности и структуры технологий дистанционного обучения.

В) Функционально-деятельностный компонент: совокупность умений, навыков применения технологий дистанционного обучения, восприятие профессионально-ориентированной информации, использование ее для решения профессиональных задач с компьютерной техникой и соответствующими программными продуктами, сформированная информационная культура. Критерии: объем, уровень осознанных умений и навыков владения ПК, ИКТ, способность демонстрировать профессионально компетентное поведение в процессе приобретения знаний, умение действовать в нетипичной ситуации, стремление к самообразованию и самоконтролю, высокий уровень информационной культуры. Показатели: компьютерная грамотность, умение и навыки использования ПК, ИКТ.

Указанные выше критерии и показатели позволяют выделить три уровня готовности: низкий (репродуктивный), средний (достаточный) и высокий (творческий).

Репродуктивный (низкий) уровень готовности педагогов к применению платформы дистанционного обучения характеризуется отсутствием или слабой выраженностью мотивации, интереса к использованию ИКТ в образовательном процессе; нехваткой навыков самостоятельной работы; низкой активностью; навыками работы с ПК на элементарном уровне начинающего пользователя без использования специализированных программных продуктов, периферийного оборудования; низкая ориентация в информационном пространстве; потребность в помощи, стимулировании и контроле.

Достаточный (средний) уровень готовности педагогов к работе с платформой дистанционного обучения характеризуется лабильной мотивацией, низкой активностью, переменным интересом к приобретению знаний об ИКТ; педагог имеет осознанное восприятие информации, однако стремление к самообучению является эпизодическим, требует внешнего стимулирования и контроля; владеет знаниями, навыками работы с ПК без использования специализированных программных продуктов; ориентируется в информационном пространстве.

Творческий (высокий) уровень готовности педагогов к работе на платформе дистанционного обучения характеризуется стойкой положительной мотивацией, интересом к приобретению профессиональных компетенций с использованием ИКТ; высокой активностью и способностью к самообразованию, самоконтролю; педагог свободно владеет различными способами работы с ПК и имеет навыки работы со специализированными программными продуктами; ориентируется в информационном пространстве; имеет сформированную информационную культуру.

Для определения уровня готовности педагога к организации образовательного процесса на платформе дистанционного обучения был выбран диагностический инструментарий: анкеты, тестовые задания, наблюдение. Результаты диагностирования показали наличие у педагогов умения использовать компьютерную технику и программное обеспечение на уровне уверенного пользователя (87 %), интереса к приобретению профессиональных компетенций для организации дистанционного обучения, а также возможность и целесообразность дальнейшего эксперимента.

Для определения уровня проявления ценностно-мотивационного компонента готовности было проведено наблюдение за активностью педагогов в учебном процессе, анкетирование с целью диагностики мотивации и интереса к дистанционному обучению, к использованию

ИКТ, ориентированности на саморазвитие и самообразование. Анализ результатов наблюдений и опроса выявил следующую картину: 34 % педагогов имеют низкую активность в организации дистанционного обучения; 20 % — достаточную; 46 % продуктивно сотрудничают с обучающимися, своевременно обновляя методический материал на платформе дистанционного обучения.

По результатам анкетирования в процессе диагностического исследования выявлено, что подавляющее большинство педагогов (90 %) заинтересованы в профессиональной подготовке с использованием дистанционного обучения. При этом мотивами обучения у 32 % является желание получить новые знания и навыки, карьерное развитие; для 63 % педагогов работа с компьютером в целом и в процессе дистанционного обучения создает положительный эмоциональный фон. Вместе с тем скептически относятся к организации образовательного процесса на платформе дистанционного обучения 34 % респондентов; 68 % опрошенных считают профессиональную подготовку для организации дистанционного обучения возможной только с обязательным постоянным сопровождением и помощью специалиста, увеличением возможности продуктивно сотрудничать с коллегами. При этом только 9 % педагогов предположили, что могут ежедневно уделять более 3-4 часов на организацию дистанционного обучения; 53 % педагогов убеждены, что для самоорганизации и самообучения им необходима дополнительная мотивация; 21 % педагогов не верят в собственную способность самостоятельно организовать полноценный образовательный процесс на платформе дистанционного обучения. 35 % опрошенных видят целесообразность использования ИКТ в образовательном процессе (чат-общение, skype-связь, e-переписка с обучающимися, создание и просмотр видеопрезентаций и т. д.); 29 % респондентов, напротив, не видят целесообразности активизации обучения на платформе дистанционного обучения.

Обобщение результатов анкетирования, тестирования, бесед, наблюдений активности педагогов позволяет сделать вывод, что по показателям ценностно-мотивационного критерия 18 % педагогов имеют репродуктивный, 61 % — достаточный и 21 % — творческий уровень организации образовательного процесса на платформе дистанционного обучения (Табл. 1).

На формирующем этапе исследования с учетом полученных результатов нами был разработан элективный курс «Методика работы с ресурсом дистанционного обучения», реализованный с педагогами ЭГ в условиях методического семинара.

В рамках методического семинара мы практиковали создание электронных хрестоматий, содержащих оцифрованные варианты учеб-

ников, статей, нормативных документов, способствующих формированию профессиональной компетентности педагогов, а также создание мультимедиа в Macromedia Director и уроков flash, которые были размещены на платформе дистанционного обучения «MOODL». Доминирующей целью элективного курса было знакомство педагогов с практикой внедрения мультимедиа-технологий в образовательный процесс.

На контрольном этапе исследования для оценки эффективности выделенных организационно педагогических и дидактических условий, инсталляции их в процесс подготовки педагогов к организации образовательного процесса на платформе дистанционного обучения были применены те же методики, что и на констатирующем этапе.

Табл. 1. Уровень проявления ценностно-мотивационной готовности педагога к дистанционному обучению (после формирующего эксперимента), %.

Показатели	Группы	Уровни		
		Репродук- тивный	Доста- точный	Творче- ский
Стремление к са- момотивации и са- моорганизации	КГ	35	40	25
	ЭГ	30	46	24
Направленность на приобрете- ние знаний	КГ	31	46	23
	ЭГ	24	47	29
Направленность и сила внутрен- ней мотивации	КГ	14	59	25
	ЭГ	16	56	29

Показатели проявления ценностно-мотивационного компонента педагогов КГ до и после эксперимента незначительно отличаются, однако в ЭГ существенно уменьшился процент педагогов с репродуктивным уровнем мотивации и самоорганизации, с невыраженной направленностью на получение знаний. Это позволяет предположить, что процесс приобретения и совершенствования профессиональных навыков продолжится у педагогов и в дальнейшем.

Сопоставление количественных показателей функционально-деятельностного критерия готовности к дистанционному обучению отражает более высокий результат педагогов ЭГ, изменения же в КГ снова

менее заметны. Существенно уменьшилось количество педагогов с низким уровнем по всем показателям: по полноте выполняемых действий — на 10 %; по осознанности действий — на 12 %; по готовности к действиям в нестандартной ситуации — на 10 %. При этом произошло перераспределение в сторону роста показателей достаточного и высокого уровня.

Контрольный этап экспериментального исследования эффективности реализации дидактических условий в процессе элективного курса подготовки педагогов к дистанционному обучению предусматривал в том числе проверку нулевой (H_0) и исследовательской гипотезы (H_1). За нулевую гипотезу принималось утверждение, что готовность педагогов к дистанционному обучению не будет зависеть от введения в учебный процесс соответствующей технологии и ресурсов и не повлияет на формирование их профессиональной компетентности. Исследовательская гипотеза: разница в показателях между ЭГ и КГ будет зависеть от внедрения технологии дистанционного обучения.

Выполнив ряд математических расчетов, получаем, что измерение χ^2 -критерия для уровня готовности педагогов по ценностно-мотивационному критерию на начало формирующего эксперимента и в конце его проведения показывает стремление к самомотивации и самоорганизации ($\chi^2_{\text{спост}} = 9,59$), направленность на приобретение знаний и силу внутренних мотивов ($\chi^2_{\text{спост}} = 6,93$), а это больше контрольного $\chi^2_{0,05} = 5,99$, что подтверждает: распределения существенно отличаются, это статистически значимо и не случайно.

Проверка статистической значимости расхождения распределений педагогов ЭГ и КГ по уровню проявления содержательного критерия осуществлялась также по χ^2 -критерию. Измерение χ^2 -критерия в начале формирующего эксперимента и в конце его имеет значение $\chi^2_{\text{спост}} = 8,83$, что также больше контрольного $\chi^2_{0,05} = 5,99$, поэтому подтверждено: распределения существенно отличаются, это статистически значимо и не случайно.

По показателям функционально-деятельностного критерия $\chi^2_{\text{спост}} = 8,5$ и $\chi^2_{\text{спост}} = 9,8$, что тоже больше $\chi^2_{0,05} = 5,99$, поэтому также подтверждено: распределения существенно отличаются, это статистически значимо и не случайно.

Итак, с достоверностью 95 % утверждаем, что диагностированные значительные отличия количественных показателей в ЭГ и КГ являются статистически значимыми и не случайными. Обобщение значений χ^2 -критерия по результатам эксперимента значительно больше табличного. Это свидетельствует, что изменения в уровнях проявления готовности педагогов к дистанционному обучению на этапе формирующего эксперимента (ЭГ) произошли не случайно, а в результате реализации элективного курса.

Табл. 2. Итоговое сопоставление результатов констатирующего и контрольного срезов экспериментального исследования КГ и ЭГ, %.

Показатели	Уровни	Группы					
		КГ			ЭГ		
		До	После	Динамика	До	После	Динамика
Ценностно-мотивационный критерий							
Стремление к мотивации и самоорганизации	Репродуктивный	39	35	-4	46	29	-16
	Достаточный	35	40	5	39	46	7
	Творческий	27	26	-1	15	25	10
Направленность на приобретение знаний	Репродуктивный	33	31	-2	33	27	-6
	Достаточный	42	46	4	49	47	-2
	Творческий	24	23	-1	18	29	11
Направленность и сила внутренней мотивации	Репродуктивный	20	14	-6	21	16	-5
	Достаточный	54	58	4	55	56	1
	Творческий	24	27	1	24	28	4
Содержательный критерий							
Уровень владения ИКТ	Репродуктивный	19	16	-3	24	17	-7
	Достаточный	47	50	3	51	53	2
	Творческий	33	35	1	26	31	5
Полнота усвоения теоретических знаний	Репродуктивный	35	29	-6	44	26	-17
	Достаточный	40	47	7	35	44	9
	Творческий	26	23	-3	21	30	9
Функционально-деятельностный критерий							
Полнота выполненных действий	Репродуктивный	37	31	-6	42	32	-10
	Достаточный	41	49	8	43	48	5
	Творческий	22	21	-1	16	20	4
Осознанность действий	Репродуктивный	27	24	-3	29	17	-12
	Достаточный	50	54	4	53	58	5
	Творческий	23	22	-1	18	25	7
Перенос действий в нестандартную ситуацию	Репродуктивный	30	31	1	24	14	-10
	Достаточный	53	56	3	57	62	5
	Творческий	18	13	-5	19	25	6

Благодаря внедрению элективного курса «Методика работы с ресурсом дистанционного обучения» произошли существенные изменения по всем показателям. Изменение уровня готовности педагогов к организации образовательного процесса на платформе дистанционного обучения происходит вследствие уменьшения количества педагогов, имеющих низкий уровень, и увеличения числа педагогов с достаточным и высоким уровнем.

Наиболее заметные изменения, а именно увеличение количества педагогов с творческим уровнем и уменьшение числа педагогов с репродуктивным уровнем, подтверждают результативность внедрения теоретически обоснованных и методически обеспеченных дидактических условий, методов их инсталляции в процесс организации применения технологий мультимедиа в образовательном процессе с использованием платформы дистанционного обучения.

Таким образом, результаты исследования свидетельствуют, что эффективность информатизации образовательной среды современной школы повысится при подготовке педагогов к организации дистанционного обучения на основе активизации технологий коммуникаций, медиа и веб-дизайна.

Список литературы

1. Абылкасымова А.Е., Шишов С.Е., Жумалиева Л.Д. О теории модернизации цифрового образования, формирующего множественность идентичности и интеллект обучающихся // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2023. Т. 12. № 3. С. 3—16.

2. Баева Л.В. Виртуальная сансара: трансформация модели реальности в условиях информационно-культурной // Информационное общество. 2012. № 2. С. 44—51.

3. Елинер И.Г. Роль медиадизайна в мультимедийной культуре // Вестник СПбГУКИ. 2012. № 4. С. 97—101.

4. Забайрачная А.Е., Шалова С.Ю. Инновационные медиатехнологии как средство профессионального самообразования педагога // Современное состояние медиаобразования в России в контексте мировых тенденций. Материалы V Международной научной конференции, Таганрог / Отв. ред. И.В. Челышева; науч. ред. Н.А. Симбирцева. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГУЭ (РИНХ), 2023. С. 30—35. [Электронный ресурс]: tgpi_bibl@list.ru (дата обращения: 03.07.2024).

5. Запевалина О.В. Медиаобразование как педагогический феномен // Международный информационно-аналитический журнал «CredeExperto: транспорт, общество, образование, язык». 2015. № 3 (06). [Электронный ресурс]: <http://ce.if-mstuca.ru/> (дата обращения: 03.07.2024).

6. Методологические основы формирования современной цифровой образовательной среды. Н. Новгород: «Профессиональная наука», 2018. [Электронный ресурс]: <http://scipro.ru/conf/monographeeducation-1.pdf> (дата обращения: 03.07.2024).

7. Приказ Министерства просвещения Российской Федерации от 2 декабря 2019 г. № 649 «Об утверждении целевой модели цифровой образовательной среды».

8. *Ржанова С.А., Морозова А.С., Сафонов Е.А.* Медиаобразование как способ достижения студентами творческой самоэффективности // Общество: социология, психология, педагогика. 2023. № 5. С. 122—127.

9. Указ Президента Российской Федерации от 21 июля 2020 г. № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года».

10. *Шишов С.Е.* Аксиологические аспекты воспитания молодежи сквозь призму цифровой трансформации образовательного процесса // Вестник МГУТУ. Серия общественных наук. 2023. № 1. С. 163—167.

Сведения об авторах

Микитюк Ирина Валентиновна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики Государственного гуманитарно-технологического университета, Московская область.

Ахметшина Ирина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры педагогики и психологии профессионального образования Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского.

Information about the authors

Mikityuk Irina Valentinovna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Pedagogy, State University of Humanities and Technology, Moscow Region.

Akhmetshina Irina Anatolyevna, Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Professional Education, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management.

**ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ
В КИТАЙСКИХ КОЛЛЕДЖАХ И УНИВЕРСИТЕТАХ
В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
(НА ПРИМЕРЕ ЦЗИЛИНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)****RESEARCH ON THE PRACTICE STATUS AND DEVELOPMENT
OF PATRIOTIC EDUCATION IN CHINESE COLLEGES AND
UNIVERSITIES FROM THE PERSPECTIVE OF NATIONAL
SECURITY (USING THE EXAMPLE OF JILIN UNIVERSITY)***Аннотация:*

Статья посвящена комплексному исследованию патриотического воспитания студентов высших учебных заведений в современном Китае и проблеме обеспечения национальной безопасности с позиций марксистской теории как руководящей концепции развития китайского высшего образования в «новую эпоху». Отмечается, что в настоящее время во внутренней и международной обстановке происходят глубинные, сложные перемены, в связи с этим анализируются основные идеологические принципы, которые выступают основой национальной безопасности, а также важнейшие ее компоненты — национальная политическая безопасность и национальная культурная безопасность. Только с позиций комплексного, системного и исторического подхода к исследованию системы национальной безопасности возможно всестороннее изучение происходящих в обществе процессов, отражающихся на состоянии национальной безопасности. Авторы подчеркивают, что молодые люди в колледжах и университетах должны повышать свою осведомленность о политической и культурной безопасности страны, а патриотическое воспитание должно стать важной движущей силой и необходимым способом обеспечения безопасности.

Таким образом, на основе полученных посредством анкетирования и интервью в Цзилиньском университете результатов авторы приходят к выводу о необходимости целенаправленного патриотического воспитания в университетах и установления прямой взаимосвязи между образованием и концепцией национальной безопасности. Практическая значимость исследования состоит в том, что его материалы могут быть использованы в системе высшего образования, способствуя повышению эффективности образовательно-воспитательного процесса, политической и культурной безопасности страны посредством реализации патриотического воспитания в вузах.

Ключевые слова: комплексный подход к национальной безопасности, политическая безопасность, культурная безопасность, патриотическое воспитание студентов.

Abstract:

The article is devoted to a comprehensive study of the patriotic education of university students in modern China and the problem of ensuring national security from the standpoint of Marxist theory as the guiding concept of the development of Chinese higher education in the «new era». It is noted that deep, complex changes are currently taking place in the domestic and international situation, and in this regard, the main ideological principles that serve as the basis of national security, as well as its most important components, national political security and national cultural security, are being analyzed. Only from the standpoint of an integrated, systematic and historical approach to the study of the national security system is it possible to comprehensively study the processes taking place in society that affect the state of national security. The authors emphasize that young people in colleges and universities should raise their awareness of the country's political and cultural security, and patriotic education should become an important driving force and a necessary way to ensure security.

Thus, based on the results obtained through questionnaires and interviews at Jilin University, the authors conclude that there is a need for purposeful patriotic education at universities and the establishment of a direct relationship between education and the concept of national security. The practical significance of the research lies in the fact that its materials can be used in the higher education system, contributing to improving the effectiveness of the educational process, political and cultural security of the country through the implementation of patriotic education in universities.

Keywords: the holistic approach to national security, political security, cultural security, patriotic education of students.

Национальная безопасность является краеугольным камнем развития и благосостояния народа. В 2014 г., столкнувшись с глубокими изменениями во внутренней структуре страны, Генеральный секретарь Центрального комитета КПК Си Цзиньпин выдвинул идею комплексного подхода к обеспечению национальной безопасности страны. С тех пор Си Цзиньпин неоднократно подчеркивал необходимость для Китая придерживаться всеобъемлющей концепции национальной безопасности, проложить свой путь государственной безопасности с китайской спецификой. При этом основной целью является безопасность народа: политическая безопасность рассматривается как важнейшее условие,

экономическая безопасность — как фундамент, военная, культурная и социальная безопасность — как гарантии, а содействие международной безопасности — как необходимая опора.

В частности, на Национальной конференции по пропаганде и идеологической работе в 2018 г. Си Цзиньпин отметил: «Мы должны не только активно объяснять путь Китая и его особенности, но и эффективно поддерживать политическую и культурную безопасность нашей страны»¹³⁹. В его речи было четко определено, что именно политическая безопасность является основой государственной безопасности и ключевым условием выживания и дальнейшего развития страны. Также была обозначена ведущая роль КПК и ее связь с долгосрочной стабильностью страны, институциональной безопасностью. Выдвижение всеобъемлющей концепции государственной безопасности, которая стала мощным идейным оружием в «новую эпоху», свидетельствует о выходе КПК на новый уровень понимания этого вопроса.

Являясь важной частью национальной безопасности, культурная безопасность — также важный фактор укрепления позиций КПК как правящей силы. Особое внимание руководство Китая уделяет повышению международного влияния китайской культуры и наращиванию «мягкой силы» в контексте развития национальной культуры и обеспечения национальной культурной безопасности.

Молодые люди являются основной силой в реализации «китайской мечты» и наследниками традиционной китайской культуры. В вопросах долгосрочной стабильности Китая нация возлагает большие надежды на молодежь, ее осведомленность о политической и культурной безопасности. «План реализации патриотического воспитания в Новую эпоху», принятый в 2019 г., играет ключевую роль в дальнейшем развитии и совершенствовании патриотического воспитания китайской молодежи. Он способствует укреплению социалистических ценностей, развитию общества и возрождению китайской нации, повышая уверенность китайского народа в социалистическом пути, теории, системе и культуре социализма с китайской спецификой¹⁴⁰. Являясь важной частью идейно-политического воспитания, патриотическое воспитание в вузах имеет не только политические, но и культурные аспекты. Китайские колледжи и университеты уделяют большое внимание вос-

¹³⁹ Ариэль Дж. Становление патриотом-космополитом: вечное представление об израильском образовании // Журнал еврейского образования. 2023. Т. 89. № 1. С. 53—60.

¹⁴⁰ Чантай Л., Хуэй З. От крови к этике: эмоциональный аспект патриотического воспитания в колледжах и университетах // Исследования в области высшего образования Хэйлунцзяна. 2009. Т. 9. С. 138—140.

питательной работе в плане национальной сплоченности и прогресса, укрепляя патриотическое сознание китайской молодежи посредством мероприятий соответствующей направленности.

Воспитание в духе патриотизма в Китае имеет свою особенность: как социалистическая страна Китай развивает идеи коллективизма, по всей стране продолжается изучение идеологии, основанной на теории социализма и марксистских культурных ценностях с китайской спецификой. Цель КПК по отношению к студентам колледжей и вузов в «новую эпоху» заключается в воспитании их приверженности государству, качественному строительству социализма, в принятии ими миссии строителей и наследников социализма, что и отражает План 2019 г.

В настоящее время во внутренней и международной обстановке происходят глубинные перемены, беспрецедентные за последние 100 лет, а китайская нация переживает критический период омоложения. В ситуации, когда сфера политической и культурной безопасности Китая постоянно подвергается внешним воздействиям, именно китайские колледжи и университеты должны взять на себя ответственность за выстраивание четкой идеологической линии и проведение идеологической работы в области науки и образования. Патриотическое воспитание в китайских университетах в «новую эпоху» должно вестись с акцентом на воспитании в духе социализма с китайской спецификой, на реализации «китайской мечты» о великом возрождении нации. Усиливая воспитательную работу в сфере патриотизма, необходимо широко развернуть работу по продвижению среди молодежи понимания политической и культурной идентичности, национальной безопасности.

В настоящем исследовании на основе опроса преподавателей и студентов Цзилиньского университета были изучены и проанализированы этапы становления и развития системы патриотического воспитания обучающихся, ведущие тенденции и принципы в образовательных организациях Китайской Народной Республики.

Использовались следующие методы исследования: анкетирование и интервью. Анкетирование проводилось с целью изучения текущей ситуации по формированию и развитию патриотического воспитания в китайских университетах; структурированное интервью проводилось с целью получения более полных контекстных данных в рамках проводимого исследования.

В качестве выборки для исследования были задействованы учащиеся и преподаватели Цзилиньского университета. Цель исследования предполагала выявление общей информации об обучающихся; их осведомленность об общей концепции национальной безопасности Китая; выяснение эффективности работы по патриотическому воспитанию в колледжах и университетах; выявление практических недостатков

в процессе патриотического воспитания, осуществляемого в Цзилиньском университете, в аспекте политической и культурной безопасности страны.

Анкета состояла из двух частей. Первая часть опросника предназначалась для определения основной информации об обучающихся: курс, факультет, политические взгляды. Вторая часть направлена на изучение темы исследования «Формирование патриотического воспитания в китайских колледжах и университетах в аспекте национальной безопасности». Здесь основной упор был на «политическую безопасность» и «культурную безопасность» с применением комплексного подхода к национальной безопасности. Целью анкетирования было изучение понимания обучающимися рассматриваемой темы, а также анализ существующих проблем и мер, связанных с развитием патриотического воспитания в китайских колледжах и университетах. Подведение итогов позволило оценить современное состояние работы в области патриотического воспитания в Китае.

Анкетирование проходило в онлайн-формате, что позволило расширить охват респондентов, улучшить качество заполнения анкет и проверить достоверность данных. Полученные в итоге 158 заполненных опросников предоставили важную информацию для всестороннего исследования и анализа текущего состояния сферы патриотического воспитания в китайских вузах на примере Цзилиньского университета.

Общая информация о респондентах:

— 146 обучающихся — студенты старших курсов, 12 — аспиранты, т. е. основная часть респондентов состояла из студентов старших курсов;

— 93 студента изучают гуманитарные и социальные науки, 65 — другие дисциплины;

— среди обучающихся — 19 членов Коммунистической партии Китая, 125 членов коммунистической лиги молодежи Китая и 14 студентов, принадлежащих к другим организациям. Иными словами, основную часть выборки составляли члены Коммунистической лиги молодежи Китая.

Метод интервью позволяет глубоко изучить отношение аудитории к исследуемой теме и дает много полезной информации, включая точные данные о взглядах и способе мышления респондентов.

Для достижения полного понимания роли патриотического воспитания в укреплении политической и культурной безопасности страны, а также для выявления текущего состояния и недостатков системы патриотического воспитания в китайских вузах было проведено интервью с 6 преподавателями и 6 учащимися разных колледжей Цзилиньского университета. Интервью в основном проводились онлайн в формате

«вопрос-ответ». В итоге было записано и систематизировано большое количество материала, который способствовал выполнению поставленных задач исследования.

Анализ результатов исследования.

1. Концепция национальной безопасности Китая.

Особое значение в системе национальной безопасности имеют духовные и политические ценности, определяющие существенные стороны жизни личности и общества. Поэтому эти вопросы являются ключевыми для развития страны в аспекте политической и культурной безопасности. Из анализа анкетных данных и материалов интервью становится ясно, что большинство респондентов понимают важность политической и культурной безопасности в системе общей национальной безопасности, но одновременно признают, что Китай сталкивается с серьезными проблемами в этих областях. Респонденты отмечают, что в условиях быстрого развития интернета западные ценности оказали определенное влияние на идеологию и ценности китайской молодежи.

Респонденты считают, что активное развитие патриотического воспитания способно эффективно решить указанные задачи, что оно может способствовать углублению их понимания истории и культуры страны, а также политического дискурса государства. Это, в свою очередь, поможет в решении проблем, связанных с политической и культурной безопасностью страны.

Рис. 1 отражает мнение опрошенных о том, что патриотическое воспитание в китайских университетах в целом играет важную роль в построении национальной безопасности с точки зрения «всестороннего понимания смысла национальной безопасности», «воспитания чувства патриотической ответственности» и «повышения осознания необходимости любви к родине и защиты страны», тем самым реализуя комплексный подход к национальной безопасности.

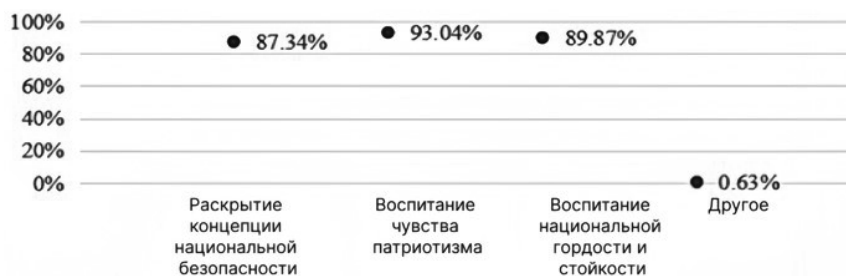

Рис. 1. Влияние патриотического воспитания в китайских вузах на реализацию комплексного подхода к национальной безопасности.

2. Патриотическое воспитание в китайских вузах достигло значительных результатов.

Исследование показывает достигнутые Цзилиньским университетом результаты в области патриотического воспитания как в теоретическом, так и в практическом плане. Преподаватели отмечают, что успехи студентов в сфере патриотического воспитания проявляются на всех уровнях образования, включая пять его ключевых составляющих: нравственное, интеллектуальное, спортивное, эстетическое и трудовое воспитание. При этом программы идеологической и политической подготовки постоянно совершенствуются. Кроме того, преподаватели подчеркивают важную роль характерных форм патриотического воспитания, в частности, уникальных исторических ресурсов университета, таких как Зал исторической славы Цзилиньского университета, Музей истории университета.

На Рис. 2 можно увидеть, что обучающиеся принимали активное участие в патриотических мероприятиях в среднем по разу в каждые 40 дней. На Рис. 3 показано, что 93,67 % обучающихся участвуют в патриотических, идеологических и политических мероприятиях.

Согласно данным, представленным на Рис. 4, занятия по патриотическому воспитанию в вузах включают такие темы, как «национальная и этническая история», «национальная традиционная культура», «национальные условия жизни», «международная ситуации» и др. Следует отметить, что «национальная и этническая история» является особо значимой темой. По данным анкетирования, 93,04 % опрошенных заявили, что этой теме в колледжах уделяется повышенное внимание.

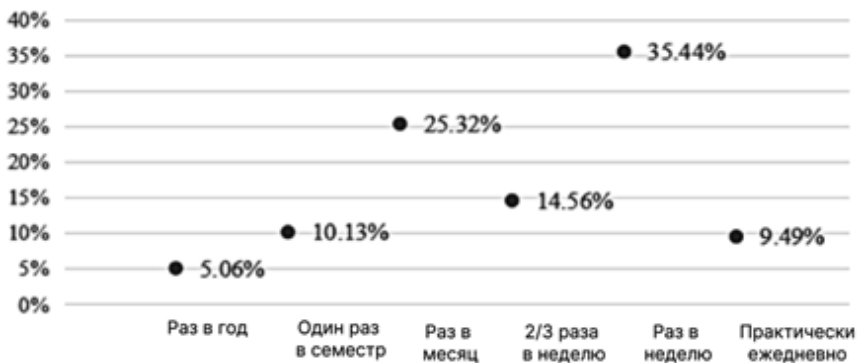

Рис. 2. Частота участия опрошенных в мероприятиях патриотического воспитания.

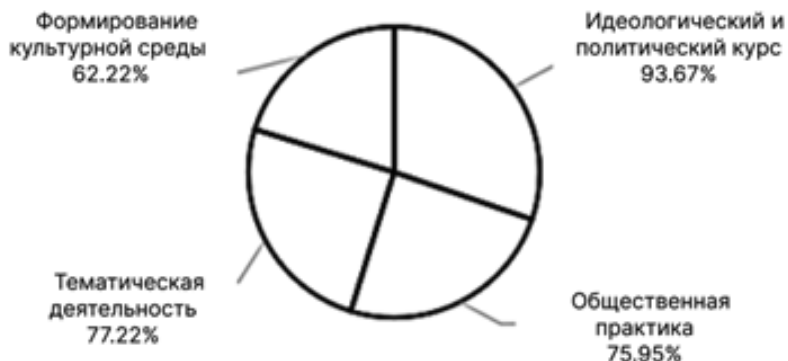

Рис. 3. Формы организации патриотического воспитания и доля участвующих в мероприятиях студентов.

Рис. 4. Аспекты патриотического воспитания на занятиях.

В целом на занятиях по патриотическому воспитанию студенты Цзилиньского университета успешно углубляют свое понимание различных аспектов политической и культурной безопасности. Как показано на Рис. 5 и 6, у большинства опрошенных в процессе патриотического воспитания развилось сильное чувство в области политической безопасности. Подавляющее число респондентов (93,76 %) соотносят стабильность политического строя Китая с руководящей позицией КПК и доминирующей марксистской идеологией, которая глубоко укоренилась в умах людей. Что касается национальной политической и институциональной безопасности, то здесь у респондентов сформировано относительно комплексное понимание, и в основном они пришли к согласию

относительно «приверженности руководству КПК», «приверженности социалистической системе, руководящим положениям марксизма», необходимости «вооружения студентов научно-методическими знаниями».

По материалам опроса можно сделать вывод, что большинство студентов правильно понимают идею патриотического воспитания и посредством такого воспитания формируют правильное представление о своей стране, ее истории. Опрошенные студенты в целом согласны с тем, что патриотическое воспитание в китайских вузах хорошо реализует комплексный подход к национальной безопасности и играет положительную роль в ее укреплении.

Рис. 5. Знания о политической безопасности, полученные студентами в ходе мероприятий патриотического воспитания.

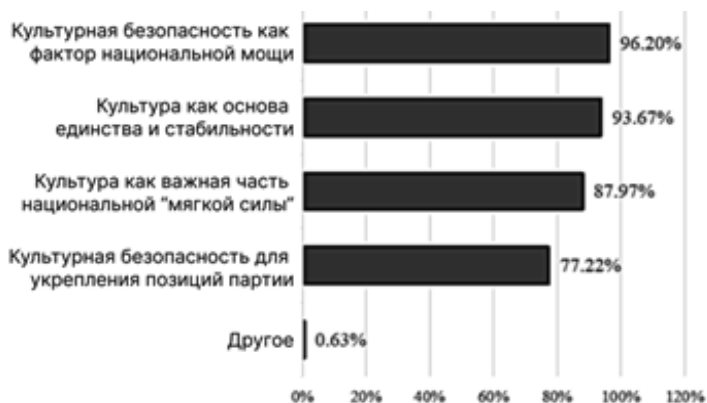

Рис. 6. Знания о культурной безопасности, полученные студентами в ходе мероприятий патриотического воспитания.

3. Проблемы патриотического воспитания в китайских университетах.

Несмотря на положительные результаты исследования, преподаватели, опрошенные в Цзилиньском университете, указали на существующие проблемы в нынешнем патриотическом воспитании. Они заметили, что форма патриотического воспитания однообразна и в большей степени основана на идейно-политическом курсе государства, что приводит к отсутствию долгосрочного эффекта в воспитании патриотизма. Что касается содержания патриотического воспитания, то некоторые преподаватели считают, что совмещение патриотического воспитания и личностного развития учащихся происходит в недостаточной степени. Некоторые преподаватели отмечают, что в вузах используется большое количество ресурсов идеологической направленности, но требуется усиление патриотического воспитания и в других учебных заведениях.

В результате проведенного исследования выявлено, что в вузах Китая существует формальное отношение к программам патриотического воспитания. Также был отмечен большой разрыв между теорией и практикой. Эти проблемы подтверждаются визуализацией, представленной на Рис. 7 и 8. По мнению опрошенных студентов, с точки зрения национальной и культурной безопасности государства содержание и организация гражданско-патриотического воспитания в китайских вузах требует более пристального внимания: необходимо проводить анализ конкретных мероприятий и обеспечивать их проведение финансовыми ресурсами. Более 70 % опрошенных свидетельствуют о довольно простых формах патриотического воспитания, о трудностях, связанных со стимулированием интереса студентов к политической и культурной безопасности страны.

В контексте воспитания студентов важным аспектом является осознание культурной безопасности. Согласно данным исследования, только 79,75 % опрошенных студентов отметили, что они знакомы с понятием «безопасность обычаев и привычек». Это свидетельствует о несовершенстве патриотического воспитания. Оно ориентировано в основном на формирование глубокого патриотического сознания, уважения к истории и традициям своей страны, поскольку повышение политической сознательности студентов взаимосвязано с культурной безопасностью. Однако получение знаний о самом понятии и содержании культурной безопасности является недостаточным: лишь 77,22 % опрошенных студентов осознают, что «культурная безопасность является важным фактором для укрепления правящего статуса партии».

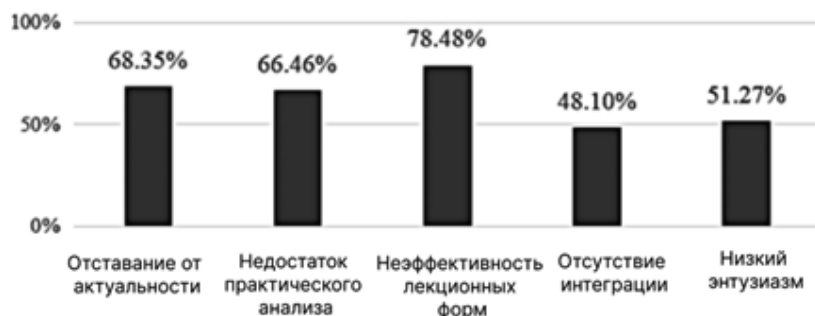

Рис. 7. Недостатки воспитания патриотизма в вузах в плане повышения уровня информированности студентов о национальной политической безопасности.

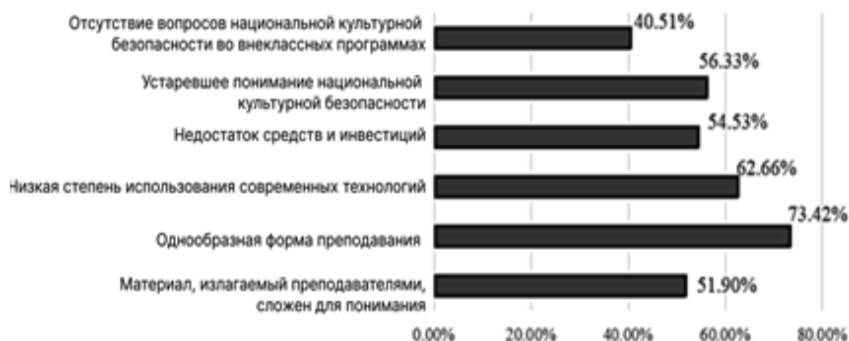

Рис. 8. Недостатки воспитания патриотизма в вузах в плане повышения уровня информированности студентов о национальной культурной безопасности.

4. Совершенствование мер по развитию патриотического воспитания в китайских колледжах и университетах.

Педагоги-респонденты отмечают, что воспитание патриотизма должно осуществляться на всех уровнях образования от начальной школы до университетов с учетом психологических особенностей и реальных потребностей учащихся. При этом подчеркивается, что следует использовать современные и инновационные способы воспитания, такие как встречи с выдающимися в своей профессиональной области деятелями и известными представителями молодежи, посещение мемориальных комплексов, просмотр фильмов патриотической тематики. Для достижения долгосрочных результатов необходимо усилить пропагандистскую работу, финансовую поддержку и уделять больше внима-

ния эффективности проводимых мероприятий. Как показано на Рис. 9 и 10, опрошенные студенты считают, что патриотическое воспитание должно быть улучшено путем отслеживания и обсуждения текущих событий в стране и мире, использования инновационных форм в обучении основам политики и безопасности, совершенствования механизмов обучения. 81,65 % студентов предлагают увеличить количество мероприятий социальной направленности для стимулирования интереса молодежи к общественным вопросам и повышения эффективности обучения.

Рис. 9. Предложения по совершенствованию патриотического воспитания в вузах с точки зрения национальной политической безопасности.

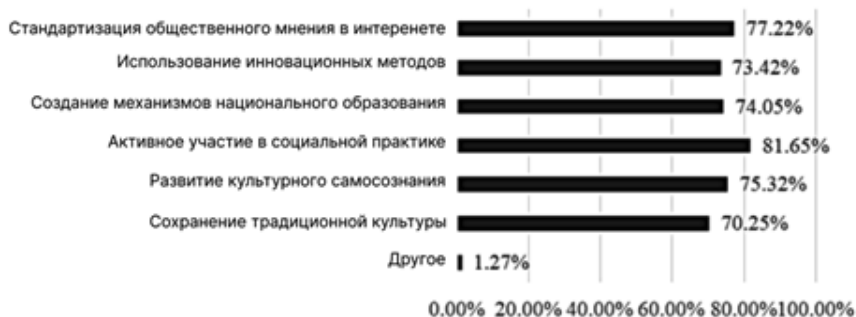

Рис. 10. Предложения по совершенствованию патриотического воспитания в вузах с точки зрения национальной культурной безопасности.

Таким образом, путем анкетирования и интервьюирования преподавателей и студентов Цзилиньского университета была выявлена положительная роль патриотического воспитания в колледжах и университетах Китая в обеспечении национальной политической и культурной безопасности. В Цзилиньском университете патриотическое воспитание представлено различными формами и видами, широким спектром мероприятий с активным участием студентов. При этом респонденты считают, что наряду с успехами в реализации программ патриотического воспитания все еще существуют проблемы, такие как недостаточная интеграция содержания патриотических программ с личностным развитием студентов, формальный подход и несоответствие между теорией и практикой.

С учетом имеющихся проблем в методическом плане предлагается совершенствование гражданско-патриотического воспитания в колледжах и университетах Китая посредством следующих способов:

1. Разработка и проведение практического обучения, которое позволит студентам изучать и в ходе практико-ориентированных мероприятий проявлять свой патриотизм. Участие студентов в мероприятиях социальной направленности, волонтерской службе и тому подобном поможет им развить чувство социальной ответственности и собственной миссии.

2. Расширение содержания образования, чтобы студенты могли глубже понимать историю и культуру своей страны. Реализация соответствующих курсов и мероприятий поможет повысить осведомленность студентов о культуре своей страны и укрепить уверенность в собственных культурных возможностях.

3. Укрепление общения между преподавателями и студентами с целью развития патриотических чувств у учащихся. Организация мероприятий по взаимодействию между преподавателями и студентами поможет последним лучше понять состояние их страны, укрепить чувство идентичности и принадлежности к своей родине.

4. Усиление работы по профессиональной подготовке преподавателей, подготовка преподавателей с высоким уровнем патриотизма. Это позволит улучшить качество образования и усилит вовлеченность студентов в процесс обучения и воспитания.

Обеспечение национальной безопасности является основной и приоритетной задачей государства, неотъемлемым фактором его выживания и развития. Патриотическое воспитание молодого поколения представляет собой форму культурной и политической деятельности, которая не только служит идеологической основой молодежной политики, но и способствует сохранению сильной национальной духовной силы в условиях глобального мирового культурного обмена и ин-

теграционных процессов. В контексте «новой эпохи» патриотическое воспитание в китайских вузах способствует укреплению политической и культурной идентичности молодежи, а также развитию у студентов знаний в области национальной безопасности, углублению их понимания политической и культурной безопасности в борьбе с влиянием глобализации на национальную безопасность Китая. В будущем патриотическое воспитание в китайских колледжах и университетах должно быть ориентировано на укрепление практического обучения. Также должен быть реализован комплексный подход к обучению основам национальной безопасности. Должна быть постоянная поддержка устойчивого и долгосрочного развития сферы образования с целью обеспечения молодежи ценностными ориентирами для построения архитектуры национальной безопасности на современном этапе развития страны.

Данное исследование поддержано исследовательским грантом: проект инноваций и предпринимательства для студентов колледжей Цзилиньского университета «Исследование патриотического идеологического и политического воспитания в колледжах и университетах с применением комплексного подхода к национальной безопасности — исследование на примере Цзилиньского университета».

Анкета «Патриотическое воспитание в университетах Китая с точки зрения комплексного подхода к национальной безопасности (Цзилиньский университет)»

1. На каком вы курсе?	Основная информация об опрошенных студентах для последующей классификации и статистики.
2. На каком вы факультете?	
3. Какова ваша политическая принадлежность?	
4. Как часто вы участвуете в мероприятиях по патриотическому воспитанию в колледже?	
5. Какое место, по вашему мнению, занимает политическая безопасность в системе национальной безопасности?	Политическая и культурная безопасность являются важными компонентами комплексного подхода к национальной безопасности. Этот вопрос исследует понимание студентами аспекта национальной безопасности.
6. Каков, по вашему мнению, статус культурной безопасности в системе национальной безопасности?	

7. Какой вид патриотического воспитания организован у вас в колледже?	Отражение современного состояния патриотического воспитания.
8. Что вы знаете о политической безопасности?	Понимание студентами специфического содержания политической и культурной безопасности, которое отражает достижения воспитания патриотизма в колледжах и университетах.
9. Что вы знаете о культурной безопасности?	
10. Как вы думаете, достаточно ли охвачено содержание патриотического воспитания в вашем колледже?	Специфическое содержание патриотического воспитания в колледжах и университетах и отражение текущей ситуации патриотического воспитания.
11. По вашему мнению, влияет ли воспитание патриотизма в колледжах и университетах на реализацию целостного подхода к национальной безопасности?	Понимание студентами связи между патриотическим воспитанием и комплексным подходом к национальной безопасности.
12. Какие знания по политической безопасности вы усвоили в процессе патриотического воспитания в колледже?	Студентов напрямую спрашивают о содержании национальной безопасности, изучаемом в рамках патриотического воспитания, и его применении в конкретной практике, что отражает достижения патриотического воспитания в колледже.
13. Как, по вашему мнению, следует поддерживать безопасность политического строя и государственной системы Китая? (Каковы ваши предложения по поддержанию безопасности государства?)	
14. Что вы узнали о национальной культурной безопасности в процессе патриотического воспитания в колледже?	
15. Что можно узнать о культурной безопасности в ходе патриотического воспитания в колледже?	

16. Какие, по вашему мнению, имеются недостатки в патриотическом воспитании в колледже, с точки зрения повышения осведомленности студентов о национальной культурной безопасности?	Студентов просят высказать свое мнение о недостатках патриотического воспитания в плане повышения осведомленности о политической и культурной безопасности. Это обеспечивает практическую основу для последующих рекомендаций.
17. Какие проблемы, по вашему мнению, существуют в патриотическом воспитании в колледже, с точки зрения повышения осведомленности студентов о национальной политической безопасности?	
18. Что касается национальной культурной безопасности, каковы ваши предложения по развитию патриотического воспитания в колледжах и университетах в новую эпоху?	
19. Есть ли у вас какие-либо предложения по улучшению патриотического воспитания в колледжах и университетах, с точки зрения национальной политической безопасности?	

Список литературы

1. Ариэль Дж. Становление патриотом-космополитом: вечное представление об израильском образовании // Журнал еврейского образования. 2023. Т. 89. № 1. С. 53—60.
2. Венчинг Ю. Ценность и подход патриотического воспитания в Новую эпоху для повышения политической идентичности студентов колледжей. Яньбяньский университет, 2022.
3. Дейонг Х. О реконструкции культурной политики учебных программ с точки зрения политической безопасности учебных программ // Современное управление образованием. 2023. Т. 8.

4. Лин Джей Си, Джексон Л. Патриотизм в нравственном воспитании: к рациональному подходу в Китае // *Journal of Moral Education*. 2022. V. 52. № 3. P. 1—19.

5. Линг Ян З., Бен-Ю Л. Идеологическое и политическое воспитание молодежи и национальная культурная безопасность // *China Education Journal*. 2020. V. 12. P. 82—86.

6. Макмаллен И. Опасности воспитания добродетельного патриотизма // *Журнал социальной философии*. 2021. Т. 52. № 3. С. 403—409.

7. Хонгбо С. Глобализация и национальная культурная безопасность. Цзинань: Изд-во Шаньдунского университета, 2009.

8. Хонгбо С., Юхуэй Дж. Анализ влияния преподавателей идеологии и политической теории на политическую идентичность студентов колледжа // *Школьное партийное строительство и идеологическое образование*. 2019. Т. 21. С. 63—66.

9. Хуэйлин Х. Формирование новой модели национальной культурной безопасности с учетом общей концепции национальной безопасности: китаизация марксистской теории и практики национальной культурной безопасности // *Фуцзяньский форум (Издание по гуманитарным и социальным наукам)*. 2022. Т. 10. С. 29—42.

10. Чантай Л., Хуэй З. От крови к этике: эмоциональный аспект патриотического воспитания в колледжах и университетах // *Исследования в области высшего образования Хэйлунцзяна*. 2009. Т. 9. С. 138—140.

11. Центральный комитет Коммунистической партии Китая и Государственный совет публикуют План реализации патриотического воспитания в Новую эпоху // *Бюллетень Государственного совета Китайской Народной Республики*. 2019. Т. 33. С. 8—15.

12. Цяньюань З. Особенности влияния национализма на студентов колледжей // *Школьное партийное строительство и идеологическое воспитание*. 2011. Т. 19. С. 12—15.

13. Юань Х. Исследование проблем и контрмер интеграции концепции культурной безопасности в идейно-политическое образование в колледжах и университетах на примере школы. Юго-Западный университет политических наук и права, 2021.

14. Ян З. Отставание социализма с китайской спецификой, мобилизация общественной поддержки, воспитание нового поколения молодежи, развитие китайской культуры и лучшее представление Китая миру для более эффективного выполнения миссии по продвижению идеологической работы в новой ситуации // *Жэньминь Жибао*. 2018-08-23. Т. 001.

15. Curren R., Dorn C. Patriotic Education in a Global Age: A brief introduction // *Journal of Social Philosophy*. 2021. V. 52. № 3. P. 377—382.

Сведения об авторах

Ли Мэнлун, кандидат исторических наук, старший преподаватель, Институт международных и общественных отношений Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай. E-mail: limenglong@jlu.edu.cn

Цзэн Цзин, студент Института международных и общественных отношений Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай. E-mail: 1789847292@qq.com

Кан Цзе, студент Института международных и общественных отношений Цзилиньского университета, г. Чанчунь, Китай. E-mail: 3435207719@qq.com

Богатырева Светлана Николаевна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой иностранных языков Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского. E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Чаленко Владлена Андреевна, магистрант по направлению подготовки «Педагогическое образование», Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского. E-mail: v.chalenko@mgutm.ru

Information about the authors

Li Menglong, Candidate of Historical Sciences, Senior lecturer of the School of International and Public Affairs, Jilin University, Changchun, China. E-mail: limenglong@jlu.edu.cn

Zeng Jing, Student at the Institute of International and Public Relations, Jilin University, Changchun, China. E-mail: 1789847292@qq.com

Kang Jie, Student at the Institute of International and Public Relations, Jilin University, Changchun, China. E-mail: 3435207719@qq.com

Bogatyryova Svetlana Nikolayevna, Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Head of the Department of Foreign Languages, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management. E-mail: svetlana-690204@mail.ru

Chalenko Vladlena Andreyevna, Master's degree student, direction of training «Pedagogical education», K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management. E-mail: v.chalenko@mgutm.ru

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

УДК 94(47)

А.В. Малов
A.V. Malov

**ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ
С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «КАЗАЧЕСТВО
НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ
И К 360-ЛЕТИЮ БИТВЫ ПОД БЕЛОЙ ЦЕРКОВЬЮ»
ALL-RUSSIAN SCIENTIFIC CONFERENCE WITH
INTERNATIONAL PARTICIPATION «COSSACKS IN
THE SERVICE OF THE FATHERLAND: ON THE 80TH
ANNIVERSARY OF THE GREAT VICTORY AND THE 360TH
ANNIVERSARY OF THE BATTLE OF BELAYA TSERKOV»**

7—8 ноября 2024 г. МГУТУ им К.Г. Разумовского провел ежегодную многопрофильную всероссийскую научную конференцию с международным участием «Казачество на службе Отечеству». Конференция проводилась в рамках исполнения пункта 31 «Плана мероприятий на 2024—2026 гг.» по реализации «Стратегии государственной политики Российской Федерации в отношении российского казачества на 2021—2030 годы». Соорганизатором в работе конференции 2025 г. выступило ФГБУ «Российская государственная библиотека».

Научный форум этого года был посвящен 80-летию Великой Победы нашей страны в войне с гитлеровской коалицией 1941—1945 гг., а также 360-летию победы объединенных российских войск в битве под Белой Церковью, в которой Войско Запорожское участвовало на стороне России в войне 1654—1667 гг. с Речью Посполитой за возвращение утраченной в Смуту Смоленской земли и присоединение к России южно-русских земель.

80-летие победного окончания Великой Отечественной войны отмечается людьми доброй воли всего мира как священный праздник победы в смертельной схватке с наиболее агрессивными человеконенавистническими нацистскими режимами Европы, угрожавшими самому существованию многих стран и народов. Битва же под Белой Церковью (21.05.1665) стала одним из последних сражений 13-летней Русско-польской войны. В этой битве объединенные российские войска, состоявшие из собственно русских отрядов Федора Протасьева и российских поданных — калмыков тайши Капчюка и малороссийских казаков во главе с полковником Яковом Лизогубом, составивших основную часть россий-

ского отряда, одержали решительную победу над польскими войсками Станислава Яна Яблоновского. Это сражение стало завершающей победой объединенных российских войск над вооруженными силами Речи Посполитой и ее союзников перед подписанием Андрусовского перемирия 1667 г., в рамках которого за Россией признавалось право владеть Левобережной Малороссией с Киевом, Смоленской и Северной землями. Эти приобретения окончательно были закреплены в составе России условиями Вечного мира 1686 г., который утвердил нашу страну в качестве регионального лидера — сильного государства имперского типа от Киева до Тихого океана. Сражение у Белой Церкви — важное историческое событие, задавшее научную повестку конференции: победоносная война за Смоленск и Малороссию, участие в ней казачества, состояние военного дела (особенно в казачьих сообществах), решающий успех в борьбе с главным геополитическим противником России на данном этапе — Речью Посполитой, элита казачьих сообществ со времен Средневековья по настоящее время.

Конференция прошла в формате пленарного заседания и трех секционных — двух исторических и одной педагогической. Пленарное заседание было построено в формате круглого стола «К 80-летию Великой Победы» и открылось общей молитвой. Далее в своих видеообращениях и письмах участников конференции приветствовали руководители и представители руководства Администрации Президента РФ, Министерства науки и высшего образования, Федерального собрания Государственной Думы РФ, Всероссийского казачьего общества и Российской государственной библиотеки. Переходя к содержательной части научной встречи, собравшихся ученых-исследователей, преподавателей и учащихся приветствовал ректор МГУТУ доктор философских наук Арсений Станиславович Миронов.

Круглый стол открыл профессор Алексей Николаевич Кураев своим обзором участия казаков в Великой Отечественной войне против нацизма. Более обстоятельно и детально эту же тему представил кандидат исторических наук Роман Николаевич Евдокимов, раскрывший состав, организацию и динамику численности казачьих формирований в составе РККА. Тему участия казачества в ВОВ продолжил доклад профессора, доктора исторических наук Андрея Вадимовича Венкова, посвященный казачьим формированиям Красной армии, а также участию казаков в боях в составе пехоты и артиллерии. Докладчик, базируясь на опубликованных и неопубликованных документах и исследованиях, уточнил ряд деталей истории казаков-коллаборационистов, в том числе отметив преувеличение их числа в некоторых публикациях 1990-х — 2000-х гг. Доклад доцента научного центра АН КНР Ивана Юрьевича Юрченко поставил проблему противоборства советской и нацистской

идеологий в борьбе за влияние на казачество в годы Второй Мировой войны в контекст изучения пропагандистской войны двух историографий. Вопросам патриотического воспитания через призму исторической памяти посвятила свое выступление директор Департамента специальных проектов РГБ Наталья Сергеевна Матвеева. Тему коллаборации с нацистами продолжил профессор Олег Валерьевич Ратушняк, уточнив характер и масштаб участия казаков во Второй Мировой войне на стороне Германии. Объектом его исследования стали как казаки-эмигранты, так и казаки из советских граждан. Докладчик проанализировал причины поддержки Гитлера частью казачества, отношение руководства Третьего Рейха к казачеству, основные направления сотрудничества казачества с нацистской Германией.

В ходе обсуждения докладов круглого стола прозвучали интересные наблюдения и выводы. В частности, А.В. Венков, опираясь на новейшие исследования, отметил, что при комплектовании в составе Вермахта скандально известных казачьих подразделений Гельмута фон Панвица в число казаков было записано большое количество коллаборантов из числа бывших граждан СССР, не имевших к казакам никакого отношения. Также в ходе дискуссии по докладу всплыли любопытные сведения из личного общения «в кулуарах» научных форумов с некоторыми украинскими историками и археологами еще до 2014 г. — о подписании ими «экспертных заключений» по обнаруженным в годы существования независимого Украинского государства захоронений жертв массовых казней местных жителей на Донбассе в годы Великой Отечественной войны с перекладыванием ответственности за эти расправы на НКВД СССР без проведения реальных остеологических и баллистических экспертиз, руководствуясь исключительно политическими принципами петлюровско-бандеровской идеологии, скрывающей под маской антисоветизма свою русофобскую суть: «А немцам зачем их убивать, немцы — культурная нация».

Тема круглого стола продолжила звучать и в некоторых секционных докладах, например, в открывшем педагогическую секцию докладе профессора Андрея Бондовича Бакурадзе об актуальности изучения в вузах и школах зверств нацистов и их пособников на оккупированных территориях Советского Союза (на примере казачьих территорий). Докладчик поделился опытом раскрытия этой темы в учебных курсах, учебных и учебно-методических пособиях. Теме 80-летия Великой Победы и исторической связи эпох Великой Отечественной войны и Ивана Грозного посвятил свой доклад аспирант истфака МГУ Владимир Анатольевич Прокошев, проанализировавший переиздание в 1942 и 1944 гг. монографии Р.Ю. Виппера, посвященной биографии «грозного» царя.

Эхом темы круглого стола прозвучали доклады исторических секций Татьяны Кимовны Махровой, Григория Николаевича Бибикова и Александра Витальевича Малова. Два последних были посвящены деду и полному тезке Г.Н. Бибикова, известному историку Смуты Григорию Николаевичу Бибикову, погибшему в августе 1942 г. при освобождении деревни Передель Орловской области. Доклад его внука, старшего научного сотрудника ИРИ РАН, был посвящен реконструкции биографии историка и его боевого пути в рядах Красной армии — по переписке военных лет, дневнику и воспоминаниям родных. Доклад директора Научного центра истории казачества МГУТУ А.В. Малова раскрыл значимый вклад Г.Н. Бибикова в изучение истории Смутного времени начала XVII в. Несмотря на свой короткий век и суровые условия научного творчества, историк успел открыть и ввести в научный оборот новые источники по истории Смуты, а его научно-популярная брошюра «Минин и Пожарский» вышла из печати накануне гибели автора. Наиболее значимые исследования Г.Н. Бибикова были опубликованы уже после его смерти и доньше не потеряли актуальности. Он впервые в историографии обратил внимание на первую попытку военных реформ князя М.В. Скопина-Шуйского в 1609—1610 гг. по применению и адаптации в России передового западного опыта формирующейся линейной тактики и полевой фортификации. А его реконструкция боев Первого и Второго ополчений, значительную часть которых составляло вольное российское казачество, с войсками гетмана Яна Кароля Ходкевича за Москву в 1612 г. не только более чем на полвека «закрывает» данный вопрос в историографии, но и до сих пор лежит в основе большинства научных описаний этих драматических событий.

1-ю историческую секцию «Русско-польская война 1654—1667 гг. и утверждение Российского царства от Киева до Тихого океана» открыл доклад члена Союза писателей России Натальи Валерьевны Ирениной, посвященный полковнику Войска Запорожского Якову Кондратьевичу Лизогубу. Последний в чине наказного гетмана командовал контингентом запорожцев в битве под Белой Церковью 1665 г. Докладчик рассмотрел аспекты его биографии, в частности, не вполне проясненные вопросы нобилитации представителей рода Лизогубов в XVII в. в Речи Посполитой и в России, а также спорные вопросы генеалогии этого рода, одного из знатнейших в Малороссии в XVIII в.

Предметом исследования историка из Мариуполя Юрия Валерьевича Рябухи стал бой русско-казацкой армии с польским войском под Городком в сентябре 1655 г. На основе источников автор доклада провел реконструкцию хода боя и сделал вывод, что победа русских войск была одержана за счет взаимодействия сил: казаки добыли победу в ночном бою, обеспечив отряду Г. Ромодановского беспрепятственный

выход на поле боя, а конница, солдаты и стрельцы разгромили в решающем бою главные польские силы. Победа под Городком позволила отбросить польские войска от Львова и приступить непосредственно к осаде города. Перспективы использования летописных материалов и опубликованных разрядных книг для составления послужной росписи другого полководца этой войны — князя Юрия Никитича Барятинского проанализировал и оценил в своем докладе историк из МГУТУ Дмитрий Алексеевич Трапезников.

Яркую панораму первых контактов русских казаков Волги, Дона и Яика с Ногайской ордой в период втягивания ногайцев в орбиту влияния Московского государства и признания ими власти «белого царя» в XVI столетии представил в своем докладе ведущий специалист по истории русско-ногайских отношений Максим Владимирович Моисеев. Дальнейшее движение России на Восток отразил доклад петербургского историка Егора Андреевича Багрина, осветивший учреждение конной казачьей службы в Забайкалье во второй половине XVII в. Белгородский исследователь Владимир Михайлович Жигалов на материалах сметной книги городов Белгородского разряда за 1687 г. наглядно показал, сколь значительное число донских и орешковских казаков «прибралось» в служилые люди городов Белгородской черты. Работу 1-й секции завершил доклад Андрея Николаевича Черкасова, руководителя Албазинской археологической экспедиции, познакомивший слушателей с последними находками экспедиции на территории Албазинского острога, который недолгое время был вольным казачьим укреплением, не подчинявшимся центральной власти. Героическая оборона казаками Албазина (1686) поставила предел территориальным претензиям маньчжурской династии Цинской империи.

Доклады участников 2-й исторической секции «Казачьи биографии: герои и антигерои» были посвящены биографии политических деятелей России, выдающихся представителей науки и культуры. Старший научный сотрудник ИРИ РАН Олег Александрович Курбатов, опираясь на новонайденное челобитье десятника сибирских конных казаков города Тары Григория Алексея 1630 г. о назначении его атаманом тех же казаков «за прежние службы», установил его идентичность с атаманом вольных казаков Смутного времени 1612—1617 гг. Это позволило историку связать в звенья единой биографической цепи разрозненные сведения об этом незнатном и небогатом военном вожде, отличившемся среди прочего в обороне Тихвина от шведов в 1613 г. Это также позволило дополнить список известных героев «Тифинского сидения».

С биографией Григория Алексея перекликается судьба другого сибирского и волжского казака, члена Ермаковой дружины при завоевании Сибирского ханства — Саввы Болдыря, которому посвятил свой до-

клад один из крупнейших специалистов по истории покорения Сибири Николай Иванович Никитин. Источниковедческий анализ историографии и письменных источников позволил докладчику убедительно доказать участие этого казака в «Ермаковом взятии» Сибири и проследить его дальнейшую службу на зауральских территориях.

Профессор МГУ и проректор МГУТУ по научной работе Дмитрий Михайлович Володихин посвятил свой доклад служению Отечеству и трагической гибели выходца из донских казаков вице-адмирала Михаила Коронатовича Бахирёва, героя обороны Порт-Артура, успешно руководившего действиями ударных сил Балтийского флота в годы Первой Мировой войны и выигравшего сражение с немецкой эскадрой у острова Готланд.

Доклад научного сотрудника Научного центра истории казачества МГУТУ Юрия Сергеевича Пыльцына продолжил тему трагической истории Русской смуты начала XX в. Доклад был посвящен трем лицам, возглавлявшим Терское казачье войско в 1917—1920 гг.: атаману Михаилу Александровичу Караулову, и. о. атамана Льву Ефимовичу Медянику и атаману Герасиму Андреевичу Вдовенко. Историк удалось уточнить отдельные моменты их биографий (в частности, конкретизировать место убийства есаула Медяника). Были проанализированы задачи, стоявшие перед лидерами терского казачества, и пути их решения исходя из ситуации в регионе и государстве, выделена социальная опора внутри терского казачества.

100-летию со дня рождения челябинского историка, заслуженного деятеля науки РФ профессора Андрея Петровича Абрамовского посвятила свое выступление профессор Южно-Уральского государственного университета Татьяна Кимовна Махрова. А.П. Абрамовский продолжил традицию сбора и изучения материалов по истории Оренбургского казачьего войска, заложенную в XIX в. казаками-исследователями Оренбургской ученой архивной комиссии. Созданная А.П. Абрамовским научная школа историков и краеведов стала важным вкладом в возрождение казачества на Южном Урале. Доклад Т.К. Махровой раскрыл многие страницы биографии этого выходца из казачьей семьи, педагога и организатора науки, а в годы Великой Отечественной войны бойца Красной армии, участника Сталинградской битвы и освобождения Европы в составе гвардейского полка авиации дальнего действия.

3-я секция «Традиции казачества в образовании: от истории к современным практикам воспитания» носила педагогический методологический характер для педагогов и образовательно-воспитательный — для студентов и аспирантов. Профессорско-преподавательский состав МГУТУ в лице С.Е. Шишова, А.Н. Андреева, Н.Д. Котовчихиной, М.Ю. Чернавского, Н.Е. Шафажинской при участии гостей из Белоруссии доцентов

С.Ю. и М.Л. Лебедевых осветил ряд вопросов истории и культуры казачества в контексте гуманитарно-педагогических методик и практик. Тема казачества, в том числе в эпоху Великой Отечественной войны, прозвучала не только в историко-педагогическом ракурсе, но и в преломлении социологии и философии, филологии и литературоведения, культурологии и психологии. Вторая часть секции носила характер молодежного научного форума, на котором 4 студента и 4 аспиранта представили свои научно-исследовательские работы. Этот ценный опыт воспитания в учащихся научного подхода к исследованию, аналитических способностей, необходимого в науке критического мышления, умения видеть проблему и формулировать свои мысли стал доброй традицией научных форумов МГУТУ. В завершение секции руководитель творческих коллективов «ЯР» и «Казачья станица» Виктор Андреевич Артемьев поделился своим опытом патриотического воспитания подрастающего поколения в полевых условиях в рамках проекта «Своих не бросаем».

Научные статьи по материалам докладов конференции готовятся к публикации.

Сведения об авторе

Малов Александр Витальевич, кандидат исторических наук, директор Научного центра истории казачества Московского государственного университета технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Information about the author

Malov Alexander Vitalievich, Candidate of Historical Sciences, Director of the Scientific Center of the History of the Cossacks, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University).

Рецензируемое учебное пособие Д.М. Володихина «Теоретические основы исторического источниковедения» издано в значительной степени как материал, пригодный не только для обучения студентов, но и для обновления дискуссий, ранее вспыхивавших в исторической науке вокруг вопросов о характере и роли источниковедения. Мы публикуем материалы дискуссии в виде двух полемических отзывов на книгу Д.М. Володихина.

УДК 930.22 + 930.23

Г.Н. Ланской
G.N. Lansko

**НОВОЕ УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ
В ОБЛАСТИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ
THE NEW EDUCATIVE EDITION
IN SPHERE OF SOURCE STUDIES**

Володихин Д.М. Теоретические основы исторического источниковедения: Учебное пособие. М.: «Снежный Ком», 2025. 112 с.

Систематизация и обобщение представлений в области теории представляют собой естественную потребность для развития любой области знаний. При этом механизм исследовательской деятельности зависит от ее специфики. Применительно к источниковедению исходные обстоятельства развития, возникшие, например, в России в первой половине XVIII в., были связаны со стремлением В.Н. Татищева, А.Л. Шлёцера и некоторых других специалистов выявить из числа целенаправленно собиравшихся ими манускриптов документальную базу для авторского изложения канвы исторических событий. Данная практика по мере ее реализации подводила исследователей к формированию методического опыта, который еще со времен картезианства как в метафизической, так и в рационалистической интерпретации идентифицировался в качестве критического. Знания, с одной стороны, о методе, а затем, в расширявшихся инструментальных масштабах, о методах работы с источниками и, с другой стороны, об открывающейся историку совокупности информационных ресурсов подводили к теоретическим наблюдениям. Следовательно, развитие источниковедения шло от практики к методике и далее от методики к теории.

Теория вполне естественно подпитывалась методологией, в рамках которой на рубеже XIX—XX вв. вполне четко определились два направления — позитивистское и феноменологическое. Первое из них было более удобным в применении. Особенно отчетливо это проявилось в России, где до конца 1980-х — 1990-х гг. история, а также подкреплявшие ее развитие в научных рамках специальные исторические

дисциплины (например, источниковедение) имели предметом своего когнитивного развития социальные процессы, механизмы образования и смены формаций, значимые для ретроспективы происходивших событий группы общества и, наконец, человека как просоциально или, напротив, антисоциально действующего субъекта. Феноменологическое направление с его концентрацией на практическом и особенно духовном существовании конкретных людей как феноменов было для этой парадигмы чужеродным. Интерес к нему с опорой на произведения экзистенциалистов, теоретико-методологические гипотезы А.С. Лаппо-Данилевского, учение о менталитете представителей школы «Анналов» возник в отечественной историографии в 1990-е гг.: последняя стала концентрироваться на выявлении точного гуманитарного знания о когнитивных процессах в мировоззрении и, в широком смысле, в психике человека.

Позитивистское направление приобрело не антропоцентричный, а информационный вектор развития. В первой главе учебного пособия Д.М. Володихина «Теория источниковедения» данная вполне обоснованная и многократно подтвержденная практическим образом ориентация прослеживается вполне четко. В доступной для восприятия обучающимися форме (следует подчеркнуть, что адаптивность поведения является одним из главных положительных свойств рецензируемого дидактического произведения) автор представляет вполне стройную систему знаний.

Во-первых, он руководствуется не вызывающим существенных возражений определением источника, которое было сформулировано, в частности, С.О. Шмидтом. В качестве главного признака, идентифицирующего этот объект среди иных познаваемых элементов действительности, обозначается информация. Во-вторых, Д.М. Володихин принимает за основу ту типологическую классификацию, которая после многих дискуссий (в которых участвовали С.О. Шмидт, Л.Н. Пушкарев, некоторые другие известные авторы) была сформулирована И.Д. Ковальченко. Помимо использования в ней универсально и последовательно применяемого признака, что всегда можно признать достоинством, она является наиболее простой в применении, поскольку самодостаточность письменных, вещественных, изобразительных и звуковых источников в когнитивном поле историка не может вызывать сомнений.

В-третьих, автор учебного пособия предлагает вполне четкую трактовку ключевого для любого используемого историками текста понятия достоверности. Она основана на дихотомии нарративного и оценочного подходов к изложению исторических фактов и на исходном осознании того, что причиной использования данного экспертно-аналитического критерия является субъективность практически любого

целенаправленно созданного человеком свидетельства как о собственном прошлом, так и о минувших обстоятельствах жизни других людей. В-четвертых, Д.М. Володихин, используя, в частности, понятие «памятник», предлагает вполне четкую для восприятия студентами дифференциацию историографических и документальных исторических источников. Наконец, в завершающей части этой главы, по своему содержанию находящейся в теоретико-методологическом тренде научно-педагогической школы МГУ им. М.В. Ломоносова, автор дает скептическую оценку попыткам модернизировать источниковедение, которые активно предпринимались в РГГУ в 1990-х — 2000-х гг. для позиционирования новой универсальной образовательной модели, которая, как утверждали ее идеологи, была гуманитарно ориентированной.

Изложив не вызывающий существенных возражений и не обладающий при этом какими-либо значимыми инновационными элементами материал, Д.М. Володихин переходит к рассмотрению других тем, которые, на наш взгляд, выходят за рамки заявленной тематики учебного пособия. При этом данная констатация является только наблюдением без какой-либо позитивной или негативной оценки, поскольку стремление развить повествование от изложения основ является вполне закономерным и, наверное, призвано гарантировать восприятие данного дидактического текста как новаторского по форме и содержанию. Однако для обеспечения еще более четкого и не многозначного понимания данного подхода, вероятно, стоило написать о том, почему в учебном пособии выбран предметно-тематический ракурс, включающий в себя, с одной стороны, видовую группу записок иностранцев о России и, с другой стороны, достаточно эклектичную по методике научного освоения проблему персонализации восприятия прошлого в исторических источниках. Конечно, дидактическое «закольцовывание» повествования помещенными в приложениях эссе под названиями «Для кого пишет историк?» и «Искусство компромисса. Ремесло историка в сумерках высокой культуры», по всей видимости, призвано провести логическую линию между изложением базового теоретического материала и примерами личной творческой деятельности автора в сфере решения конкретных исследовательских задач, но данный подход представляется весьма дискуссионным.

Описание во второй главе вопросов работы с источниками иностранного происхождения по истории России применительно к периоду с IX по XVIII в. осуществлено в двух нестандартным образом переплетенных моделях изложения материала. С одной стороны, автор в несколько сбивчивой, на наш взгляд, форме стремится показать, как информация об этих текстах сообщалась его предшественниками при выборе данного корпуса текстов. В частности, среди учебной литературы им выбраны

дидактические тексты, написанные М.Н. Тихомировым, а затем в XXI в. А.Г. Голиковым и Т.А. Кругловой. С другой стороны, автор излагает свои собственные суждения о том, к каким из этих источников стоит обратиться в рамках учебного процесса и какими убеждениями при обучении работе с ними должен руководствоваться педагог. Убедительность данных суждений, изложенных в достаточно категоричной форме, вызывает некоторые сомнения по двум причинам. Во-первых, расширение круга иностранных источников в общем курсе по источниковедению истории России вряд ли стоит считать целесообразным в силу вероятности ненужного, на наш взгляд, «перекоса» в данную объектную область. Во-вторых, при согласии с мифологичностью представлений об однозначной русофобской направленности содержания большинства иностранных источников стоит не согласиться с тем, что эти тексты имеют главным образом нарративный характер и не ориентированы на какие-либо интерпретации, поскольку, опять же на наш взгляд, любые авторские записки о каком-либо объекте (даже дневниковые записи) имеют под собой субъективную основу.

Третья и четвертая главы посвящены теме персонализации истории, в том числе в источниках личного происхождения. Поскольку они включены в состав учебного пособия, выбранный Д.М. Володихиным жанр изложения материала в этих структурных частях вызывает сомнения с точки зрения традиционной дидактики. Он представляет собой рассуждение о том, с какой целью в методологическом и практическом отношении стоит больше обращаться к источникам о жизни и деятельности конкретных людей. Свой не вызывающий сомнений вывод автор обосновывает в первую очередь ссылками на работы исследователей, занимавшихся, с одной стороны, вопросами методологии исторического познания и, с другой стороны, биографическим течением в научных исследованиях. Оставляя за рамками, в силу его несоответствия выбранному направлению дидактической рефлексии, вопрос о наличии широкого круга нуждающихся в изучении тем по социальной и институциональной истории, Д.М. Володихин высказывает свою точку зрения по начавшейся на рубеже 1980-х — 1990-х гг., в условиях снижения популярности марксистской методологии, дискуссии о приоритетной ценности для исследователей макро- или микроистории. Поскольку, на наш взгляд, этот вопрос не имеет решения в силу многообразия исторического процесса и зависит от историографических предпочтений конкретных авторов, отстаивание с приведением общепhilosophических и конкретных фактических примеров приоритетности значения микроисторического познания представляется излишним.

Обращаясь к дополнительным дидактическим материалам в учебном пособии (список рекомендуемой литературы, где преобладает

ют дидактические работы других авторов, прежде всего профессоров и преподавателей исторического факультета МГУ, и контрольные вопросы, которые могут быть представлены в любом учебнике по источниковедению отечественной истории), можно прийти к выводу о том, что их содержание в существенной мере диссонирует с содержанием конкретного рецензируемого текста. С одной стороны, они за исключением первой и отчасти второй главы выходят, в силу своей очевидной связи с многообразием конкретных видов источников не только личного, но и в большой мере официального происхождения, за рамки содержания учебного пособия, что сложно признать методически допустимым. С другой стороны, исходя из содержания этих материалов почти невозможно определить критерии отбора тех источников, которые Д.М. Володихин выбрал для обозрения в написанном им тексте среди всей совокупности документальных памятников и других произведений, отражающих события отечественной истории не только досоветского, но также советского периода. Впрочем, само название учебного пособия и, вероятно, планировавшееся соответствующее ему содержание данного издания не требовало от автора четко артикулированного подхода к отбору тех источников, на которых он сформировал и изложил свои наблюдения.

В целом рецензируемый текст свидетельствует об оригинальном, отличающемся высокой степенью нестандартности подходе автора к восприятию методики преподавания источниковедения. Определив соответствующую сложившейся традиции модель теоретических представлений и остановившись на ней для последующего повествования, Д.М. Володихин далее выбрал для описания и интерпретации наиболее интересную для него как для исследователя проблематику. Высказанные им в наиболее примечательных с точки зрения данного исследовательского подхода третьей и четвертой главах наблюдения и выводы не являются ни спорными, ни, с другой стороны, инновационными, поскольку автор в основной части этих текстов в основном обобщает высказывания других специалистов и дает рекомендательные по стилю предложения исходя из этих суждений. Текст второй главы также главным образом базируется на историографическом подходе к рассматриваемой проблематике, что, собственно, определяет его информационную ценность. Однако оценивать работу Д.М. Володихина в качестве учебного пособия на основании традиционных дидактических критериев крайне сложно, потому что за исключением первой главы оно, формально имея элементы такого рода издания (вопросы для контроля знаний, список рекомендуемой литературы), в реальности не обладает такими качествами, как четкая системность и репрезентативность информационной базы.

Сведения об авторе

Ланской Григорий Николаевич, доктор исторических наук, профессор Российского государственного гуманитарного университета.

Information about the author

Lanskoy Grigoriy Nikolayevich, Doctor of Historical Sciences, Professor at the Russian State University for the Humanities.

Г.А. Елусеев
G.A. Eliseyev

**НОВЕЙШИЙ ТРУД ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ
ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ
THE NEWEST WORK ON THEORETICAL
SOURCE STUDIES**

Володихин Д.М. Теоретические основы исторического источниковедения: Учебное пособие. М.: «Снежный Ком», 2025. 112 с.

В настоящее время книг по теории почти не пишут. Исторический период не располагает — образованное общество стало слишком суетным, поверхностным, презирающим глубокие раздумья и требующим немедленного прикладного результата. Тем приятнее ознакомиться с глубоким и оригинальным теоретическим трудом, да еще и подготовленным известным историком — профессором МГУ, доктором исторических наук Д.М. Володихиным. И хотя книга «Теоретические основы исторического источниковедения» определена и автором, и издательством как учебное пособие, ее содержание сложнее и обширнее тривиального учебника. В небольшом по объему тексте затрагивается значительный спектр вопросов источниковедения, и сделано это и с глубоким пониманием темы, и с неприкрытым энтузиазмом. Впрочем, иногда явный и почти эмоциональный подход к анализу теории создает ощущение некоего перебора — стремление Д.М. Володихина с ходу разрубить гордые узлы теоретического источниковедения порой начинает выглядеть слишком категоричным.

Пособие разбито на следующие главы: 1. «Теория источниковедения»; 2. «Иностранные источники по истории России IX—XVIII столетий в курсе “Источниковедение истории России”»; 3. «Христианский персонализм и персональная история. Подбор источников в рамках персоналистического исследования»; 4. «О низвержении “священных” источников и возвращении чистых имен». В приложении даны две дополнительные главы, ранее публиковавшиеся в виде отдельных статей: «Для кого пишет историк?» и «Искусство компромисса: ремесло историка в сумерках высокой культуры». К каждой главе поставлены вопросы для самостоятельной работы и самопроверки знаний, а в конце книги приведен список рекомендуемой литературы и примерные темы для рефератов.

Все разделы учебника интересны и информативны, но особенно свежей и оригинальной выглядит глава 3. Сам автор пособия достаточно много занимался именно персональной историей — хорошо известны его биографические труды, посвященные выдающимся личностям

XVI—XVII вв., выходявшие в сериях «ЖЗЛ» (издательство «Молодая гвардия») и «ВИП» (издательство «Вече»). Поэтому искреннее внимание к конкретному актору истории, к ее субъекту проявляется и в подходе Д.М. Володихина к процессу развития исторической науки. Историк, как следует из рассуждений автора книги, никогда не сможет быть искусственно объективным и отстраненным от основы собственного мировоззрения. Д.М. Володихин даже специально подчеркивает: «В Новое и Новейшее время апелляция к объективности стала хорошим тоном, однако она не должна обманывать историка: через полстолетия ученые грядущего будут легко различать в “объективных” статьях, книгах и даже учебниках явные маркеры, скажем, либерально-гуманистического, этатистско-социалистического мировоззрения или же консервативно-традиционалистского» (с. 8—9).

Подобный подход совершенно справедливо распространяется автором и на изучение источников, когда понимание мировоззренческой позиции создателя конкретного источника позволяет историку подготовиться к столкновению со многими важными проблемами, возникающими при анализе источникового материала: появление возможных темных пятен, фигур умолчания, нарочитое смещение акцентов при фиксации сведений о прошедших событиях и т. п. Такая установка оказывается весьма продуктивной именно в рамках «персонализации позиции автора источника» и принципиально далека от вульгарной социологии, сильно искажавшей восприятие событий прошлого в первые годы существования советской исторической науки.

И содержание учебного пособия, и сам факт выхода его в свет заслуживают самой положительной оценки, а автор — искренних поздравлений со столь высокоинтеллектуальной и результативной работой. Студенты, несомненно, продуктивно используют книгу Д.М. Володихина для пополнения своих знаний, а потому главную свою задачу она, конечно, выполнит. Однако при чтении пособия все же возникают кое-какие побочные вопросы, вызванные глубокой проблемностью теории исторического источниковедения. В самом тексте книги отразился ряд спорных моментов, которые хотелось бы специально оговорить.

Например, странным выглядит несколько презрительное замечание Д.М. Володихина об источниковедении XX в.: «С точки зрения автора этих строк, заслуги источниковедческой мысли XX столетия сравнительно невелики. Фундамент, заложенный в период между Ранке и Виндельбандом, остается наиболее здоровой частью теоретического источниковедения. Предпринятые с тех пор попытки модернизации нередко подвергали его разрушительному воздействию, но в большинстве случаев оказывались бесплодными в отношении практической работы историка» (с. 25—26).

Это почему же так резко? Источниковедение в XX в. активно развивалось и с точки зрения совершенствования инструментария, и в плане развития теории. Например, можно вспомнить сложную дискуссию, шедшую в советском источниковедении по вопросу о «сущности исторического факта» в 1960—1970-е гг. Или так и не решенную (и, видимо, нерешаемую) проблему соотношения «реального исторического события» и «его отражения в историческом источнике».

Практически вне внимания автора пособия (скорее всего, из-за недостаточного объема и специфики издания) оказались также проходившие в прошлом веке споры о различных подходах к изучению источников в историографии западной (в СССР определявшейся как «буржуазная») и отечественной (в советский период позиционировавшейся как «социалистическая»). При всей идеологической ангажированности таких методических построений, обусловленной историческим временем, эти подходы действительно были своеобразны и специфичны, что хорошо отражено в известных книгах О.М. Медушевской «Современное зарубежное источниковедение», «Источниковедение социалистических стран» и «История источниковедения XIX—XX вв.»¹⁴¹.

В СССР существовало два разных подхода к изучению исторических источников. Возможно, в силу субъективных обстоятельств — автор сам безусловно принадлежит к школе источниковедения МГУ, всегда рассматривавшей данную науку только как «вспомогательную историческую дисциплину», — Д.М. Володихин проводит лишь один из них. Автор пособия даже специально это подчеркивает: «Итак, источниковедение — вспомогательная историческая дисциплина, изучающая источники» (с. 26).

Стоит добавить, что в рамках научных традиций, развивавшихся специалистами из МГИАИ, источниковедение воспринималось как отдельная наука со своими уникальными специфическими особенностями — на уровне археологии, искусствovedения или историографии. Вполне понятная (в силу места работы) склонность к теоретическим разработкам МГУ направила автора пособия в иную сторону. Позиция «историко-архивной» школы оставлена им в стороне. Между тем стоило бы упомянуть довольно известные учебники, подготовленные историками из «конкурирующего» сообщества специалистов¹⁴².

¹⁴¹ Медушевская О.М. Современное зарубежное источниковедение. М., 1983.; Она же. Источниковедение социалистических стран. М., 1985.; Она же. История источниковедения XIX—XX вв. М., 1988.

¹⁴² Например: Данилевский И.Н., Кабанов В.В., Медушевская О.М., Румянцева М.Ф. Источниковедение. М., 2004.; Данилевский И.Н., Добровольский Д.А., Казаков Р.Б. и др. Источниковедение. М., 2015.

Хотя, с другой стороны, понять автора книги в данном вопросе вполне возможно: рассмотреть разницу в принципиальных подходах «университетской» и «историко-архивной» школ в рамках одного раздела учебного пособия практически невозможно. Для этого пришлось бы писать обстоятельную статью, а то и целую монографию. При этом в подобной работе значительную долю объема пришлось бы отдать под интерпретации специфического советского «научного языка», порожденного насаждавшимся сверху марксистским подходом к истории (в итоге обычно это приводило не к прояснению позиций дискутирующих, а, напротив, к их затемнению). Возможно, когда-нибудь Д.М. Володихин и возьмется за такого рода работу, сумев подняться над сугубо «университетскими» взглядами на источниковедение.

В любом случае, смелость и искренность собственных воззрений автора пособия в вопросах теории источниковедения способны подкупить любого непредубежденного читателя. В третьей главе Д.М. Володихин к самому себе применяет свои же идеи о принципиальной несвободе историка от личных мировоззренческих позиций и показывает, что подобная честность дает самые поразительные результаты.

Освобождение современной гуманитаристики от базовых принципов советского периода, согласно которым якобы можно создать объективную картину социальной реальности, которую любой будет обязан принять независимо от своей мировоззренческой позиции, все еще не завершено. Поэтому так подкупает четко продекларированная позиция Д.М. Володихина, подчеркивающая, что не только автор исторического исследования не должен абстрагироваться от своих убеждений, но и читатель должен быть о них честно предупрежден.

И сам автор учебного пособия ничуть не затушевывает личные взгляды историка-христианина. Он считает, что его путь — наиболее перспективное направление выхода из современного теоретического тупика в исторической науке. Д.М. Володихин вполне справедливо замечает: «Так не была ли христианская почва той смыслообразующей платформой для истории, без которой ученый перестал видеть собственное высокое предназначение, опустившись до разгадывания “головоломок”, до экспериментов с методикой и делания “скромного вклада в науку”? Если так, то науке есть куда возвращаться» (с. 61).

При этом автор пособия хорошо показывает, что понимание сути собственных убеждений нисколько не препятствует объективному и непредвзятому изучению источника. В этом случае происходит вовсе не искажение основ исторического исследования, а его обогащение. Разные, но четко обозначенные мировоззренческие позиции помогут специалистам как бы с разных сторон взглянуть на один и тот же источник, дополнить его изучение попутным анализом вопросов, которые

могут даже не прийти в голову другим историкам в силу ограниченности их собственной системы убеждений.

Книга Д.М. Володихина при прочтении воспринимается по-хорошему спорной: выкладки и рассуждения автора показывают, что источниковедение не превратилось в омертвевшую схоластику, а является живой и развивающейся научной дисциплиной.

В самом начале пособия отмечается, что оно адресовано прежде всего учащимся: «Настоящее учебное пособие предназначено для учащихся высшей школы, главным образом студентов-гуманитариев, в первую очередь историков. Оно может применяться в учебном процессе, ориентированном как на очную форму обучения, так и на заочную». Однако одновременное затрагивание множества вопросов не только сугубо источниковедения, но и теории исторической науки и теоретической историографии (особенно в приложении) вызовет явный интерес к книге как у специалистов, занимающихся данными проблемами, так и у любителей истории, желающих ознакомиться с настоящими теоретическими трудностями, влияющими на изучение нашего прошлого, а не с надуманными сенсациями, часто не имеющими никакого отношения к реальности.

Сведения об авторе

Елисеев Глеб Анатольевич, кандидат исторических наук, член редколлегии научного ежегодника «Историческое обозрение». E-mail: geliseev@mail.ru

Information about the author

Eliseyev Gleb Anatolyevich, Candidate of Historical Sciences, member of the editorial board of the scientific yearbook «Historical Review». E-mail: geliseev@mail.ru

А.В. Венков
A.V. Venkov

**«ПОЕХАЛ КАЗАК НА ЧУЖБИНУ ДАЛЁКУ...»
НОВАЯ КНИГА О КАЗАЧЬЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ
«A COSSACK WENT FAR AWAY TO A FOREIGN LAND...»
A NEW BOOK ABOUT THE COSSACK ABROAD**

Ратушняк О.В. История казачьего зарубежья (1920—1930-е гг.)
/ Науч. ред. А.В. Малов, отв. ред. Д.М. Володихин. М.: «Снежный Ком»,
2025. 368 с.

Поехал казак на чужбину далёку,
На добром своем он коне вороном,
Свою он краину навеки покинул,
Ему не вернуться в отеческий дом.
(Гребенка Е.П. «Казак на чужбине»)

Вышла монография доктора исторических наук, ведущего научного сотрудника Научного центра истории казачества МГУТУ им. К.Г. Разумовского Олега Валерьевича Ратушняка «История казачьего зарубежья (1920—1930-е гг.)».

Тема, которую исследует О.В. Ратушняк, важна, актуальна, противоречива и в определенной мере политизирована. Она и болезненна, и одновременно вызывает гордость. Там, за границей, среди изгнанников был невиданный, не имеющий в истории аналогов всплеск высокохудожественной творческой активности. Лихие казачьи генералы, рубаки, герои стремительных рейдов стали вдумчивыми историками, а начальники полковых пулеметных команд, положивших на поле боя сотни и тысячи вражеских солдат, расцвели наш мир невиданной по красоте и вдохновению поэзией. Они выплеснули в европейскую и азиатскую атмосферу (а кое-кто и до Америки добрался) нерастроченный за время Первой Мировой и Гражданской войн запас энергии, изобретательности, мастерства. Вслед за образом М.Ю. Лермонтова, образом Николая Гумилева миру вновь был явлен образ поэта-воина:

...Я с кормы все мимо... мимо...
В своего стрелял коня...
.....

Конь все плыл, теряя силы,
Веря в преданность мою...

(Н.Н. Туруверов)

Перед нами материалы 14 архивов, российских и зарубежных, 14 сборников опубликованных документов, 48 изданных мемуаров и дневников (да еще три на сербохорватском языке) и 38 наименований органов периодической печати. На этих источниках О.В. Ратушняк строит свое исследование. Историографический список тоже впечатляет: 249 наименований работ отечественных исследователей, 20 — иностранных авторов. Среди зарубежной литературы преобладают труды на сербохорватском и болгарском языках. Там, в Югославии и Болгарии, было основное прибежище донских и кубанских казаков.

Монография состоит из введения, 4 глав и заключения. Главы делятся на 14 параграфов. Воистину число 14 имеет в этом научном труде некое мистическое значение.

Во введении автор показывает актуальность своего исследования и называет факторы, обусловившие эту актуальность. Как и в любом традиционном историческом исследовании здесь определены объект, предмет исследования, временные и географические рамки (европейские государства и Китай). И поскольку наука начинается там, где появляется сравнение, О.В. Ратушняк сравнивает положение казаков-эмигрантов с положением всего Русского зарубежья. Много внимания уделено терминам, от чего зависят четкость и ясность исторической мысли.

Естественно, автор детально анализирует те источники, на которые опирается в своей работе. Среди общего массива документов, уже привычного взору историка-профессионала, его внимание особенно привлекают воспоминания детей эмигрантов и детей-сирот, вывезенных за границу.

Первая глава «Методологические, источниковедческие и историографические проблемы изучения казачьего зарубежья» делится на три параграфа. Автор вновь обращается к определению казачьего зарубежья как объекта исследования, анализирует методологические проблемы его изучения. Вновь подробно рассматривает и характеризует источниковую базу по истории казачьего зарубежья, прослеживает основные этапы изучения этой темы. В конце главы О.В. Ратушняк делает несколько неожиданный вывод: «В рамках исследований, в той или иной степени связанных с казачеством, остается нерешенной основная методологическая и историографическая проблема — определение самого казачества как объекта исследования. Ни в российской историографии, ни тем более в зарубежной нет общепринятого определения, что есть казачество как таковое» (с. 89). Однако еще в 1990 г. ростовские ученые на страницах журнала «Дон» дали развернутое определение, что такое казачество. В Российской империи это было официально признанное сословие. Большевики, утверждая 22 апреля 1919 г. резолюцию

о рассказывании, назвали казаков враждебной «социально-экономической группой». В русской армии это был род войск, составная часть иррегулярной легкой конницы.

Вторая глава монографии «Эмиграция казаков за границу: предпосылки, причины, география расселения и численность» особенно информативна. Гражданская война — пролог эмиграции казаков. Автор рассматривает особенности казачьего восприятия этого страшного события. Казаки, по его мнению, устали от Мировой войны, поэтому многие и большевиков поддержали с их лозунгом о мире. «Нейтрально-выжидательная позиция» — вот основа их поведения в начале Гражданской войны. Затем логика классовая и сословная рознь вынудила казаков выступить против большевиков, однако не сделала их «автоматически сторонниками Белого движения в России» (с. 95). Большую роль в принятии решений об эмиграции «сыграла репрессивная политика большевиков» (с. 96). И один из главных факторов эмиграции — поражение в Гражданской войне (с. 107).

Численность казаков за рубежом всегда вызывала споры, потому что шел постоянный отток обратно в Россию, в СССР. Но происходил он до определенного времени. О.В. Ратушняк методично и скрупулезно подсчитывает количество эмигрировавших и отмечает места их размещения (что тоже не было чем-то постоянным). Особое внимание уделено наиболее многочисленной группе, ушедшей за границу с войсками генерала Врангеля. По мнению автора, за границей оказалось более 100 тыс. казаков, и разделились они между Западом и Востоком примерно поровну. Небольшие группы обосновались в Австралии, Америке, на Ближнем Востоке и даже в Африке.

Один из параграфов посвящен реэмиграции. Историк убедительно доказывает, что чуть ли не половина ушедших за границу казаков в 1920-е гг. вернулась на Родину, не прижившись за границей. Автор этих строк может подтвердить: четверо его родственников уходили в эмиграцию, трое из них вернулись из Болгарии еще в 1922 г., но не пережили 1930-е гг. Однако они были из рядового состава, лишь один имел чин подхорунжего. В 1956 г. вернулся четвертый, войсковой старшина, привез почетный диплом парижского профсоюза таксистов и дожил до 1980 г.

С простой человеческой точки зрения наиболее интересна третья глава: «Хозяйственно-экономическая жизнь и культурно-бытовая адаптация казаков за рубежом в 1920—1930-е годы». Глубокое сочувствие вызывают описания первого года жизни казаков за пределами Родины. Обстановка лагерей, где были собраны эмигранты, предстает «кошмарной» (с. 149). Холод, полуголодное существование, болезни. Французы, под чьим контролем находились войска Врангеля (с дека-

бря 1917 г. Крым и Украина входили в зону французского влияния), как только поняли, что Гражданская война белыми проиграна, прекратили финансирование отплывших за границу врангелевских частей. Союзники...

Особой страницей истории эмиграции стала жизнь казаков в славянских странах. Лояльнее всего к ним относилось население Сербии. В книге хорошо показано, как и какую работу искали казаки за границей, сколько зарабатывали. В основном это была физическая, очень тяжелая работа. Известно, что знаменитый Гундоровский Георгиевский полк был объявлен «рабочим полком» и выживал, работая в Болгарии на шахтах. В книге говорится и о том, как казаки начали объединяться в станицы. Коллективно выживать легче. В итоге «среди казаков было гораздо меньше безработных, чем среди других российских эмигрантов» (с. 194).

Особый параграф посвящен адаптации казаков в Азии, Австралии, Америке. Там было сложнее. С китайскими чернорабочими оказалось труднее конкурировать. Но, с другой стороны, казаки в Китае сохранили оружие и некоторые свои организации, которые, впрочем, обретали криминальный облик.

А вот культуре казачьего зарубежья внимания в монографии, на наш взгляд, уделено недостаточно, всего 12 страниц (с. 217—229). Однако это компенсируется многочисленными исследованиями по культуре казачьего зарубежья других авторов. Но одно сравнение все же просится на бумагу: 40 тыс. оказавшихся в Европе казаков издавали такое количество газет и журналов, проводили столько культурных мероприятий, сколько не издавалось и не проводилось до революции (и уж точно — после революции) на территориях Донского и Кубанского казачьих войск с их трехмиллионным населением. Воистину за рубеж ушли самые талантливые. Если количественные потери казачьего населения в СССР удалось восстановить довольно быстро за счет высокой рождаемости на казачьих территориях, то «качество» этого населения, как нам представляется, не удалось восстановить и до настоящего момента.

Глава 4 «Общественно-политическая жизнь казачьего зарубежья в 1920—1930-е годы: основные течения и объединения» развернута автором гораздо шире. О.В. Ратушняк показывает, что идеи создания тех или иных эмигрантских объединений появились еще в 1917 г. Во многом эти объединения компенсировали неудавшийся в годы Гражданской войны план создать союзное казачье государство. Ушедшие в эмиграцию официальные вожди казачества считали необходимым «продолжение вооруженной борьбы с советской властью при полном единении всех русских сил и сохранении единого командования» (с. 234). Но жизнь

за границей диктовала свои суровые законы. Сознывая, что коллективно выживать легче, казаки-эмигранты все равно стали делиться на партии и течения, ввязались в политическую борьбу. Автор показывает весь спектр политических течений, куда были вовлечены казаки. Этих течений стало даже больше, чем во времена Гражданской войны: открытая вооруженная борьба с большевиками была невозможна без сплоченности, но за границей боевые действия не велись, и все политические пристрастия, все их оттенки проявились в казачьей среде беспрестанно. В одних организациях хотели драться с большевиками до конца, в других мечтали вернуться на Родину и искали пути компромисса. Между теми и другими началась борьба, хотя в основном она шла в верхах, среди лидеров.

Автор подробно описывает также «вольно-казачье» движение, чьи сторонники желали доказать, что казаки являются особым древним народом, и привить эти знания и убеждения казачьей молодежи. Но и здесь единства не было. Одни считали казаков единым народом, другие доказывали, что казачество состоит из нескольких этносов. О.В. Ратушняк показывает, как некоторые европейские государства (Польша, например) «подкармливали», финансировали эти движения, видя в них одно из орудий, работающих на разделение русских, на расчленение России.

Не менее «захватывающей» была политическая жизнь казаков, эмигрировавших в Китай. Там даже были сторонники союза с фашистами.

В Заключении автор подводит итоги своего исследования и указывает на перспективы дальнейших изысканий. Для читателя же в целом, по прочтении книги открывается панорама тяжелой жизни «недовоевавшей» казачьей молодежи, у которой душа горела и чесались руки. Но последующие 1940-е гг. не оправдали ожиданий казаков. С немцами против России решились идти немногие, да и тех отправили не на территорию СССР, а в Югославию. В целом же домой после войны вернулись немногие. Цвет казачества в основном сгинул за границей, и в этом страшная, невосполнимая потеря и для казаков, и для всего русского народа...

В итоге можно сказать, что создано законченное научное произведение, которое будет интересно не только специалистам, но и всем, кто интересуется историей российского казачества и русской эмиграции.

Сведения об авторе

Венков Андрей Вадимович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Научного центра истории казачества, Мо-

сковский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского (Первый казачий университет).

Information about the author

Venkov Andrey Vadimovich, Doctor of Historical Sciences, Professor, Chief Researcher at the Scientific Center of the History of the Cossacks, K.G. Razumovsky Moscow State University of Technologies and Management (First Cossack University).

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I. ИСТОРИЯ

Д.М. Володихин

О ВРЕМЕНИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИПАТЬЕВСКОГО МОНАСТЫРЯ В КОСТРОМЕ.....	3
---	---

О.В. Ратушняк

УЧАСТИЕ КАЗАКОВ-КУБАНЦЕВ В ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЕ	9
--	---

А.В. Венков

КАЗАКИ В ХОДЕ НАСТУПЛЕНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОГО ФРОНТА 1916 Г. (БРУСИЛОВСКИЙ ПРОРЫВ).....	20
--	----

С.Г. Нелипович

ПОТЕРИ СТОРОН В ЛЕТНЕЙ КАМПАНИИ 1916 Г. НА РУССКОМ ФРОНТЕ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	30
---	----

М.В. Плакса, Г.Г. Елисеев

ГЛАВЫ ВНЕШНЕПОЛИТИЧЕСКОГО ВЕДОМСТВА РОССИИ ПЕРЕД ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНОЙ. ОСОБЕННОСТИ РАБОТЫ В «ПРЕКРАСНУЮ ЭПОХУ».....	56
--	----

РАЗДЕЛ II. ЖУРНАЛИСТИКА

С.Н. Богатырева, А.А. Серегина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ОППОЗИЦИИ «СВОЙ — ЧУЖОЙ» НА ПРИМЕРЕ ЖЕНСКИХ ОБРАЗОВ БРИТАНСКОЙ КОРОЛЕВСКОЙ СЕМЬИ В СМИ	65
--	----

С.С. Арутюнов

ПОРТАЛ «ПРАВЧТЕНИЕ.РУ» КАК ЧАСТЬ ИНТЕРНЕТ-СЕТИ ИЗДАТЕЛЬСКОГО СОВЕТА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ.....	81
--	----

РАЗДЕЛ III. ПЕДАГОГИКА

И.В. Микитюк, И.А. Ахметшина

ГОТОВНОСТЬ ПЕДАГОГОВ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ТЕХНОЛОГИЙ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ	87
--	----

<i>Ли Мэнлун, Цзэн Цзин, Кан Цзе, С.Н. Богатырева, В.А. Чаленко</i> ФОРМИРОВАНИЕ ПАТРИОТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ В КИТАЙСКИХ КОЛЛЕДЖАХ И УНИВЕРСИТЕТАХ В АСПЕКТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ (НА ПРИМЕРЕ ЦЗИЛИНЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА)	99
--	----

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

<i>А.В. Малов</i> ВСЕРОССИЙСКАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ С МЕЖДУНАРОДНЫМ УЧАСТИЕМ «КАЗАЧЕСТВО НА СЛУЖБЕ ОТЕЧЕСТВУ: К 80-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ И К 360-ЛЕТИЮ БИТВЫ ПОД БЕЛОЙ ЦЕРКОВЬЮ»	117
---	-----

<i>Г.Н. Ланской</i> НОВОЕ УЧЕБНОЕ ИЗДАНИЕ В ОБЛАСТИ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЯ	124
--	-----

<i>Г.А. Елисеев</i> НОВЕЙШИЙ ТРУД ПО ТЕОРЕТИЧЕСКОМУ ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЮ	130
--	-----

<i>А.В. Венков</i> «ПОЕХАЛ КАЗАК НА ЧУЖБИНУ ДАЛЁКУ...» НОВАЯ КНИГА О КАЗАЧЬЕМ ЗАРУБЕЖЬЕ.....	135
--	-----